

E 39
151

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ

ПО ДАЛЬНОМУ ВОСТОКУ

М. Г. ГРЕБЕНЩИКОВА.

С.-Петербургъ.
Типографія Я. И. Либермана, Вознесенскій пр., № 30—4.
1887

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

Изъ оконъ грязноватаго номера виднѣлась бѣлая труба парохода, который долженъ былъ увезти меня на слѣдующій день изъ Европы; съ улицы доносился шумъ большаго портоваго города. Но и пароходъ и этотъ шумъ мало привлекали мое вниманіе: мысли мои витали на сѣверѣ, подъ вѣчно-хмурымъ небомъ Петербурга, среди друзей и знакомыхъ. Да и какое дѣло было мнѣ, журнальному работнику, до Одессы, обдавшей меня сразу какой-то атмосферой торгашества и наживы? Правда, политическая экономія учитъ, что торговля — весьма сильный двигатель въ народномъ хозяйствѣ; но и этотъ догматъ, зазубренный еще на школьной скамьѣ, плохо мирилъ меня съ красавицей юга, упавшей въ объятія толстаго кармана, мѣшка, набитаго золотомъ. Прогуливаясь по городу, я не могъ не замѣтить, что университетъ загнанъ куда-то въ переулокъ, библіотека и музей какъ-бы подавляются огромною биржею, а мировой съѣздъ помѣщается чуть-ли не на заднемъ дворѣ.

Чисто машинально продолжалъ я глядѣть на безконечную даль моря, непривѣтливаго и бурливаго. И невольно рождался вопросъ: что-то тамъ, за этими темными волнами, ожидаетъ меня? Чувство одиночества и тоски по родинѣ мало по малу смѣнилось желаніемъ переплыть безконечную даль и увидать то, что скрывается за нею. Такова ли она, какъ ее описываютъ ученые и неученые путешественники? Вѣдь вотъ Одесса оказалась совершенно иною, чѣмъ я представлялъ ее себѣ на основаніи всякихъ описаній. Отчего не предположить, что и Константинополь, и Коломбо, и Нагасаки не таковы, какъ ихъ рисуютъ путешественники? Я увѣренъ, что послѣдніе не лгутъ, а лишь даютъ своимъ описаніямъ субъективную окраску. Оно иначе и быть не можетъ: одинъ и тотъ же предметъ будетъ казаться не одинаковымъ поэту, естествоиспытателю, соціологу и воину, и въ каждомъ изъ нихъ вызоветъ совершенно различныя мысли. И это отлично: какъ въ стереоскопѣ двѣ картины, снятыя съ двухъ различныхъ сторонъ, даютъ рельефъ и перспективу дѣйствительности, такъ и одно только разнообразіе описаній способно создать въ умѣ читателя болѣе или менѣе вѣрное представленіе о предметѣ.

Эти размышленія привели меня къ тому заключенію, что и я бы могъ вести путевыя замѣтки, которыя могли бы имѣть кое-какой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ: ѣду я

на русскомъ переселенческомъ пароходѣ:—ужъ одно это само по себѣ представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ эти пароходы—новость у насъ въ Россіи, нигдѣ и ни кѣмъ не описанная, если не считать оффиціальныхъ отчетовъ тѣхъ чиновниковъ, которые сопровождаютъ переселенцевъ. Придя разъ къ возможности экскурсіи въ область географіи, я запасся тетрадью, страницы которой и представляю на судъ читателей.

I.

Еще нѣсколько часовъ и прощай родина, можетъ быть, на долгіе годы. Невольно становится жутко и подбодряетъ только совершенно спокойный видъ моихъ спутниковъ, переселенцевъ изъ Черниговской губерніи въ Южно-Уссурійскій край. Не привѣтлива была, вѣроятно, къ нимъ эта Черниговская губернія, которую они покинули навсегда для невѣдомой „закитайщины“, какъ они выражаются. А можетъ быть это спокойствіе происходитъ просто отъ привычки русскаго мужика, какъ и мужика большей части другихъ народовъ, къ переселеніямъ. Но не смотря на это внѣшнее спокойствіе, переселенцы представляютъ довольно таки жалкій видъ въ своихъ изодранныхъ и заплатанныхъ полушубкахъ, неуклюжихъ сапогахъ, съ испитыми у большинства лицами. Видимо они еще хорошо не освоились съ паро-

ходомъ и какъ-то безцѣльно снуютъ взадъ и впередъ по палубѣ, мѣшая матросамъ и рабочимъ, оканчивающимъ нагрузку.

Если эмигранты спокойно покидаютъ родину, то и послѣдняя не особенно ласково ихъ провожаетъ: мелкій дождь напоминаетъ петербургскую осень, а холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ насквозь. Волны въ безсильной злобѣ бьются о каменный молъ, напоминая звѣрей, запертыхъ въ клѣткѣ.

Ни дождь, ни вѣтеръ однако же не мѣшаютъ двумъ чиновникамъ бѣгать по палубѣ въ однихъ мундирчикахъ... Но Богъ съ ними: они одинаковы и въ Одессѣ, и въ Петербургѣ, и во Владивостокѣ... Молебенъ отслуженъ, власти уѣхали въ городъ, и мы снимаемся съ якоря при крикахъ „ура" толпы зѣвакъ, которыми усѣянъ молъ. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Пароходъ все больше и больше раскачивается своимъ громаднымъ корпусомъ. Надо бѣжать въ каюту и ложиться въ койку. Послѣ Бернанда не стоитъ и описывать морскую болѣзнь, которую онъ такъ живо и съ такимъ юморомъ изобразилъ со всѣми мученіями, причиняемыми ею новичку, переплывающему впервые море. „Вотъ тебѣ и путевыя замѣтки", —думаешь, укутываясь въ пледъ,—„да тутъ и двухъ строкъ не напишешь!" Но нѣтъ того мученія, которое бы не имѣло конца — наступаетъ конецъ и качкѣ. Послѣ полуторасуточнаго подражанія доктору

Таннеру, совершенно впрочемъ невольнаго, съ особенною жадностью накидываешься на кофе и хлѣбъ со сливочнымъ масломъ.

— Господа, Константинополь виденъ! объявляетъ мой спутникъ—агрономъ, ѣдущій на Сахалинъ.

Очутиться на палубѣ съ биноклемъ въ рукахъ—дѣло одной минуты. Виденъ же, однако, собственно не Константинополь, а пока еще Босфоръ и его укрѣпленія. Съ военной точки зрѣнія, послѣднія, можетъ быть, и очень даже грозны, но на штатскій глазъ — это земляные валики съ пушками, прикрывающіе казармы и мечети съ довольно мизерными минаретами. Идемъ дальше, и предъ нашими глазами открывается безконечная панорама домовъ, расположенныхъ амфитеатромъ по уступамъ горъ, загородныхъ дворцовъ (между которыми виднѣется и русское посольство съ двуглавыми орлами), мечетей и мрачныхъ кипарисовъ. Тѣ, кто восторгается видомъ Константинополя съ моря, ничуть не преувеличиваютъ: видъ дѣйствительно чудесный, даже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда большинство деревьевъ— еще безъ листьевъ. Петербуржецъ не привыкъ ни къ такимъ яркимъ краскамъ, ни къ такому безпорядку. Тутъ ужъ никакой щедринскій градоправитель, перестроившій Глуповъ, не былъ бы въ состояніи придать улицамъ казарменный видъ, да и какія улицы мыслимы на горахъ! Сахалинскій агрономъ приходитъ въ окон-

чательный восторгъ и заражаетъ имъ и меня: кажется, что видишь какой-то волшебный сонъ, ощупываешь себя, свою шведскую куртку—нѣтъ, это не сонъ, это самая „заправская“ дѣйствительность. Вотъ показались куполъ и минареты св. Софіи, за ними выдвигаются изъ туманной дали Османіе, Валиде и десятки другихъ мечетей. Мы вошли въ Золотой Рогъ, оставивъ съ права роскошный Долма-Бакче, а сзади Скутари.

— Стопъ! раздается команда.

Пароходъ остановился. Десятки лодчонокъ снуютъ около бортовъ, и, вслѣдъ за турецкимъ докторомъ, изъ нихъ на палубу вылѣзаетъ цѣлая армія гидовъ, лодочниковъ и продавцовъ всякой всячины, ожидающихъ, что въ ихъ карманъ перепадетъ одинъ-другой русскій рубль. Впрочемъ, они съ радостью принимаютъ и русскіе пятаки. Приходится отбиваться чуть не силой отъ всѣхъ этихъ грековъ и турокъ, научившихся гдѣ-то на нашу погибель русскому языку. Волей-неволей, а приходится принять услуги, въ качествѣ гида, одного сѣдовласаго потомка аѳинянъ или спартанцевъ, которыхъ, впрочемъ, онъ ничѣмъ не напоминаетъ. Четверть часа плаванія по Золотому Рогу—и мы на пристани въ Галатѣ, охваченные сразу сутолокой столицы востока. Нельзя сказать, чтобы воздухъ въ этой части города былъ особенно ароматиченъ: наша Сѣнная и московскій Охотный рядъ — изящные будуары по сравненію съ нѣ-

которыми переулками и улицами: такая царитъ въ нихъ вонь! Но ее скоро позабываешь, глядя на пеструю толпу торговцевъ, носильщиковъ, нищихъ, дервишей, турецкихъ офицеровъ, негровъ и матросовъ всѣхъ странъ свѣта. Изъ Пантелеймоновскаго подворья выбѣжалъ бѣлокурый послушникъ, какихъ сотни разсѣяны по русскимъ монастырямъ, и юркнулъ съ бутылкою въ рукахъ въ какую-то лавчонку. Странною кажется его курская или калужская фигура среди окружающей обстановки и намъ-то даже особенно мила. Мы просто теряемся отъ шума и гама: одинъ предлагаетъ почистить сапоги, другой суетъ свѣжія французскія газеты, третій просто клянчитъ милостыню.

— Гдѣ бы купить намъ фотографическихъ видовъ? — спрашиваемъ мы нашего гида.

— Въ Перѣ, въ Перѣ! Вы тамъ все достанете: и „секретныя" карточки, и что вамъ угодно, — восклицаетъ потомокъ героевъ Мараѳона и тащитъ насъ на станцію гидравлической желѣзной дороги, соединяющей, посредствомъ туннеля, Галату съ европейскимъ кварталомъ..

Нѣсколько минутъ потемокъ, — и мы въ Перѣ. Улицы довольно узки, и пѣшеходамъ поминутно приходится жаться къ стѣнамъ, чтобы дать дорогу каретѣ или коляскѣ, но содержатся чисто; дома — европейской архитектуры, а нѣкоторые магазины не уступятъ луч-

шимъ магазинамъ Невскаго и Большой Морской. Толпа здѣсь нѣсколько иная: преобладаетъ европейскій костюмъ; немало попадается красивыхъ гречанокъ и француженокъ, шныряютъ іезуиты въ шляпахъ a la донъ-Базиліо. Обозрѣвъ главную улицу и нагрузивъ нашего чичероне всякими покупками, мы начинаемъ чувствовать аппетитъ, который и удовлетворяемъ въ ресторанѣ „Византія“, гдѣ за девять рублей намъ подаютъ четыре порціи: свѣжихъ омаровъ, плова, котлетъ, фруктовъ и бутылку настоящаго бургонскаго вина. Если принять во вниманіе, что мы пришли съ гидомъ, который успѣлъ уже перемигнуться съ буфетчикомъ, то это не особенно дорого.

Опять туннель, опятъ Галата, и мы у Золотаго Рога. Уплативъ по мелкой монетѣ сторожу въ длинной бѣлой рубахѣ, мы получаемъ право перейти по деревянному мосту въ Стамбулъ. Не безъ страха ступаешь по истертымъ, дырявымъ доскамъ, глядя на толпу всадниковъ и пѣшеходовъ, на коляски и фіакры, катящіеся по этому ветхому сооруженію, подъ которымъ кипитъ не меньшая жизнь: снуютъ пароходики — „шайтаны“, поддерживающіе сообщеніе съ азіатскимъ берегомъ, лодки и нагруженные барки и каики. Чумазый мальчуганъ, заслышавъ русскую рѣчь, протягиваетъ ручонку и совершенно чисто произноситъ: „дай денегъ — я не ѣлъ!“ Русскій языкъ далеко не рѣдкость въ столицѣ Турціи: во французскомъ книжномъ магазинѣ прикащикъ заго-

ворилъ со мной на самомъ правильномъ русскомъ языкѣ и тотчасъ-же предложилъ женевскія и лондонскія подпольныя изданія.

Въ Стамбулѣ садимся въ миніатюрный вагончикъ конно-желѣзной дороги и катимъ въ Софійскую мечеть. Стамбулъ не похожъ ни на Галату, ни на Перу: здѣсь и дома иные, съ рѣшетками гаремовъ; на каждомъ шагу фонтаны, минареты и на самыхъ бойкихъ улицахъ — кладбища. Снуютъ въ зеленыхъ чалмахъ муллы, софты, улемы, идутъ турчанки въ чадрахъ и яркихъ платьяхъ. Заглядываю подъ кисейныя чадры, но у молодыхъ удается лишь разсмотрѣть порою дѣйствительно чудные черные глаза; что касается до пожилыхъ и старухъ, то онѣ могли-бы, безъ убытка для любопытныхъ, кутаться еще плотнѣе.

Вотъ и Софія — этотъ предметъ скорби для всѣхъ алчущихъ овладѣть Константинополемъ. Снаружи знаменитый соборъ порядкомъ таки обезображенъ турецкими пристройками, но внутри дѣйствительно величественъ и производитъ большое впечатлѣніе. Турки тщательно истребили всѣ слѣды христіанскаго культа, заштукатуривъ даже мозаику куполовъ. Странно, прохаживаясь подъ высокими сводами древней христіанской святыни, я не испытываю никакого негодованія на то, что она въ рукахъ магометанъ, а не грековъ. Многимъ ли въ сущности Византія отличалась отъ побѣдившаго ее маго-

метанскаго міра? Тотъ же фанатизмъ, такъ рѣзко выразившійся въ александрійскихъ убійствахъ, тотъ же застой, тотъ же деспотизмъ. Недаромъ византійское вліяніе стало синонимомъ неподвижности и чего-то въ высшей степени мрачнаго, мертвящаго, убивающаго всякое живое біеніе общественной жизни. Исторія даже послѣднихъ дней показываетъ, что такое были греки и греческое духовенство — стоитъ только припомнить гнетъ послѣдняго надъ болгарскою церковью.

Но тѣмъ не менѣе въ этой древней христіанской святынѣ чувствуешь что-то совершенно особенное, какое-то дѣйствительное благоговѣніе. Многое, очень многое видѣли эти стѣны: и Византійскихъ Императоровъ, и пословъ Владиміра Святаго, и крестоносцевъ и грозныхъ султановъ. О чемъ только не возсылались въ этихъ стѣнахъ мольбы къ Создателю. Мнѣ невольно припоминается легенда о томъ, что настанетъ день и изъ замуравленной двери выйдетъ со святыми дарами тотъ самый служитель церкви, который, по преданію, скрылся въ нее, когда въ соборъ ворвались невѣрные и осквернили святую Софію. Выйдетъ священникъ и докончитъ прерванное таинство евхаристіи. Чудная, поэтичная легенда! Я понимаю, что, вѣря ей, можно горячо желать, чтобы, какъ можно скорѣе, опять эти высокіе своды огласились призывомъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“.

Пока мы разсматривали древнюю святыню, муллы, не обращая на насъ никакого вниманія, поучали, сидя на тюфякахъ съ развернутыми коранами на колѣняхъ, своихъ немногочисленныхъ слушателей, сидѣвшихъ и лежавшихъ на цыновкахъ въ довольно живописныхъ позахъ. Окончивъ осмотръ, мы собираемся уходить. Одинъ изъ правовѣрныхъ предлагаетъ хрустально чистой воды изъ источника, служащаго для омовеній.

— Хорошъ? спрашиваетъ насъ, когда мы напились.

— Якши, біюкъ якши! отвѣчаю я.

Взглянувши еще разъ на дѣйствительно величественный храмъ и купивъ нѣсколько кусочковъ мозаики на память, мы торопимся на пароходъ.

— Мы снимаемся завтра, въ четыре часа пополудни, встрѣчаетъ насъ радостною вѣстью командиръ, послѣ чего я, конечно, отправляюсь ночевать на берегъ.

Прежде всего, ѣду занять номеръ въ „Византіи". Гулять поздно, въ театръ идти рано, и потому спускаюсь въ общую гостинную почитать газеты. Но, увы! скоро мое спокойствіе нарушается вторженіемъ цѣлой компаніи англичанъ. Три миссъ ничуть не похожи на тѣхъ красавицъ, которыхъ обыкновенно изображаютъ лондонскія иллюстраціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаютъ и тотъ предразсудокъ, будто всѣ англичанки сухопары. Что касается до мамаши, то она можетъ поспорить дородностью съ любой замоскворѣцкой купчихой. До притор-

ности чистоплотный джентельменъ съ классическимъ проборомъ на затылкѣ и баками, столь излюбленными апраксинскими прикащиками, въ черномъ сюртукѣ и палевыхъ брюкахъ въ обтяжку, повидимому, не раздѣляетъ моего мнѣнія о красотѣ барышень съ лошадинными зубами и очень энергично увивается около одной изъ нихъ. Торопливо докуривъ сигару, я спѣшу покинуть веселую компанію, такъ и не дочитавъ извѣстія о реализаціи новаго займа. Кстати пора идти въ театръ, широковѣщательная афиша котораго обѣщаетъ исполненіе труппою парижскихъ артистовъ извѣстной феерін „Путешествіе въ восемдесятъ дней вокругъ свѣта“ съ блестящей обстановкой и новыми костюмами. Беру билетъ и вхожу въ партеръ. Дырявый потертый занавѣсъ, изображающій поверженнаго во прахъ Мефистофеля и парящихъ геніевъ, напоминаетъ своимъ убогимъ видомъ балаганы, въ которыхъ показываютъ толстыхъ дѣвицъ и даютъ представленія шпагоглотатели. Оркестръ отдѣленъ желѣзной рѣшеткой, какія ставятъ у насъ вокругъ могилъ. Публики мало, но безъ англичанъ и здѣсь дѣло не обходится. Держатъ себя зрители довольно свободно: какой-то турокъ снялъ туфли и поджалъ ноги калачикомъ. Но еще безцеремоннѣе музыканты: они складываютъ верхнее платье на кресла перваго ряда, кричатъ и хохочутъ на весь театръ и вообще чувствуютъ себя, какъ дома. Наконецъ увертюра съиграна, взви-

вается занавѣсъ, и представленіе начато. Смѣю увѣрить, что артисты Малафѣева и Лейферта — просто Ольриджи и Тальмы по сравненію съ актерами Константинопольскаго муниципальнаго театра. Блестящая обстановка и новые костюмы способны вызвать улыбку у самаго нетребовательнаго зрителя, и англійскіе лорды болѣе смахиваютъ на переодѣтыхъ извощиковъ, чѣмъ на аристократовъ. Высидѣть дольше четвертой картины оказывается положительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что со сцены несетъ запахомъ плохо содержимой конюшни.

Въ силу сихъ обстоятельствъ, перекочевываю въ кафэ-шантанъ „Concordia". Два яруса ложъ и партеръ, уставленный столиками, заполнены фесками. Константинопольскіе жуиры оказываются не изъ расточительныхъ и пробавляются фруктовымъ сиропомъ съ водою: иной просидитъ весь вечеръ и не издержитъ болѣе франка. Главный доходъ константинопольскихъ кафэшантановъ, входъ въ которые безплатенъ, составляетъ рулетка: все остальное — декорація, прикрывающая игорный домъ. Въ „Concordia" я застаю лишь второе отдѣленіе. Послѣ какой-то безголосой француженки, на сценѣ появляются петербургскіе знакомые — семейство Арманини съ неизмѣнной „Мандолинатой". Затѣмъ идетъ очень недурно исполняемая одноактная оперетка.

Уставъ отъ массы новыхъ впечатлѣній, ѣзды и бѣготни, съ особымъ удовольствіемъ ложусь въ постель

со свѣжимъ бѣльемъ и кисейнымъ пологомъ, и моментально засыпаю мертвымъ сномъ. Въ семь часовъ я уже опять на ногахъ и, нанявъ гида и коляску, катаюсь по Стамбулу. Прежде всего, ѣду въ „Императорскій музей древностей“. Музею этому положилъ начало, тридцать лѣтъ тому назадъ, тогдашній начальникъ артиллеріи Фетисъ-паша, и до 1875 года музей былъ частнымъ учрежденіемъ, въ этомъ же году онъ поступилъ въ вѣдомство министерства публичныхъ работъ и помѣщенъ въ изящномъ зданіи — „Тишнили-кіоскъ“. Въ 1881 году, коллекціи музея приведены въ порядокъ археологомъ Рейнахомъ, потратившимъ, повидимому, немало труда. Такова исторія этого ученаго учрежденія, содержащаго въ себѣ болѣе шестисотъ предметовъ, размѣщенныхъ по отдѣламъ: египетскому, ассирійскому, греческому и римскому. Зданіе музея имѣетъ также свою исторію. Это — первая монументальная постройка турокъ въ Константинополѣ: надпись на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, сдѣланная надъ входною дверью, гласитъ, что Тишнили-кіоскъ построенъ султаномъ Магометомъ II въ 870 году магометанской эры, т. е. въ 1466 году по Р. Х. Въ 1590 году, Мурадъ III еще болѣе украсилъ зданіе и устроилъ въ одной изъ залъ сохранившійся до сихъ поръ фонтанъ.

— Ну, теперь куда? спрашиваю я гида, осмотрѣвъ музей.

— Теперь поѣдемте смотрѣть обелиски и змѣиную колонну.

Нѣсколько поворотовъ — и мы на огромной немощеной площади, гдѣ высятся обелиски, пережившіе величіе и упадокъ Византіи, могущество султановъ, и которые доживутъ, вѣроятно, и до окончательнаго паденія власти турокъ. Сколько бурныхъ сценъ видѣли эти молчаливые гиганты: борьба зеленыхъ и голубыхъ, иконоборчество, крестоносцы, грозные янычары. Здѣсь фигурировала честолюбивая Ѳеодора, вскружившая голову творца знаменитаго „Corpus juris civilis", надъ которымъ ломали головы десятки тысячъ юристовъ и который еще долго будетъ составлять базисъ юриспруденціи. Здѣсь, въ качествѣ кучеровъ, являлись византійскіе аристократы и даже сами императоры. Гдѣ всѣ дѣйствующія лица совершившихся тутъ драмъ и трагедій, гдѣ гордая Ѳеодора, которую и теперь еще изображаютъ наши провинціальныя трагическія актрисы? Перешли въ Нирвану... А обелиски стоятъ да стоятъ, гордо взирая на жалкихъ современныхъ турокъ, хитрыхъ, льстивыхъ грековъ и любопытныхъ туристовъ, наводящихъ на нихъ свои бинокли. Слѣва высится со своими пятью минаретами величественная мечеть Османіе, гдѣ правовѣрные получаютъ благословеніе передъ отправленіемъ въ Мекку. Прямо предъ глазами — музей янычаръ и сиротская ремесленная школа. Музей мало интере-

сенъ: манекены грубой работы, а ихъ костюмы порядкомъ таки запылились и обветшали, такъ что всѣ эти великіе визири, казначеи, палачи, придворные врачи и повара производятъ довольно жалкое впечатлѣніе. Но нѣкоторое представленіе о прежнемъ султанскомъ дворѣ конечно можно составить. Гораздо интереснѣе мастерскія ремесленной школы, между которыми есть и литографія. Дѣло, повидимому, поставлено хорошо и положительно опровергаетъ то ходячее мнѣніе, будто турки неспособны ни на что, кромѣ „болгарскихъ звѣрствъ". Я видѣлъ нѣсколько прекрасно сдѣланныхъ литографскихъ камней работы учениковъ, которыми похвасталъ преподаватель.

Опять сажусь въ коляску и ѣду смотрѣть цистерну съ тысячью колоннъ, которыхъ я впрочемъ не считалъ. Говорятъ, что во время оно янычары бросали въ это огромное подземелье свои жертвы. Теперь цистерна на половину засыпана землею, и въ ней помѣщается шолковая фабрика.

Безконечнымъ лабиринтомъ мощеныхъ и немощеныхъ улицъ, съ роскошными мраморными мечетями, старыми кладбищами, кофейнями и лавочками, мимо обрывовъ, развалившихся лачугъ и огородовъ, добираемся мы до Семибашеннаго замка, гдѣ нѣкогда томились и русскіе послы. Грозная тюрьма и крѣпость, расположенная на довольно живописномъ морскомъ берегу, служитъ теперь мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ турецкихъ дамъ

и предметомъ любопытства туристовъ. Разрушаются грозныя башни подъ рукою всеистребляющаго времени, заваливаются погреба, и лишь высѣченныя на стѣнахъ надписи продолжаютъ разсказывать грустную повѣсть томившихся здѣсь страдальцевъ. Одну изъ этихъ надписей я списалъ на память: „Prisonniers qui dans les misères gemissez dans ce triste lieu offrez les de bon coeur aux Dieu et vous les trouverez légeres». Кости благочестиваго узника давно уже, вѣроятно, истлѣли, а надпись цѣла и долго будетъ еще читаться любознательными путешественниками, пока время не сокрушитъ окончательно вѣковую твердыню, а невѣжественная чернь не растащитъ камней на фундаменты и печки для своихъ домовъ.

Не безъ опасеній за цѣлость своего скелета взбираюсь на вершину одной изъ башень, откуда открывается чудесная панорама города, Золотаго Рога, Мраморнаго моря, азіатскаго барега и даже Санъ-Стефано, прославившагося, благодаря Германіи и Бисмарку, мертворожденнымъ трактатомъ. Мирно пріютились на этой вершинѣ лавръ и абрикосъ, какъ бы вѣнчая тѣхъ героевъ, которые окончили свои дни въ подземельяхъ башни, Налюбовавшись и намечтавшись вдоволь, продолжаю объѣздъ достопримѣчательностей. Рискуя ежеминутно опрокинуться въ грязь, катится коляска по сквернѣйшей дорогѣ вдоль старинныхъ укрѣпленій, покрытыхъ, словно

трауромъ, цѣпкимъ плющемъ. Рвы, вода которыхъ не разъ окрашивалась кровью, то дружинъ Олега, то крестоносцевъ, то турокъ и грековъ, засыпаны и превращены въ огороды, гдѣ разводятъ капусту, морковь и чеснокъ. Уныло глядятъ своими темными амбразурами стѣны и башни, и лишь изрѣдка тишина этого кладбища военной славы нарушается унылой пѣсней огородника, крикомъ погонщика на лѣниваго ишака, или скатившимся камнемъ.

Вотъ слѣва потянулось безконечное турецкое кладбище, представлющее собою цѣлый лѣсъ кипарисовъ, благодаря которымъ турецкія мѣста вѣчнаго успокоенія не лишены нѣкоторой мрачной поэтичности. Чалмы и фески являются единственными скульптурными украшеніями могилъ, между которыми турчанки разложили сушить свои бѣлыя чадры. Мой возница сворачиваетъ по мосту подъ ворота, и опять потянулись грязныя узкія улицы магометанскаго квартала. Нѣсколько чумазыхъ ребятишекъ бѣгутъ за нашей коляской и, не смотря на то, что я въ фескѣ, кричатъ намъ вслѣдъ: „гяуръ!“ Когда-то и я, въ дни отрочества, дразнилъ такимъ же образомъ ни въ чемъ неповинныхъ татаръ, не думая, что за нихъ явятся мстители, только слишкомъ ужъ поздніе.

Миновавъ овощный рынокъ, очевидно, давно уже не видавшій ни колясокъ, ни европейцевъ, мы въѣзжаемъ въ цыганскій кварталъ. Вотъ и константинопольскія

единоплеменницы московскихъ Стешъ и Матрешъ съ намалеванными, какъ у картонныхъ куколъ, бровями. Одна изъ нихъ, смѣясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, требуетъ „бакшишъ“, вѣроятно, за то, что я ужъ слишкомъ внимательно любовался ея незатѣйливымъ костюмомъ.

Наконецъ мы у церкви Петра и Павла, превращенной, конечно, въ мечеть и притомъ съ такимъ мудренымъ турецкимъ названіемъ, что я его никакъ не могу запомнить. Мальчишка бѣжитъ за муллой, который весьма обязательно показываетъ мечеть, гдѣ сохранились довольно хорошо не только мозаика, но и фрески.

— Какъ это вы не заштукатурили образовъ? спрашиваю я черезъ гида муллу.

— Они намъ не мѣшаютъ! дается отвѣтъ.

Еще бы мѣшать, когда туристы платятъ муллѣ за ихъ осмотръ по два франка. Вѣротерпимость муллы доходитъ до того, что онъ называетъ имена святыхъ съ прибавленіемъ „sanctus“ или „sancta“. Мнѣ невольно вспоминается заволжская пословица — „молодецъ попъ хлыновецъ: за пару лаптей на родной матери обвѣнчаетъ“. Вѣрно и раскольничьи попы и турецкіе муллы изъ одной глины лѣплены.

Но пора на пароходъ, а до пристани болѣе часу самой скорой ѣзды — на такія окраины затащилъ меня мой услужливый гидъ. А хотѣлось бы подольше остаться

въ этой оригинальной толпѣ, въ этихъ крытыхъ базарахъ, гдѣ кипитъ незнакомая жизнь, заглянуть въ роскошныя мечети изъ бѣлаго мрамора. Внимательно оглядываешься по сторонамъ и бранишь въ душѣ черезчуръ уже усерднаго возницу, который слишкомъ скоро гонитъ лошадей, хлопая длиннымъ бичемъ и крича на прохожихъ, разгуливающихъ по серединѣ даже самыхъ широкихъ улицъ, снабженныхъ тротуарами. Особенности турецкой жизни сказываются на каждомъ шагу: въ домѣ, сосѣднемъ съ роскошнымъ дворцомъ персидскаго посольства, вывѣшено для просушки платье и мытое бѣлье; середи улицы навалены кучи обрѣзковъ и объѣдковъ, въ которыхъ роются собаки.

II.

Море и скалистые острова Архипелага—разнообразія мало. Но зато какое море! Глубокое, какъ глаза гётевской Гретхенъ. Глядя на нихъ, понимаешь, отчего греки такъ рано сдѣлались мореплавателями: не страшна смерть въ такой поэтичной могилѣ, а эта безконечная синева такъ и манитъ къ себѣ и сулитъ что-то особенное,—несмѣтныя богатства и невиданныя красоты. Чудно катятся голубыя волны одна за другою: вотъ одна поднялась выше всѣхъ, блестя на солнцѣ зеленымъ отливомъ, вспѣнилась и моментально опять зате-

рялась въ общей синевѣ. Я и агрономъ ежеминутно восхищаемся, да и не грѣхъ: эта даль, эта необъятная ширь послѣ душной обстановки Петербурга,—гдѣ меня даже дома, въ послѣднее время, какъ-то давили, гдѣ невольно, подъ вліяніемъ окружающаго, я все больше и больше уходилъ въ себя,—словно электричество, возбуждаютъ всю нервную систему, заставляютъ сердце сильнѣе биться и чувствовать какъ въ дни юности, когда мозгъ живѣе воспринимаетъ и быстрѣе рефлектируетъ. На лѣвомъ траверсѣ поднялись вершины Родоса, угрюмыя, мрачныя, какъ мальтійскіе рыцари, нѣкогда здѣсь обитавшіе. Мысль невольно останавливается на нихъ: возстаютъ всѣ жалкіе обрывки изъ исторіи — крестовые походы, осада Мальты и, наконецъ, ихъ эпилогъ въ Гатчинѣ, на берегу Пріоратскаго пруда. Да, правъ тяжеловѣстный, какъ всѣ нѣмцы, острякъ Шерръ, что въ исторіи трагическое постоянно идетъ рука объ руку съ комическимъ.

Переселенцы, какъ муравьи, высыпавшіе изъ душныхъ эмигрантскихъ отдѣленій, конечно, далеки и отъ мальтійцевъ, и отъ Шерра, о которыхъ они никогда и не слыхали, мало любуются красотою моря и занимаются охотою за насѣкомыми, словно на заваленкахъ своихъ избъ въ Черниговской губерніи. Да и мы устаемъ любоваться волнами и ищемъ развлеченія въ каютъ-компаніи, гдѣ къ нашимъ услугамъ имѣется вѣч-

ный спорщикъ, единственный на пароходѣ мичманъ. Его стоитъ только „завести", и немедленно возникаетъ полемика, словно между нашими газетами. Въ морѣ и это — развлеченіе. Окончательно запутавъ, какъ это по большей части бываетъ въ спорахъ, какой нибудь давно рѣшенный вопросъ, съ особеннымъ аппетитомъ садишься за обѣдъ или завтракъ и ѣшь такъ, что худосочные петербуржцы пришли бы въ ужасъ отъ количества истребляемой здѣсь пищи. Поѣшь, поспишь, поспоришь; глядишь — и день прошелъ.

Бываютъ на нашемъ пароходѣ и грустныя, тяжелыя происшествія. Вотъ уже втораго переселенческаго ребенка мы хоронимъ. Погребеніе упрощено до-нельзя. Некрашенный, сколоченный кое-какъ гробикъ вѣроятно разсыпется при паденіи. Теперь онъ стоитъ на кормѣ на доскѣ. За неимѣніемъ на пароходѣ священника, молитву читаетъ фельдшеръ. Кончена молитва. Рыдая и причитая, бросается къ крошечному трупику мать и припадаетъ къ нему губами, обливая блѣдное личико слезами. Угрюмо стоятъ окружающіе. Но вотъ мужъ оттащилъ жену, крышку заколотили гвоздями, гробикъ окрутили веревкой съ привязанными къ ней полосами чугуна, приподняли доску, всѣ перекрестились и гробикъ съ малюткой изчезли въ волнахъ. Драма окончилась и пароходная жизнь вошла въ обыденную колею.

Наконецъ, на горизонтѣ появился африканскій берегъ и Портъ-Саидъ. Съ Африкой обыкновенно соединяется понятіе о жгучемъ солнцѣ, о палящемъ зноѣ; но насъ она встрѣчаетъ такимъ сѣренькимъ утромъ, что вырывается афоризмъ à la Козьма Прутковъ, что „и въ Египтѣ бываетъ пететербургское небо". Портъ-Саидъ— малоинтересный, но чистенькій европейскій городокъ. До прорытія канала, онъ былъ арабской деревушкой, а уже въ 1872 году, вмѣстѣ съ Кантарой, насчитывалъ шесть тысячъ семьсотъ жителей. Единственнымъ пунктомъ осмотра является площадь Лесепса, на которой разбитъ жиденькій скверъ и построена бесѣдка для музыки. Не успѣли мы сойти на берегъ, какъ предъ нами выросъ, словно изъ земли, назойливый гидъ и объявилъ, что безъ него намъ никакъ обойтись невозможно. Напрасно убѣждалъ я, что онъ не нуженъ, онъ все таки послѣдовалъ за нами, выхватывая изъ рукъ покупки и приставая съ разными предложеніями. На площади Лесепса онъ заводитъ насъ въ какую-то пивную. Хозяинъ оказывается венгерцемъ, жившимъ въ Петербургѣ и довольно бойко говорящимъ по русски. Въ силу этого, онъ считаетъ долгомъ сорвать съ насъ семь рублей за бутылку весьма посредственнаго токайскаго и навязать мнѣ ящикъ сигаръ. Чтобы смягчить пилюлю, онъ угощаетъ насъ бутылкой пива. Напитокъ короля Гамбринуса, однако же, не приводитъ меня въ

тотъ восторгъ, въ который пришелъ нѣмецкій географъ Германъ Даніелъ, помѣстившій въ своей географіи столь важное свѣдѣніе, какъ то, что въ Измаиліи и прочихъ городахъ Египта пьютъ вѣнское пиво. Не привели меня въ восторгъ и платки московскаго издѣлія, продающіеся во многихъ лавкахъ. Гидъ тащитъ насъ въ арабскій кварталъ, но жаръ и пыль заставляютъ вернуться съ полдороги, ограничившись лицезрѣніемъ тѣхъ феллаховъ, которые неутомимо снуютъ по городу, таская овощи и бурдюки съ водою.

Скрылся и Портъ-Саидъ, и потянулся каналъ съ его однообразными станціями, состоящими изъ одного двухъ домиковъ, крытыхъ черепицею и обнесенныхъ верандою. Зелени мало и въ этихъ пріютахъ европейцевъ: французы, повидимому, не любители садоводства. Становится скучно. Единственнымъ развлеченіемъ, кромѣ книгъ, являются феллахи, которымъ переселенцы и матросы бросаютъ хлѣбъ, и они бѣгутъ по берегу за пароходомъ, крича, визжа и размахивая руками. Одинъ изъ бѣгущихъ попрошаекъ положительно сохранилъ древне-египетскій типъ и точно сошелъ съ картины Макарта, изображающей Клеопатру. Вѣдь „вотъ есть люди“ еще бѣднѣе насъ, радостно замѣчаютъ переселенцы. Ночью, когда стемнѣетъ, потянетъ свѣжимъ вѣтеркомъ, а на носу парохода матросы затянутъ русскія пѣсни, положительно забываешь, что находишься на рубежѣ

Азіи и Африки, а не гдѣ нибудь на Ладожскомъ или Свирскомъ каналѣ.

На третій день мы въ Суэцѣ, беремъ фелуку и ѣдемъ на берегъ. Не успѣваютъ наши ноги коснуться набережной, какъ уже насъ окружаетъ толпа погонщиковъ ословъ. Съ криками хватаютъ насъ арабы за фалды и стараются силою посадить въ сѣдла. Болѣе назойливый людъ трудно и встрѣтить гдѣ либо на земномъ шарѣ. Какъ волки бросаются на добычу, такъ они накидываются на каждаго иностранца, и негдѣ послѣднему найти отъ нихъ защиту, особенно если онъ русскій, такъ какъ нашъ консулъ — арабъ, берущій всегда сторону своихъ соплеменниковъ.

Осматривать въ Суэцѣ положительно нечего: грязныя узкія улицы, греческія кофейни съ прескверным турецкимъ кофе, пивныя, гдѣ торгуютъ, но не столько пивомъ, сколько развратомъ, нѣсколько лавокъ съ европейскими товарами — вотъ и все. Дома мѣстной архитектуры представляютъ нѣчто мрачное и унылое. Только жажда наживы или погоня за кускомъ хлѣба можетъ заставить жить въ такомъ городѣ. Я провелъ въ Суэцѣ нѣсколько часовъ и не видѣлъ, кромѣ грековъ, ни одного европейца. Зато назойливые гиды выростали на каждомъ шагу, то предлагая зажженную спичку, то выхватывая пледъ, то подсаживая на осла. Въ концѣ концовъ, за всѣ эти навязанныя насильно

услуги является требованіе „бакшиша“. При этомъ, мелкой монетой феллахъ не удовлетворится. Прибавьте петербургскому извощику хоть копѣйку, и онъ снимаетъ шапку. Дайте феллàху полъ-франка, — онъ броситъ деньги объ землю и начнетъ осыпать васъ неистовою бранью. Вдосталь находившись по улицамъ и базару и позавтракавъ въ верандѣ гостинницы „Hôtel d'Orient“, гдѣ намъ подали настоящія неаполитанскія макароны и весьма недурное французское вино, мы садимся наословъ и трогаемся въ обратный путь, окруженные толпою голыхъ мальчишекъ, требующихъ по неизвѣстной причинѣ все того же бакшиша. Особенно достается отъ нихъ нашему бѣдному агроному, безпомощно вопрошающему: „что имъ надо?“ На пристани новое нападеніе: погонщики недовольны платою по таксѣ и не даютъ отчалить нашей фелукѣ. Тщетно ищу я глазами полицейскаго, но — увы и ахъ! — таковыхъ на всей пристани не имѣется. Вообще порядки въ Суэцѣ не изъ образцовыхъ. Сѣвшій къ намъ на пароходъ пассажиръ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. Ѣхалъ онъ изъ Александріи по желѣзной дорогѣ и, доѣхавъ до Суэца, гдѣ имѣется дебаркадеръ, захотѣлъ слѣзть и взять багажъ, но ему объявили, что онъ долженъ ѣхать до гавани, гдѣ нѣтъ ни вокзала, ни гостинницы. Изъ этого можно заключить, что и англичане (администрація дороги — англійская) умѣютъ

быть, при случаѣ, Титъ-Титычами. Только на пароходѣ вздыхаешь свободно и благодаришь судьбу, что избавился наконецъ отъ нахальныхъ египтянъ.

И вотъ опять море и обычное времяпровожденіе — въ ѣдѣ, спорахъ съ мичманомъ и сугубомъ чтеніи романовъ. Впрочемъ придумываются и новыя развлеченія; переселенческимъ ребятишкамъ раздаются лакомства, лейтенантъ К. распѣваетъ по вечерамъ романсы, а сопровождающій переселенцевъ чиновникъ — куплеты. А между тѣмъ волны Краснаго моря равнодушно бьютъ о борты: имъ нѣтъ дѣла ни до романсовъ, ни до куплетовъ изъ „Боккачіо", ни до пѣвцовъ.

Прошли мы и Перимъ и страшный Баб-эль-Мандебскій проливъ, гдѣ и теперь сидятъ на мели три англійскихъ парохода.

— Это удивительно, — говоритъ одинъ изъ офицеровъ, — кажется, нѣтъ того уголка моря, гдѣ бы англичане не посадили одного или нѣсколькихъ судовъ на мель.

Наконецъ дождались и Адена. Не смотря на то, что шесть часовъ утра, всѣ пассажиры на палубѣ, въ свѣжихъ костюмахъ съ биноклями въ рукахъ. Предъ нашими глазами высятся мрачныя вулканическія скалы, грозныя англійскія укрѣпленія и виденъ амфитеатръ домовъ европейской архитектуры. У парохода снуетъ нѣсколько утлыхъ лодчонокъ съ голыми, коричневаго

цвѣта, мальчуганами, которые визжатъ, какъ молодые сетеры, и поминутно ныряютъ въ воду. Я бросаю въ море мелкую монету, и черезъ минуту одинъ изъ юныхъ пловцовъ держитъ ее уже въ зубахъ. Видъ серебра приводитъ остальныхъ мальчишекъ въ такую ярость, что они начинаютъ хлопать въ ладоши и своимъ крикомъ и визгомъ заглушаютъ пароходную команду. Не успѣли спустить трапъ, а ужъ на палубѣ нѣсколько юркихъ сыновъ Израиля съ пейсами и въ какихъ-то библейскихъ одеждахъ. Они навезли цѣлый ворохъ страусовыхъ перьевъ и предлагаютъ ихъ даже матросамъ и переселенцамъ, не взирая на рваные зипуны послѣднихъ.

Черниговцы и не подозрѣваютъ, что передъ ними единоплеменники ихъ злѣйшихъ враговъ, разныхъ Шмулей, Боруховъ и Ицекъ, скупавшихъ у нихъ за безцѣнокъ хлѣбъ на корню и опаивавшихъ ихъ настойкою на мухоморахъ. Для нихъ это такой-же невѣдомый „чудной" народъ, какъ и тѣ бронзовые мальчуганы, которые ныряютъ за серебряными монетами въ воду.

Таможенныя и санитарныя формальности соблюдены, и въ нѣсколько минутъ мы на берегу, а за тѣмъ уже катимся въ крытомъ англійскомъ кэбѣ осматривать городскія цистерны, помнящія чуть-ли не фараона Рамзеса. Образцовое шоссе обрамлено пейзажемъ, который напоминаетъ картины Густава Дорэ: нѣчто мрачное,

адское есть въ этихъ гигантскихъ скалахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, что невольно чаруетъ жителя равнинъ. Ни кустика, ни лужайки на этихъ грудахъ базальта; но глазъ вашъ все таки не можетъ оторваться отъ этихъ грозныхъ и суровыхъ красотъ природы... Англичане не потерялись и среди неприступной природы перекинули черезъ рвы и пропасти мостики, по уступамъ скалъ проложили шоссе, разставили фонари и пробили туннели. Невольно примиряешься съ ихъ алчными наклонностями и преклоняешься предъ желѣзной волей: что тамъ ни толкуй, а этотъ народъ достоинъ быть властелиномъ. Гдѣ бы ни появились англичане, слѣдомъ за ними идетъ цивилизація, поднимающая благосостояніе края и населенія. Примѣръ на лицо. Въ 1839-мъ году въ Аденѣ было всего шестьсотъ человѣкъ жителей, теперь ихъ тридцать тысячъ. Но, что является предметомъ удивленія — это цистерны. Врядъ-ли гдѣ нибудь еще есть подобное сооруженіе. Какъ я уже сказалъ, цистерны эти очень древнія, но англичане привели ихъ въ дѣйствительно блестящій видъ. Описать эту колоссальную постройку, эту систему водохранилищъ, идущихъ уступами на весьма значительную вышину, нѣтъ никакой возможности. Достаточно сказать что, какъ-бы продолжительна ни была засуха, Аденъ безъ прѣсной воды не останется. Но англичане не ограничились полезнымъ, они подумали и о пріят-

номъ, и на голыхъ скалахъ разбили садъ, съ высшей точки котораго открывается чудесная панорама на городъ и море, представляющее своей синевой прелестный контрастъ съ черными скалами. Позаботившись о благосостоянiи, англичане не забыли и полицiи безопасности, и понадѣлали изъ арабовъ прекраснѣйшихъ полисмэновъ, держащихъ себя съ достоинствомъ, до котораго далеко не только какимъ нибудь „хожалымъ“ Курска или Таганрога, но и петербургскимъ городовымъ. Вотъ что значитъ умѣнiе. А мы то бьемся, реформируемъ, созываемъ коммисiи, пишемъ передовыя статьи, и все не можемъ дождаться хорошей полицiи.

Нашъ возница за лишнюю рупiю соглашается везти насъ обратно черезъ крѣпость. Здѣсь опять приходится удивляться и сооруженiямъ, и здоровому, бодрому виду весьма элегантныхъ солдатъ, и бѣлоснѣжнымъ каскамъ послѣднихъ. Агрономъ не можетъ сдержать своихъ восторговъ и поминутно восклицаетъ: „нѣтъ, вы только посмотрите, господа, сюда, что это за прелесть!“ И дѣйствительно есть на что заглянуть: природа и люди соединились вмѣстѣ, чтобы поражать васъ. Природа наворотила громады скалъ, а человѣкъ превратилъ ихъ въ крѣпость, втащилъ на страшную крутизну пушки, пробилъ корридоры и доказалъ, что онъ дѣйствительно царь природы. И грустно становится русскому человѣку, что онъ не достигъ на своихъ окраинахъ и сотой доли

того, чего достигли здѣсь англичане. И какой порядокъ, какая чистота! Начиная сложенными зарядами и кончая бѣлой курткой солдата и красной чалмой сипая, все блеститъ, точно приготовленное къ параду.

Опять мы на набережной. Нѣсколько арабовъ въ расшитыхъ золотомъ курткахъ на великолѣпныхъ коняхъ гарцуютъ при барабанномъ боѣ. Полюбовавшись аравійскими джигитами, идемъ завтракать во французскій ресторанъ, гдѣ производится, между прочимъ, и торговля всевозможными вещами отъ персидскихъ ковровъ до хирургическихъ инструментовъ. Нѣсколько французовъ играютъ въ трикъ-тракъ, другіе погружены въ чтеніе „Figaro", словно гдѣ нибудь въ парижскомъ кафэ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, не смотря на палящій зной, тащитъ всю нашу компанію въ еврейскія лавки рѣдкостей. Повидимому, онъ беретъ примѣръ съ арабовъ и нубійцевъ, которые преспокойно снуютъ взадъ и впередъ на дромадерахъ, ослахъ и пѣшкомъ, таскаютъ бурдюки съ водою и другую ношу. Изъ оконъ одного дома несутся стройные звуки органа и молодыхъ женскихъ голосовъ; но намъ нужно торопиться — пароходъ ждать не станетъ.

Снимаемся съ якоря. Солнце сѣло, и день быстро смѣнился темнотой. На берегу зажглись огоньки, кафэшантанъ устроилъ цѣлую иллюминацію. Прибавляемъ ходу, и все мало по малу скрывается во мракѣ. Опять

лишь синева моря и однообразная корабельная жизнь, способная довести до сплина. Разговоры не клеятся: всѣ успѣли надоѣсть другъ другу и истощить запасъ анекдотовъ и разсказовъ. Отъ своего общества иду на палубу бесѣдовать съ переселенческимъ старостою Гончаровымъ.

— Отчего, главнымъ образомъ, вы переселяетесь? спрашиваю.

— Да прежде всего, ваше благородіе, земли мало а главное — ужь очень намъ на жидовъ работать надоѣло. Помѣщики по деревнямъ не живутъ, хозяйствомъ не занимаются, а сдаютъ землю въ аренду жидамъ. Ну, а съ жидомъ дѣла плохія — это такой сосѣдъ, отъ котораго оборони Богъ. И — главное — ничего съ нимъ не подѣлаешь! судиться станешь — онъ у мироваго всегда правъ. Нанялъ бы адвоката, да они всѣ въ губерніи и дорого дерутъ.

Слушая старика, я понимаю острый характеръ „нѣжинскихъ“ и „балтскихъ“ безпорядковъ, понимаю, откуда взялась та народная ярость, которая изливалась даже на неповинныхъ дѣвушекъ и дѣтей.

Вступаю въ разговоръ и съ другими переселенцами-спрашиваю, напримѣръ, одного, что онъ везетъ съ собою.

— Да что везу? Везу старенькій кожухъ, свиту, да двѣ рубахи.

— А деньги?

— Якія тамъ деньги! хату и скотину за недоимки продали, засталось двѣнадцать карбованьцевъ, такъ и тыи за машину отдалъ.

И такихъ богачей не одинъ, а десятки.

Невольно припоминаются слова г. Уманца, что „за личнымъ пособіемъ всегда гонится масса индивидуумовъ, для которыхъ переселеніе является дѣломъ второстепеннымъ, на первомъ-же планѣ остается возможность получить болѣе или мѣнѣе значительную сумму. Поэтому, каждый разъ, когда проносится слухъ, что переселенцамъ даютъ 200—300 рублей на семейство, поднимается масса чернорабочихъ фантазеровъ, кабацкихъ завсегдателей и прогорѣвшихъ дѣльцовъ, неимѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ“. И дѣйствительно кого-только нѣтъ въ нашей партіи: и фабричные, и бывшія горничныя, и „ходившіе въ кусочки“ и даже петербургскій поваръ.

III.

Еслибы мнѣ пришлось искать земной рай, то я бы сталъ его искать на Цейлонѣ. И, судя по городу Коломбо, навѣрно бы его нашелъ. Помню какъ, пріѣхавъ въ Петербургъ еще совсѣмъ наивнымъ провинціаломъ, я восторгался пальмовымъ отдѣленіемъ оранжерей Бота-

ническаго сада, гдѣ тогда еще возвышалась, нынѣ срубленная, воспѣтая Гаршинымъ, Attallea princeps. Каковы должны быть тѣ рощи, гдѣ растутъ подобныя деревья, — думалъ я тогда. И вотъ теперь я увидалъ собственными глазами цѣлые лѣса пальмъ, перемѣшанныхъ съ бананами, съ высокими тюльпановыми деревьями, покрытыми красными цвѣтами, и съ цѣлою массою другихъ, которыхъ я, какъ „классикъ“, и назвать-то не умѣю. Тутъ же озера, поросшія душистымъ лотосомъ и отражающія всю роскошь этой тропической растительности. Какою жалкой представилось мнѣ теперь петербургская оранжерея, въ которой нѣкогда я стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Кажется, что видишь какую-то волшебную декорацію, но декорацію съ живымъ воздухомъ, ароматомъ цвѣтовъ и такой чудной синевой неба, какой нельзя передать на полотнѣ. Нѣтъ мѣста даже удивленію: какъ-то весь цѣпенѣешь, и не срывается никакихъ словъ восторга съ языка. Если природа такъ хороша около города, то какова она должна быть внутри страны, гдѣ прыгаютъ по деревьямъ обезьяны, летаютъ бенгали съ красными и желтыми носами, зеленые и голубы инсепарабли и сотни другихъ птицъ, яркихъ и причудливыхъ цвѣтовъ; гдѣ гордо высится Адамовъ пикъ, съ вершины котораго, по магометанскимъ преданіямъ, нашъ прародитель видѣлъ на седьмомъ небѣ рай. Недаромъ Цейлонъ зовется вѣнцомъ Индіи!

Коломбо — городъ старый; еще до занятія его европейцами, онъ былъ весьма важнымъ многолюднымъ пунктомъ. Голландцы построили въ немъ портъ, а англичане сдѣлали главнымъ городомъ цейлонскаго президентства и резиденціей губернатора острова. Даніель насчитываетъ здѣсь, въ настоящее время, до ста тысячъ жителей.

На англійскую администрацію падаетъ множество упрековъ за управленіе Индіей. Но, по словамъ Жаколье, долго изучавшаго страну, — англійскую систему управленія можно резюмировать двумя словами: „меньше должностныхъ лицъ, больше жалованья, чтобы отнять у нихъ охоту спекулировать своими мѣстами, и, слѣдовательно, какъ можно менѣе бумагомаранія, бюрократіи, которая никакимъ злоупотребленіямъ не препятствуетъ, а стоитъ слишкомъ дорого“. Я, мимолетный туристъ, лишь по пути приглядывающійся къ природѣ, людямъ и общественному строю, могъ замѣтить только одно: что если англичане слишкомъ много берутъ отъ побѣжденныхъ народовъ, то и даютъ имъ не менѣе. Прекрасное шоссе, газъ, образцовая полиція, школы, музеи и ботаническіе сады, желѣзныя дороги, отлично организованный извощичій промыселъ, фабрики и заводы — свидѣтельствуютъ объ этомъ. Разница административнаго и торговаго значенія Коломбо и Адена сказывается съ перваго раза: Аденъ — крѣпость и ка-

менноугольный складъ, гдѣ рѣдкій англичанинъ пріобрѣтаетъ осѣдлость; Коломбо — центръ, гдѣ люди осѣдаютъ прочно.

Не смотря на жару (мы высаживаемся на берегъ въ два часа пополудни), на пристани разгуливаетъ нѣсколько дамъ въ бѣлыхъ платьяхъ. Но не онѣ привлекаютъ наше вниманіе: я жажду видѣть музей и буддійскіе храмы; агрономъ — ознакомиться съ растительностью, понюхать и пощупать цвѣты; одинъ изъ пассажировъ — посмотрѣть баядерокъ. Все это немыслимо безъ найма экипажей и гидовъ.

Музей помѣщается въ роскошномъ двухъ-этажномъ зданіи, окруженномъ ботаническимъ садомъ, и содержитъ въ себѣ три коллекціи: археологическую, зоологическую и этнографическую, содержимыя въ чрезвычайномъ порядкѣ, котораго врядъ-ли когда нибудь достигнутъ наши будущіе ташкентскіе, сибирскіе и южно-уссурійскіе музеи, если только послѣднимъ суждено когда нибудь возникнуть. Жаль только, что англичане не отпечатали французскихъ каталоговъ; въ этомъ отношеніи мы, русскіе, относимся гораздо внимательнѣе къ иностранцамъ, незнакомымъ съ нашимъ языкомъ. Эрмитажъ и другіе музеи давно уже издали каталоги на французскомъ языкѣ.

Любитель баядерокъ, вѣроятно, начитавшись Жаколье, торопитъ нашъ осмотръ и не даетъ агроному понюхать

хлѣбныхъ зеренъ, да и послѣднія крѣпко заперты подъ стекломъ. Не будь этого обстоятельства, нашъ агрономъ, конечно, не только перенюхалъ бы, перещупалъ, но и проглотилъ бы нѣкоторую часть коллекціи, какъ въ Аденѣ сжевалъ какіе-то листья. Пѣвца романсовъ К. болѣе всего занимаютъ огромныя акулы, глядя на которыхъ, даже въ залахъ музея преисполняешься страхомъ, хотя и знаешь, что ихъ пасть сдѣлана изъ гипса. Внявъ наконецъ ворчанью любителя баядерокъ, ѣдемъ искать послѣднихъ, но попадамъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ жрицамъ инаго сорта и притомъ самой непривлекательной наружности. Сдѣлавъ подобающее внушеніе гидамъ, ѣдемъ въ буддійскій храмъ, который снаружи можно принять за увеселительное заведеніе: рѣшетка ограды убрана флагами, надъ воротами вывѣска и фонарь, внутри ограды опять флаги и вертящіяся молитвы въ видѣ фонарей. Только войдя въ середину храма, убѣждаешься, что находишься въ языческомъ капищѣ: идолы индійскихъ божествъ, барельефы, фрески и картины изъ жизну Будды, огромный лежащій Будда съ женскимъ лицомъ, двадцать четыре изображенія его же въ сидячемъ положеніи. Я думалъ, что индійскій храмъ произведетъ на меня другое впечатлѣніе, ожидалъ особой таинственности. Ничуть не бывало: никакой таинственности нѣтъ, уродливые идолы, чуть не вчера выкрашенные и блестящіе, какъ новая игрушка,

обиліе дневнаго свѣта и ароматъ лотоса — все это придаетъ веселый видъ, но ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Далека вся эта кукольная обстановка и отъ суроваго ученія Шавея-Муни, оставившаго роскошный дворецъ и ушедшаго въ саванѣ, снятомъ съ мертвой рабыни, проповѣдовать ученіе равенства и любви. Впрочемъ, одно ли ученіе Будды подверглось искаженію со стороны позднѣйшихъ послѣдователей!

Музей и храмъ—вотъ и всѣ достопримѣчательности Коломбо, если не считать, что въ сущности весь городъ, по своей оригинальности, сплошная достопримѣчательность, начиная съ его жителей—сингалезцевъ, которыхъ еще семнадцать вѣковъ тому назадъ Птоломей назвалъ людьми съ женскими волосами. Теперь они щеголяютъ въ европейскихъ пиджакахъ, но по прежнему свертываютъ свои длинные волосы въ шиньоны, закалываютъ въ нихъ дамскія гребенки, а ноги обертываютъ кусками матеріи, на подобіе малороссійскихъ плахтъ. Выходитъ, точно Юліи Пастраны разгуливаютъ. Цейлонскихъ женщинъ французъ Грандильи нашелъ весьма привлекательными, чрезвычайно граціозными и стройными; но въ ихъ взорахъ онъ прочелъ какую-то постоянную робость и тревогу. Въ тѣхъ туземкахъ, которыхъ я видѣлъ, я не замѣтилъ ничего подобнаго, сложены же нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно прекрасно.

Какъ ни роскошна природа Коломбо, но накатавшись по жарѣ и набѣгавшись по лавкамъ мѣстныхъ издѣлій, я счелъ за лучшее пролежать остальную часть дня въ лонгшезѣ на верандѣ Hôtel Oriental — учрежденія дѣйствительно европейскаго, хотя всѣ офиціанты его и носятъ шиньоны. Обѣденная зала велика и изящна, веранды прохладны, мебель проста и удобна, читальня богата газетами и иллюстраціями — во всемъ такъ и проглядываетъ англійскій комфортъ. Гарсоны услужливы, но не навязчивы, какъ московскіе половые и петербургскіе касимовцы, такъ и ждущіе отъ васъ подачки. Англичане на чай не даютъ, и самый богатый лордъ не дастъ и полъ-пенса офиціанту.

Въ семь часовъ вечера, когда уже стемнѣло, подали обѣдъ. Нѣкоторые джентльмены явились во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, что подъ тропиками показалось мнѣ немножко страннымъ и смѣшнымъ. Одна молодая леди или мистрисъ положительно увлекла меня и потомъ снилась цѣлую ночь. Я дѣйствительно убѣдился, что дочери туманнаго Альбіона бываютъ иногда прекрасны. Обѣдало въ залѣ и нѣсколько другихъ хорошенькихъ барышень, и на ихъ бѣлокурыхъ головкахъ глазъ невольно отдыхалъ послѣ чумазыхъ туземокъ. Хороша природа юга, а женщины лучше на сѣверѣ, хотя въ ихъ глазахъ и не горятъ страсти бѣшеннымъ огнемъ. Впрочемъ о вкусахъ не спорятъ: Жаколье приходитъ въ

восторгъ отъ индіанокъ, мнѣ же онѣ нравятся только тогда, когда ихъ изображаютъ петербургскія балерины.

Мои спутники ропщутъ на крохотныя порціи, но я нахожу, что послѣднія какъ нельзя болѣе подходятъ къ тропической жарѣ и смотрятъ гораздо аппетитнѣе тѣхъ огромныхъ кусищъ, которые подаютъ намъ на пароходѣ. Послѣ обѣда всего лучше лечь въ лонгшезъ, благо это допускается, по мѣстнымъ обычаямъ, даже въ присутствіи дамъ. Жаль только, что отдыху мѣшаютъ несносные продавцы, то сующіе вамъ вѣеръ изъ павлиньихъ перьёвъ, то шкатулку изъ щетины дикобраза, то черепаховыя издѣлія.

Въ одиннадцать часовъ мои спутники сбираются на пароходъ. На улицахъ тихо, городъ словно вымеръ: англичане живутъ всѣ на дачахъ, и вечеромъ въ городѣ почти никого нѣтъ. Тропическія ночи особенно хороши: луна свѣтитъ какъ разъ надъ головой, въ воздухѣ ничто не шелохнется и разлитъ ароматъ деревьевъ, а легкая прохлада послѣ дневнаго жара дѣйствуетъ какъ-то успокоительно на нервы.

IV.

Половина двѣнадцатаго. На верхней палубѣ, около мостика и командирской рубки, сооружена изъ флаговъ палатка, а въ ней поставленъ образъ Николая Чудо-

творца. Всѣ по своимъ каютамъ переодѣваются. Появился мичманъ въ форменномъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ, за нимъ красный, какъ ракъ, пѣвецъ К., также въ парадѣ. Штатскіе пассажиры облеклись въ черные сюртуки, а переселенческій чиновникъ — въ свой мундиръ, къ которому прицѣпилъ даже шпагу. Пробило двѣнадцать. Командиръ даетъ приказъ начать молитву. Хоръ переселенцевъ и команды, подъ управленіемъ механика, извѣстнаго на пароходѣ подъ именемъ „дяди Пети", запѣлъ „Достойно", а затѣмъ воды Индійскаго океана огласились побѣднымъ гимномъ христіанства: „Христосъ воскресе!"

— Съ праздникомъ, ребята!—привѣтствуетъ капитанъ команду.

— Христосъ воскресе!—поздравляетъ переселенцевъ ихъ чиновникъ.

Идутъ обычные поцѣлуи. Затѣмъ мы всѣ спускаемся въ каютъ-компанію, гдѣ ждетъ насъ форменный русскій пасхальный столъ: бабы, крашеныя яйца, традиціонный окорокъ и поросенокъ, „вдова Попова„—словно не въ тропикахъ, а гдѣ нибудь на Басманной или Малой Итальянской.

— Похоже ли это на тропики?—резонируетъ мичманъ.

Общее мнѣніе, что не похоже и что чувствуешь себя словно дома. И долго длится веселая бесѣда, подогрѣ-

ваемая искрометной влагой Редерера и напиткомъ благочестивыхъ отцовъ-бенедиктинцевъ. Переселенцы и матросы также проводятъ праздники по русски: у нихъ пѣсни и плясъ, и хороводы. Появились откуда-то скрипки и гармоники. Переселенка Ковалева приводитъ публику въ восторгъ своими „выкрутасами". Между матросами оказываются также мастера своего дѣла, охватывающіе трепака съ ловкостью и легкостью инаго балетнаго танцора.

Но вотъ и Сингапуръ. Мы пристаемъ на этотъ разъ къ берегу, и потому въ роль туристовъ вступаютъ переселенцы. Они совершенно непонятными способами объясняются съ китайцами, торгуются съ послѣдними, совершенно смѣло разгуливаютъ по улицамъ, заходятъ въ лавки и кабачки, представляя предметъ удивленія для индусовъ и сыновъ Небесной имперіи, никогда еще не видавшихъ хохловъ. Китайцы даже зазываютъ ихъ къ себѣ въ гости и угощаютъ рисомъ.

Въ ожиданіи спутниковъ, которыми на этотъ разъ являются командиръ Т. и лейтенантъ Ю, я прохаживаюсь по набережной и разсматриваю раковины, которыми наполнены цѣлыя лодки. Подходятъ къ одной и двое переселенцевъ.

— А якъ-же ее исты?—спрашиваетъ одинъ залюбовавшись огромной оранжевой раковиной.

— Дурный, да гето-жъ камень,—объясняетъ другой.

— Такъ нащо-жъ его паны купують?

— Бо дуже грошей мають.

Сингапуръ гораздо интереснѣе Коломбо: въ немъ больше жизни, меньше англійской чопорности и рѣзче колоритъ востока. Улицы кишатъ китайцами, начиная съ богатыхъ купцовъ и кончая полуголыми кули въ шляпахъ самыхъ причудливыхъ формъ. На переносныхъ кухняхъ съ утра до ночи пекутъ, варятъ и жарятъ; цырюльники подъ открытымъ небомъ брѣютъ и заплетаютъ косы. Если Коломбо—центръ административный, то Сингапуръ — центръ коммерческій: объ этомъ говорятъ громадные каменные склады, масса магазиновъ, сотни кораблей и вѣчно снующія по городу телѣги со всевозможными товарами востока и запада. Пестрота нарядовъ, типовъ и оттѣнковъ кожи еще большая, чѣмъ въ Константинополѣ: индусы, китайцы, англичане, малайцы, голландцы, чалмы, фески, англійскія каски, цилиндрическіе колпаки парсовъ, шляпы-корзинки китайцевъ, котелки европейцевъ, дамскія шляпки, шапочки полисмэновъ, пиджаки, куртки, китайскія кофты, мундиры, голое тѣло — точно огромный маскарадъ на улицахъ. Говорятъ, что востокъ спитъ; про Сингапуръ этого сказать нельзя: развѣ въ Парижѣ или Вѣнѣ также развита уличная жизнь. Люблю я портовую жизнь, люблю смотрѣть, какъ перекатываютъ бочки и таскаютъ тюки, переплывшіе моря и океаны, какъ нагру-

жаютъ и разгружаютъ корабли. Кажется, какъ будто находишься въ общеніи съ цѣлымъ міромъ. Да и дѣйствительно, кругомъ васъ слышенъ разнородный говоръ, лежатъ произведенія всѣхъ странъ. Въ Сингапурѣ особенно развита жизнь на пристани. Въ этомъ отношеніи, онъ—идеальный портовый городъ. Чего и кого только здѣсь нѣтъ, и все это движется, кипитъ; подъемныя машины работаютъ, китайцы снуютъ взадъ и впередъ съ тачками и тяжелой ношей; тутъ и лошади, и горбатые зебу, и крохотные ослики. А между тѣмъ, думалъ я, любуясь на эту картину, вся эта жизнь возникла безъ всякихъ покровительственныхъ тарифовъ и пошлинъ... даже на раковины. Уроки исторіи не прошли даромъ для англичанъ, ихъ государственные люди не увлекаются, какъ Бисмаркъ и его подражатели, вѣрою въ свое всемогущество, а знаютъ хорошо, что историческіе и экономическіе законы также непреложны, какъ и законы естественные.

Пока мои спутники отправились покупать и примѣрять тропическіе костюмы, я пошелъ побродить по городу. Вышелъ къ площадкѣ, гдѣ расположены ратуша и почтамтъ и стоитъ огромный черный слонъ, значенія котораго мнѣ никто у насъ на пароходѣ объяснить не могъ; перешелъ чугунный висячій мостъ, за которымъ расположенъ европейскій кварталъ, гдѣ очень много красивыхъ домовъ въ строго европейскомъ вкусѣ и очень

изящной архитектуры. Повидимому, англійскіе купцы не лишены чувства изящнаго, хотя, можетъ быть, обладаютъ имъ и не въ такой степени, какъ купцы Генуи и Венеціи въ блестящія времена этихъ республикъ. Да еслибы они и пожелали имѣть свои palazzo Rosso, palazzo Bianco и т. под., то въ Сингапурѣ не нашлось бы такихъ великихъ мастеровъ, которые бы удовлетворили ихъ желанію; не нашлось бы и тѣхъ „бѣдныхъ невольниковъ", руками которыхъ воздвигнуты поименованные дворцы. Нынѣшнія архитектурныя произведенія не такъ строги по своему стилю и носятъ на себѣ печать „мѣщанскаго вѣка", но зато они и стоютъ все таки меньше человѣческихъ пота и крови. И это, — какъ хотите,—прогрессъ.

Торговая часть города построена совершенно также, какъ строятся большіе европейскіе города: тѣ же каменныя громады, вытянутыя чуть не по линейкѣ. Это, впрочемъ, имѣетъ здѣсь своего рода удобство, такъ какъ даетъ тѣнь. Огромные магазины тоже ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ только и есть одна особенность; это — прикащики-индусы, объясняющіеся на ломаномъ англійскомъ языкѣ, который могутъ понять лишь лица, хорошо знающія англійскій языкъ. Я сунулся было въ одинъ изъ такихъ магазиновъ, но никакъ съ прикащикомъ объясниться не съумѣлъ, да такъ ни съ чѣмъ и ушелъ.

Нагулявшись до изнеможенія по улицамъ и небольшому, но очень хорошенькому сквэру, я отправился въ гостинницу, гдѣ условился встрѣтиться со спутниками, которые все еще продолжали, повидимому, возиться съ портнымъ. На площади, раскинувшейся предъ отелемъ и поросшей травой, шли приготовленія къ игрѣ въ крикетъ: натягивали сѣти и веревки, забивали какіе-то колышки и шесты. Я прилегъ на диванъ и спросилъ бутылку газовой воды—единственнаго напитка, который я могъ назвать по англійски. При оплатѣ вышелъ курьезъ, благодаря моему произношенію. Я спросилъ, сколько стоитъ, а бой, т. е. гарсонъ, понялъ что я прошу спичку. Для поддержанія достоинства пришлось закурить сигару, и зато молчаливо дать монету.

Интересуясь религіознымъ культомъ, я потянулъ своихъ двухъ спутниковъ въ браминскій храмъ и китайскую кумирню. Первый состоитъ изъ главнаго зданія и двухъ часовень, въ одной изъ которыхъ помѣщается изображеніе Сивы, пожирающаго дѣтей. Надо отдать справедливость, индѣйцы — большіе мастера придавать своимъ идоламъ чудовищный, отталкивающій видъ. Въ главномъ зданіи, гдѣ насъ обязали разуться, изображенія Брамы и Вишну стоятъ на нѣкоторомъ подобіи католическихъ престоловъ. Престолы эти осыпаны душистыми цвѣтами, и предъ ними совершаются совсѣмъ ужь не ароматныя куренія. Кромѣ идоловъ Брамы,

Вишну и Сивы, имѣются изображенія и второстепенныхъ божествъ. Всѣ они, безъ исключенія, раскрашены яркими масляными красками. Въ китайской кумирнѣ я не нашелъ тѣхъ ужасныхъ идоловъ, о которыхъ разсказываетъ докторъ Пясецкій: идолы ея малы и мизерны; и лишь на входныхъ дверяхъ изображены золотомъ огромныя безобразныя фигуры съ злымъ выраженіемъ лицъ. Въ кумирнѣ, какъ и въ браминскомъ храмѣ, устроено три престола съ разными украшеніями и свѣчами. Передъ главнымъ, т. е. среднимъ престоломъ, перпендикулярно въ два ряда поставлены какія-то пики и алебарды. Гидъ объяснилъ, что это оружіе носится во время религіозныхъ процессій. Отдѣлка кумирни весьма роскошна, особенно потолковъ и карнизовъ. По стѣнамъ развѣшаны молитвы, съ потолка спускаются изящные фонари. Нельзя сказать, чтобы китайцы были особенно почтительны къ своей святынѣ. Когда мы вошли въ кумирню, то многіе изъ нихъ валялись въ лонгшезахъ, сидѣли спиною къ алтарямъ и курили трубки. Что городъ, то норовъ: въ Севильскомъ соборѣ молодежъ устраиваетъ любовныя свиданія, китайцы въ своихъ молельняхъ предаются восточному кейфу, а въ Петербургѣ въ почтамтской церкви high life занимается пріятной бесѣдой.

Театральныя афиши обѣщали на вечеръ два удовольствія: европейскій концертъ заѣзжихъ арфянокъ и

индійскій спектакль. Я и мои спутники избрали последній и отправились смотрѣть мѣстную оперу „Аладинъ или волшебная лампа“. Обстановка театра одинакова съ обстановкой нашихъ балагановъ на Царицыномъ лугу: декораціи въ европейскомъ вкусѣ, провалы, кулисы, рампы; только нѣтъ суфлерской будки, а оркестръ помѣщается за сценой. Актеры поютъ гнусливой фистулой, повторяя по два раза каждую фразу, но прекрасно держатъ тактъ и соблюдаютъ музыкальный ритмъ. Въ числѣ исполнителей одинъ, изображавшій негра, обнаружилъ оригинальный, неподдѣльный комизмъ. Женскія роли исполняются мальчиками, очень хорошо закостюмированными, такъ что съ перваго взгляда трудно замѣтить, что это не дѣвушки; только актеръ, игравшій мать Аладина, болѣе походилъ, со своими очками и зачесанными назадъ волосами, на нѣмецкаго студента, нежели на старуху.

Публика, какъ и городское населеніе, смѣшанная: рядомъ съ англичанками сидятъ купцы-китайцы; далѣе, лимоннаго цвѣта малайцы, одѣтые въ европейскіе костюмы, коричневые индусы и надутые англійскіе буржуа, разъигрывающіе роль лордовъ. Сидятъ, изъ уваженія къ дамамъ, безъ шляпъ, но курятъ даже во время дѣйствія. Заразившись общимъ примѣромъ, я вынулъ папироску и обратился къ сосѣду-китайцу съ просьбою закурить у него, и—представьте мое удивленіе, когда

онъ подалъ мнѣ коробочку шведскихъ спичекъ финляндскаго производства. Воображаю, какъ бы возликовалъ на моемъ мѣстѣ какой нибудь патріотъ Роппайне или Сиволяйне. Онъ, конечно, рѣшилъ бы, что финскій народъ—первый въ мірѣ, такъ какъ его спичками закуриваютъ трубки и сигары даже и китайцы, сами себя считающіе первымъ народомъ.

Не обошлось дѣло безъ маленькаго приключенія. Во второй картинѣ, когда Аладинъ только что затянулъ какую-то тоскливую арію, потухла люстра, за нею — другая, третья, затѣмъ и рампа; актеры и публика остались впотьмахъ. Администрація театра не потерялась. Сейчасъ же принесли керосиновые лампы, и спектакль пошелъ своимъ чередомъ, а въ антрактѣ зажгли и газъ. Досидѣть до конца оказалось однако же невозможнымъ: однообразное гнусливое пѣніе дѣйствуетъ слишкомъ усыпительно. Да и не представлялось надобности досиживать до конца, такъ какъ развязка пьесы извѣстна изъ „Тысячи и одной ночи“.

Когда мы вышли изъ балагана и сѣли въ карету, на улицѣ кипѣла еще жизнь, хотя былъ уже двѣнадцатый часъ. Китайскіе кварталы Сингапура особенно оригинальны вечеромъ. Лавки освѣщены лампочками и цвѣтными фонарями; на лоткахъ, подъ открытымъ небомъ, горятъ керосиновыя лампы—все это представляетъ очень красивую иллюминацію, тѣмъ болѣе, что и небо

словно иллюминованно ярко-свѣтящимися звѣздами. Общій видъ является болѣе эффектнымъ, чѣмъ наши прозаическія иллюминаціи изъ газовыхъ рожковъ въ видѣ звѣздъ и вензелей. Главное, нѣтъ этой скучной симметріи, которая всегда отдаетъ чѣмъ-то казарменнымъ и фронтовымъ. Мнѣ почему-то пришелъ въ голову мой бывшій гимназическій директоръ, который разъ, увидавъ на гимназистѣ клеенчатую фуражку, хотѣлъ, по собственнымъ словамъ, выскочить въ окошко. Ему бы, конечно, не понравился живописный безпорядокъ сингапурскаго базара; не понравилась бы эта иллюминація и полковнику Скалозубу. Но я положительно ею залюбовался.

V.

Китайскія джонки то и дѣло попадаются намъ на встрѣчу и лѣзутъ чуть не подъ самый носъ парохода, къ великому негодованію лейтенанта К. Гон-Конгъ близко. Чистокровному россіянину, т. е. такому, который всю жизнь просидѣлъ въ петербургскихъ департаментахъ или въ своемъ тамбовскомъ помѣстьѣ, Китай, представляется карикатурною страною чудесъ: тамъ растутъ карлики-деревья, огороды разводятся на рѣчныхъ плотахъ, у женщинъ вмѣсто ногъ крохотныя копытца, господствуетъ тысяча церемоній, ѣдятъ крысъ, кошекъ и червей, приготовленныхъ на касторовомъ маслѣ. Въ

Гон-Конгѣ ничего подобнаго не увидишь—это вполнѣ европейскій городъ, лишь съ китайскимъ оттѣнкомъ. Деревья въ немъ обыкновенныя, ножки китайскихъ дамъ тоже, а ѣдятъ китайцы больше всего рисъ. Въ Гон-Конгѣ, какъ въ Аденѣ и Коломбо, приходится на каждомъ шагу удивляться англичанамъ. Высмотрѣли они бухту среди скалъ, на которыхъ не росло ни кустика, рѣшили, что стоитъ только захотѣть, и на этихъ скалахъ можно устроиться съ неменьшимъ комфортомъ, чѣмъ на берегахъ Темзы. И вотъ выросли каменныя громады, снабженныя всѣми удобствами, какія только выработала западно-европейская культура, зазеленѣли сады и бульвары, открылись магазины, завелись клубы, выстроились школы и колледжи тамъ, гдѣ еще сорокъ пять лѣтъ тому назадъ была пустыня.

Легкій вѣтерокъ подуваетъ на палубѣ, а изъ-за горизонта поднимаются одна за другою горы, окутанныя какъ флеромъ, прозрачными облаками. Выступили изъ воды и берега, фабрики и рыбачьи домики, а за ними роскошная панорама города. Не успѣли мы причалить, какъ уже пароходъ окруженъ цѣлой флотиліей джонокъ и лодокъ, на которыхъ работаютъ цѣлыя семьи: семилѣтняя дѣвочка, при помощи маленькаго братишки, ворочаетъ огромнымъ весломъ, mater-familias, съ груднымъ ребенкомъ за плечами, правитъ рулемъ, а глава семейства управляетъ парусами. У китайскихъ лодоч-

никовъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, женскій вопросъ давно уже рѣшенъ практическимъ путемъ, и они, конечно, были-бы удивлены, узнавъ, что европейскіе публицисты до сихъ поръ спорятъ о томъ, какой трудъ свойственъ женщинамъ и не рождены ли послѣднія только

„для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ"...

т. е. для того, чтобы вдохновлять и услаждать нашего брата мужчину. Командиръ съ двума лейтенантами отправляются на адмиральскій фрегатъ „Мининъ", а мы, пассажиры, съѣзжаемъ на берегъ. Прежде всего, устремляемся въ почтамтъ отправить на родину письма, а оттуда, какъ водится, въ магазины — накупить нужное и ненужное изъ мѣстныхъ произведеній, безъ чего поѣздка на берегъ — не въ поѣздку. Въ числѣ магазиновъ нельзя миновать лавки Ивана Ивановича, т. е. собственно китайца Квангъ-Воо, котораго окрестили русскимъ именемъ наши моряки, сдѣлавшіе ему, вѣроятно, и русскую вывѣску. Толстая фигура и добродушное круглое лицо не мѣшаютъ Ивану Ивановичу быть очень хитрымъ и плутоватымъ купцомъ, который считаетъ своимъ долгомъ содрать съ васъ лишнее за то, что онъ понимаетъ нѣсколько русскихъ словъ, а въ его магазинѣ для посѣтителей всегда стоитъ коробка съ „пушками" Лаферма, проникшими, какъ видите, не

только въ Германію, Францію и Италію, но и въ Китай. Возликуйте, патріоты своего отечества: русскія папиросы куритъ самъ гонконскій купецъ Квангъ-Воо. Мои спутники такъ и застряли въ лавкахъ, а я отправился бродить по городу и посмотрѣть ботаническій садъ. Поднимаясь въ этотъ садъ по улицѣ-лѣстницѣ, я наткнулся на партію арестантовъ-китайцевъ въ кандалахъ, конвоируемыхъ вооруженными надзирателями, полисмэнами и сипаями. У каждого арестанта на плечахъ по громадной бамбуковой палкѣ. Видъ у всѣхъ добрый и здоровый, ничѣмъ не оправдывающій разсказовъ о будто бы жестокомъ обращеніи англичанъ съ провинившимися китайцами: или разскащики клевещутъ или англичане дѣйствительно мастера продавать товаръ лицомъ.

Ботаническій садъ, дѣйствительно, верхъ искусства. Какъ бы мало ни любилъ человѣкъ деревья и цвѣты, онъ не можетъ остаться равнодушенъ въ этомъ саду: гигантскія латаніи, диморфанты, араліи, арумъ, растущій, какъ простая трава, всевозможнѣйшія хвойныя деревья жаркаго климата, огромныя клумбы жасминовъ, геліотроповъ и другихъ цвѣтовъ, обдающихъ васъ своимъ ароматомъ, все это разсажено самыми причудливыми группами, благодаря которымъ красота природы еще рѣзче выступаетъ и бьетъ вамъ въ глаза. Асфальтовыя дорожки вьются по обрывамъ зигзагами,

то вверхъ, то внизъ, и вдругъ гдѣ нибудь за угломъ скалы раскинется терраса съ цвѣтникомъ, бесѣдками изъ вьющихся растеній и фонтаномъ. Карамзинъ въ какомъ-то мѣстѣ „былъ пораженъ, но не плѣненъ", я же, грѣшный, былъ и пораженъ и плѣненъ въ гонконскомъ ботаническомъ саду. И не хотѣлось мнѣ уходить изъ этого земнаго рая, насажденнаго человѣкомъ.

Юркіе еврейчики пробрались и въ Гон-Конгъ. Въ то время, какъ мы покупали всякую всячину у Ивана Ивановича, одинъ изъ нихъ влѣзъ въ магазинъ и присталъ къ намъ съ предложеніями быть нашимъ проводникомъ, указать намъ магазинъ, гдѣ все вдвое дешевле, и пропечатать Квангъ-Воо въ мѣстной газетѣ, какъ мошенника, надувающаго иностранцевъ. Какъ однако-же не разсыпался онъ въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ, желающихъ воспользоваться его услугами не нашлось, и сей, по всей вѣроятности, дезертиръ отъ воинской повинности такъ и не поживился отъ насъ ни пенсомъ. Осматривать въ Гон-Конгѣ, кромѣ сада, собственно нечего. Звали меня обѣдать въ нѣмецкій клубъ, но я предпочелъ вернуться на пароходъ.

Вхожу въ каютъ-компанію и слышу, что кто-то окликаетъ. Оборачиваюсь — петербургскій знакомый лейтенантъ Ѳ.

— Вотъ не ожидалъ-то! восклицаетъ онъ, — какими вы здѣсь судьбами?

— Какъ видите, очутился здѣсь, а ѣду знакомиться съ нашимъ крайнимъ востокомъ.

— Поѣдемъ къ намъ на фрегатъ.

Я, само собою, радъ случаю побывать на военномъ кораблѣ, да еще такомъ, который считается въ полномъ смыслѣ образцовымъ. Быстро несется шлюпка подъ ровными взмахами веселъ, и мы уже на палубѣ фрегата. Чистота, порядокъ и лоскъ дѣйствительно на славу. Мой пріятель, повидимому, хвастается своимъ кораблемъ. Въ каютъ-компаніи ожидаетъ радушіе, которымъ славятся русскіе моряки. Идутъ разспросы о Петербургѣ, о Россіи, объ общихъ знакомыхъ, разсказы объ испытанныхъ во время плаванія невзгодахъ.

Возвращаюсь на свой пароходъ, но туда еще никто не вернулся изъ города, даже командиръ гдѣ-то застрялъ. Только послѣ четвертаго звонка удается намъ сняться съ якоря. Всю ночь свистки не даютъ покоя; это — предостереженіе для безпечныхъ джонокъ, которыя такъ и снуютъ подъ пароходъ и считаютъ излишними предупредительные огни. На утро показываются киты. Нѣтъ больше томительной тропической жары, и сѣвернымъ легкимъ дышется легче и привольнѣе.

„И *холодъ сѣвера* намъ сладокъ и пріятенъ“ перефразировалъ я извѣстный стихъ, дыша полной грудью, хотя холода собственно еще и не было.

VI.

Легонькій туманъ окуталъ горы и мѣшаетъ разсмотрѣть знаменитую деревню Инносу и городъ Нагасаки. Да послѣдній и вообще какъ-то теряется среди горъ и утопаетъ въ окружающей зелени. Мы стоимъ уже на рейдѣ, и я такъ и не видалъ, какъ мы прошли мимо знаменитаго Папенберга, съ вершины котораго, согласно іезуитскимъ источникамъ, въ 1763 г., японцы, бывшіе также нѣкогда фанатиками, сбросили четыре тысячи христіанъ и тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, потушили зачатки японской цивилизаціи. По другимъ источникамъ, эти четыре тысячи сводятся лишь къ нѣсколькимъ человѣкамъ.

Пока мы вглядываемся въ постепенно разсѣивающійся туманъ, на японскихъ фуне къ пароходу подъѣзжаютъ одинъ за другимъ поставщики, коммиссіонеры и купцы. Между ними очень многіе въ европейскихъ костюмахъ. Богатый купецъ Ямомото, какъ онъ себя рекомендуетъ, отлично объясняется по русски, чему онъ научился съ помощью самоучителя. Японцы удивительно способный и воспріимчивый народъ. Немного лѣтъ прошло отъ начала реформъ нынѣшняго микадо, а уже Японія почти не нуждается въ иностранцахъ. Другая хорошая черта японцевъ — вѣжливость и скромность. Японецъ иначе съ вами не заговоритъ, какъ съ привѣт-

ливой улыбкой и извиняясь, что васъ обезпокоилъ. Ни одинъ торгашъ не станетъ къ вамъ приставать подесяти разъ, какъ это дѣлаютъ евреи, китайцы и сингалезцы.

Позавтракавъ на скорую руку жирными креветками и свѣжими огурцами, беру фуне и ѣду въ городъ. Кстати о фуне. Это — очень удобныя лодки, очень похожія на венеціанскія гондолы, впрочемъ нѣсколько длиннѣе, съ крытой каюткой на носу и весломъ на кормѣ. На пристани сажусь въ небольшую коляску, везомую человѣкомъ, такъ какъ другихъ экипажей въ Нагасаки, какъ и въ Гон-Конгѣ, не имѣется. Городокъ очень чистенькій, улицы шоссированы и вымощены продолговатыми плитами, по которымъ очень быстро катится экипажъ. Дома, побольшей части, двухъэтажные, построенные сплошь, и у туземцевъ средняго класса съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, наклеена восковая бумага. Постройка японскихъ домовъ, за малыми исключеніями, такъ легка и удобовоспламенима, что нужно удивляться, какъ японскіе города не выгораютъ, если не ежемѣсячно, то ежегодно.

Мой спутникъ, прежде всего, тащитъ меня въ пивную выпить лимонаду. Оказывается, что хозяйка говоритъ по русски.

— Гдѣ это вы выучились? спрашиваемъ мы ее.

— Здѣсь, въ Нагасаки, здѣсь очень многіе говорятъ по русски. Кромѣ того, я недолго жила въ Одессѣ.

— А сами же вы откуда?

— Я изъ Австріи, изъ Львова.

Вотъ какъ судьба бросаетъ людей: въ Портъ-Саидѣ торгуетъ венгерецъ, въ Гон-Конгѣ болтается одесскій еврей, а въ Нагасаки содержатъ ресторанчикъ галичане. А мы „благополучные россіяне“ съ ужасомъ смотримъ на поѣздку въ Приамурскій край. Когда я въ Петербургѣ сказалъ, что ѣду въ южно-Уссурійскій край, то многіе сочли меня чуть не за сумасшедшаго. Удовлетворивъ нашу жажду, отправляемся осматривать католическую церковь. Въ архитектурномъ отношеніи она не представляетъ ничего особеннаго, но окружена прелестнымъ садикомъ и расположена на прекрасномъ мѣстѣ, а — главное — довольно высоко на горѣ, такъ что съ паперти открывается весьма живописный видъ на городъ, гавань, горы противоположнаго берега и утопающую въ зелени Инносу. Будь у насъ время, можно было-бы просидѣть цѣлый часъ, любуясь на эту живую панораму. Въ самой церкви обращаютъ на себя вниманіе двѣ картины изъ временъ гоненія на христіанъ въ Японіи: на одной изображенъ судъ, на другой — распятые на крестахъ. Не знаю, на сколько картины эти вѣрны исторически, но обѣ онѣ довольно хорошей работы и производятъ впечатлѣніе, особенно,

когда глядишь на полныя отчаянія женскія фигуры. Оригинальна лубочной работы картина страшнаго суда, гдѣ всѣ грѣшники и праведники изображены въ японскихъ національныхъ костюмахъ.

— Въ магазинъ Ямомото! командуемъ мы, окончивъ осмотръ.

Нѣсколько поворотовъ по узенькимъ улицамъ и переулкамъ, представляющимъ сплошной базаръ, и мы въ лавкѣ настоящихъ и поддѣльныхъ древностей и „курьезовъ". У Ямомото все древность: и заржавленная пика, и лакированная коробочка, вышедшая вчера изъ рукъ кустаря, и каждая фарфоровая чашечка. Накупивъ всякихъ, очень изящныхъ бездѣлушекъ, отправляемся въ знаменитый Кезіемацъ, кварталъ, названный однимъ русскимъ путешественникомъ лучшею частью города, въ сущности же довольно грязный. Здѣсь, что ни домъ, то своего рода „Орфеумъ", гдѣ „муссумэ", т. е. дѣвушки, поютъ, играютъ и танцуютъ, а зрители пьютъ чай, пиво и другіе напитки. Эти-то увеселительныя учрежденія, носящія скромное названіе „чайныхъ домовъ" и привели въ восторгъ названнаго путешественника, они же поселиливъ другихъ, не менѣе легкомысленныхъ туристахъ, убѣжденіе въ страшной распущенности японскихъ нравовъ. Въ одномъ изъ „чайныхъ домовъ" двѣ очень юныхъ дѣвушки познакомили насъ съ національными музыкой, пѣніемъ и

танцами. Пѣніе и музыка мнѣ не понравились, но танцы очень граціозны и выразительны.

Отсюда ѣдемъ въ главный японскій храмъ, къ которому ведетъ каменная лѣстница, имѣющая около трехсотъ ступеней; на каждой площадкѣ сдѣланы каменныя же ворота, а на послѣдней, представляющей окруженный постройками дворикъ, стоятъ двѣ фарфоровыхъ колонны и бронзовый, въ натуральную величину, конь. Храмъ окруженъ садомъ, въ которомъ разбросано нѣсколько крохотныхъ ресторанчиковъ. Изъ этого сада, какъ и съ паперти католическаго храма, открывается также прекрасный видъ.

— Хотите видѣть русскій госпиталь? спрашиваетъ меня нашъ докторъ, когда я возвращаюсь на пароходъ.

Я изъявляю согласіе, и мы ѣдемъ въ Инносу. Госпиталь устроенъ, по нинціативѣ П. Н. Назимова, покойнымъ адмираломъ Лесовскимъ, и устроенъ прекрасно; но въ настоящее время запущенъ и приходитъ въ постепенное разрушеніе, хотя и теперь въ немъ лежитъ нѣсколько больныхъ. Жаль смотрѣть, какъ наша русская безпечность мѣшаетъ пользоваться дѣйствительно полезными учрежденіями, требующими самой небольшой денежной поддержки. И вотъ ковры пылятся, тюфяки гніютъ, хирургическіе инструменты ржавѣютъ, мебель никѣмъ не ремонтируется. А будь при госпиталѣ постоянный врачь, все бы это поддерживалось,

и у нашихъ военныхъ судовъ былъ бы въ Японіи свой прекрасный пріютъ для больнаго матроса, — пріютъ, въ которомъ мы можемъ опять сильно нуждаться, случись только споръ съ Китаемъ, въ последнее время все сильнѣе задирающимъ носъ. Да и въ мирное время такой госпиталь — далеко не лишній: Нагасаки — станція, гдѣ почти постоянно стоитъ несколько нашихъ военныхъ судовъ балтійской эскадры и сибирской флотиліи. Въ то время, когда здѣсь стояла эскадра Лесовскаго, госпиталь далъ экономіи восемь тысячъ долларовъ, т. е. шестнадцать тысячъ рублей, да и теперь дѣлаетъ экономіи полтора доллара въ сутки на каждаго больнаго. Капиталъ, получившійся отъ сбереженія, теперь хотятъ употребить на постройку часовни. Мысли этой, конечно, нельзя было бы не сочувствовать, еслибы при часовнѣ былъ священникъ и школа и еслибы она сдѣлалась центромъ миссіонерской дѣятельности. Мы же, конечно, построимъ церковь, приставимъ къ ней старика-инвалида и затѣмъ предоставимъ дождю и вѣтру развѣвать по воздуху потраченный капиталъ. За подобными примѣрами ходить не далеко: на ремонтъ православнаго кладбища въ Инносѣ жалѣютъ отпустить самыя ничтожныя деньги. Да, жаль госпиталя, въ устройствѣ котораго на каждомъ шагу видна рука человѣка, любящаго свое дѣло и знакомаго съ послѣднимъ словомъ

науки. Каждый, кто лежалъ въ инносинскомъ госпиталѣ, конечно, вспомянетъ добрымъ словомъ врача А. П. Левитскаго и П. Н. Назимова, построившаго на свои личныя средства цѣлый баракъ.

Погоревавъ по поводу нашего вандализма, ѣдемъ съ докторомъ къ русскому консулу В. Я. Костылеву, истинно русскому человѣку, у котораго каждый землякъ находитъ настоящее славянское гостепріимство. Чтобы попасть къ нему, нужно пройти чрезъ небольшой садикъ, являющійся въ своемъ родѣ миньятюрнымъ раемъ, въ которомъ, правда, нѣтъ „древа познанія добра и зла“, но за то растутъ роскошныя пальмы, рододендроны и масса цвѣтовъ. Послѣ плаванія, грѣхъ сидѣть въ комнатахъ, и мы идемъ гулять за городъ, къ небольшому японскому храмику. Дорогою я лицомъ къ лицу сталкиваюсь съ японской земледѣльческой культурой. Много упорнаго труда положено въ эти горы, превращенныя въ террасы, идущія уступами; но за то много отъ нихъ получаетъ земледѣлецъ: три раза въ годъ бываетъ жатва и посѣвъ. Чтобы земля не истощалась, она ежегодно удобряется; а затѣмъ посѣвъ въ теченіи года мѣняется. Нашъ агрономъ, изъѣздившій вдоль и поперекъ Европу, говоритъ, что онъ нигдѣ не видалъ такой прекрасной обработки полей, какъ около Нагасаки.

Храмикъ помѣщается довольно высоко, такъ что

добраться до него составляетъ особаго рода путешествіе, и состоитъ изъ небольшой квадратной комнатки съ двумя дверями, изъ которыхъ задняя представляетъ нѣчто въ родѣ клѣтки, въ которой стоятъ сосуды для куренія и лежатъ различныя приношенія въ видѣ мелкихъ монетъ, цвѣточковъ и ленточекъ. Въ комнаткѣ стоитъ деревянный сундукъ, а по стѣнамъ развѣшаны картины грубой работы. Какой-то морякъ нарисовалъ тутъ же черною краскою корабль. Посидѣвъ на обломкѣ старой колонны и полюбовавшись на разстилавшуюся у нашихъ ногъ панораму, освѣщенную лучами заходящаго солнца, мы спустились внизъ и направились подъ гостепріимный кровъ консула, гдѣ насъ ожидалъ уже обѣдъ. За обѣдомъ рѣчь зашла о томъ времени, когда въ Нагасаки стояла эскадра адмирала Лесовскаго, и бесѣда затянулась такъ долго, что на дворѣ стало совсѣмъ темно и взошла луна. Выйдя на улицу, я положительно остолбенѣлъ, глядя на открывшуюся предъ моими глазами картину, описать которую можетъ развѣ такой великій художникъ, какимъ былъ Тургеневъ. Мои спутники, докторъ и консулъ, и тѣ какъ то стали молчаливы подъ вліяніемъ чудной ночи.

На рейдѣ и пароходѣ господствуетъ какая-то торжественная тишина, изрѣдка прерываемая криками продавцовъ и лодочниковъ на пристани; лишь тысячи огоньковъ на берегу показываютъ, что городъ еще не спитъ.

Утромъ я уже опять на берегу, досматриваю то, чего не видалъ наканунѣ. Въ Нагасаки, какъ и повсюду на востокѣ, жизнь проходитъ на улицѣ: кустарь работаетъ у всѣхъ на виду подъ навѣсомъ своей лавочки, широко раскрытые двери домовъ позволяютъ видѣть, какъ хозяйка варитъ обѣдъ. Но никто не сидитъ, сложа руки, каждый непремѣнно занятъ какою нибудь работою. Очень красивы пересѣкающіе городъ ручейки, набережныя которыхъ сплошь обвиты плющемъ. Плющъ и другія вьющіяся растенія обвиваютъ собою даже водяныя мельницы. Захожу въ фотографію. Здѣсь чистота въ пріемной, ателье и даже на дворѣ—такая, что ей позавидовали бы сами голландцы, славящіеся своей чистоплотностью. Фотографъ-японецъ оказывается знатокомъ своего дѣла, судя по развѣшаннымъ и разложеннымъ образцамъ работы, которые могутъ поспорить съ любыми изъ европейскихъ. На фотографіи я и оканчиваю свой осмотръ и уѣзжаю на пароходъ, унося глубокую симпатію къ скромному, трудолюбивому и привѣтливому японскому народу и сожалѣя, что прямая цѣль моего путешествія мѣшаетъ мнѣ пожить посреди его подольше и познакомиться съ нимъ поближе. Да, у этого народа есть будущность!

СТОЛИЦА ЮЖНО-УССУРІЙСКАГО КРАЯ.

I.

На палубѣ было замѣтно холодно. Мы прошли только-что островъ Да-Желетъ. Еще утромъ я щеголялъ въ шведской курткѣ, а тутъ пришлось натягивать ватное пальто съ мѣховымъ воротникомъ, не смотря на то, что былъ конецъ апрѣля, и мы находились въ одной широтѣ съ Флоренціей.

— Однако, хваленая сибирская Италія-то оказывается вродѣ Петербурга, — замѣтилъ я своему спутнику, лейтенанту Т., возвращавшемуся во Владивостокъ изъ отпуска.

— А вы думали у насъ и впрямъ Италія? Откуда вы почерпнули такія фантастическія свѣдѣнія?

— Какъ откуда? Въ Петербургѣ меня снабдили журналами одной коммиссіи, гдѣ все прописано: и климатъ, и растительность, и фауна.

— Ну, ужъ не знаю, какіе у васъ тамъ журналы,— а вотъ что вы пощеголяете въ ватномъ пальто еще мѣсяцъ — это я могу сказать вамъ навѣрное.

— Какъ мѣсяцъ? Да вѣдь въ маѣ и въ Петербургѣ ходятъ уже въ лѣтнемъ пальто.

— То Петербургъ, — а то Владивостокъ.

— Что, новое разочарованіе? — спросилъ меня командиръ, вмѣшиваясь въ нашъ разговоръ.

Я въ отвѣтъ только затянулся сердито сигарой.

— Радуйтесь, радуйтесь; еще, говорятъ, и не такъ придется разочароваться, — продолжалъ подтрунивать командиръ.

На палубѣ было совершенно пусто. Нашъ живой грузъ — переселенцы Черниговской губерніи,—почти поголовно попрятались въ эмигрантскія помѣщенія, хотя тамъ, не смотря на виндзеля и ежедневную дезинфекцію, воздухъ былъ такъ спертъ, что можно было буквально топоръ вѣшать.

— Вотъ вы наконецъ и на мѣстѣ назначенія, — привѣтствовалъ меня за вечернимъ чаемъ пароходный докторъ, — завтра можете наслаждаться Владивостокомъ и его милыми нравами.

— Да не дразните вы меня, докторъ, я и такъ проклинаю глупую мысль эмигрировать изъ Петербурга, а тутъ еще всѣ только и знаютъ, что поддразниваютъ, да запугиваютъ меня!

. . . .

Проснувшись рано утромъ, я почувствовалъ холодъ даже въ каютѣ, не взирая на призванный, въ помощь байковому одѣялу, плэдъ. Чтобы не дрожать на койкѣ, я ранѣе обыкновеннаго всталъ и отправился въ каютъ-кампанію.

— Поздравляю съ приходомъ! — привѣтствовалъ меня лейтенатъ Т., проникнутый радостью возвращенія къ семьѣ.

— Развѣ ужъ пришли?

— Входимъ, черезъ часъ бросимъ якорь.

Выпивъ наскоро кофе, я поднялся на верхнюю палубу. Справа и слѣва высились горы и утесы, лишенные всякой зелени. Голыя деревья придавали имъ еще болѣе печальный видъ.

— Проливъ — Босфоръ Восточный, бухта Патроклъ, Діомидъ, островъ Русскій, мысъ Голдобинъ, — пояснялъ мнѣ мѣстности Т.

Поэтическія названія мало отвѣчали скудному осеннему виду, представлявшемуся нашимъ глазамъ. Только густыя облака тумана, разгуливавшія по вершинамъ холмовъ, да волны, сердито грызшія подножія темныхъ утесовъ, оживляли картину. Ни одного признака входа въ гавань военнаго порта, кромѣ сигнальной мачты, на которой былъ поднятъ флагъ, возвѣщавшій нашъ приходъ. Пароходъ завернулъ въ бухту Золотой Рогъ. Справа показались артиллерійскія казармы, слѣва

— убогій сарай, переселенческіе бараки, и изъ утренняго тумана сталъ вырисовываться городъ, безпорядочно раскинутый по склонамъ горъ вдоль всей бухты. Онъ сильно напоминалъ собою большое приволжское село

— Вотъ это большое каменное зданіе — магазинъ Альберсъ и К°, длинный деревянный домъ съ башней и мачтой — штабъ главнаго командира, а маленькая церковка — соборъ, — продолжалъ пояснять Т.

Стали стопорить машину и бросать якорь. На рейдѣ, кромѣ насъ и нѣсколькихъ судовъ сибирской флотиліи, не было никого. Цѣлая масса китайскихъ неуклюжихъ шлюпокъ устремилась съ пристани къ нашему пароходу. Надо было спѣшить переодѣться въ виду встрѣчи моего начальника. Облачившись въ сюртукъ съ погонами и прицѣпивъ шпагу, я вышелъ въ каютъ-компанію. За столомъ уже сидѣлъ посѣтитель въ формѣ чиновника морскаго вѣдомства.

— Мы кажется съ вами коллеги? — заговорилъ я съ нимъ.

— То-есть какъ?

— Вы морской юристъ?

— Нѣтъ, я редакторъ и издатель здѣшней газеты.

— Въ такомъ случаѣ все-таки собратъ: я лѣтъ пять участвовалъ въ петербургской журналистикѣ.

— А, очень пріятно. Значитъ, поможете и намъ. Только врядъ-ли вамъ позволитъ это вашъ начальникъ

Вы вѣдь секретарь—скаго управленія. Вашъ начальникъ заклятой врагъ нашей газеты.

— Ничего. Я съ тѣмъ и поступалъ на службу, чтобы не бросать журналистики.

— Ну, не хвастайтесь. Вы не знаете нашего Амура: здѣсь такъ могутъ скрутить, что отъ всякихъ намѣреній откажетесь.

Пріѣхало начальство, врачи, начались представленія, осмотръ переселенцевъ. Пароходъ принялъ дѣловой видъ. Только къ обѣду водворилась обыденная жизнь, безъ постороннихъ. Мнѣ было какъ-то грустно. Словно я сдѣлался опять мальчуганомъ и отданъ въ школу на чужбинѣ. Мнѣ уже были отданы „начальственныя" приказанія, въ ушахъ звучало редакторское „скрутятъ", а предъ глазами разстилалась сѣрая бухта, по берегу которой была разбросана безпорядочная куча домовъ. проспектъ съ твоей шумной толпой, опера, петербургскіе Прощай, приволье либеральной профессіи, веселый Невскій друзья, — думалось мнѣ: когда-то я вернусь къ вамъ и вернусь-ли изъ этого тумана и непріютной пустыни?..

Спутники собирались на танцовальный вечеръ въ военное собраніе, а я грустно принялся заносить въ дневникъ невеселыя впечатлѣнія. Ни въ собраніе, ни въ городъ меня совершенно не тянуло. Во мнѣ словно умеръ тотъ туристъ, котораго не пугали ни опасность сломать

шею, лазая по развалинамъ Семибашеннаго замка, ни палящій зной Адена, ни болотистые берега Псковскаго озера.

Рано утромъ на палубѣ началась суета. Переселенцевъ на баржѣ свозили на берегъ. Дѣти подняли ревъ. Старики ругали молодыхъ паробковъ. Трапъ трещалъ и скрипѣлъ подъ тяжестью толпы, сундуковъ и огромныхъ мѣшковъ. Послѣдніе даже прямо сбрасывались въ баржу черезъ бортъ.

— Куда лезите: уси тамъ будемъ, — уговаривали благоразумные черезчуръ горячихъ на своей своеобразной смѣси русскаго съ малороссійскимъ.

— Ой, задавили! — взвизгивала вдругъ баба.

— Стойте, вы, черти! — осаживалъ матросъ.

Все это толкалось, жало другъ друга, рискуя оборваться со своимъ скарбомъ въ воду. Родная, россійская безпорядочность сказывалась въ полномъ блескѣ и красѣ.

— Комплектъ, — объявили съ баржи.

— Подымай трапъ, отчаливай!

— Та мой-же батька тамъ унизу, — рвался какой-то подростокъ.

— Поспѣешь къ батькѣ!..

II.

— Пока вы можете устроиться здѣсь, — заявилъ мнѣ мой начальникъ Б., вводя меня въ довольно большую, но почти совершенно пустую комнату.

Я оглядѣлся. Окна были выставлены и въ нихъ врывался рѣзкій, холодный, морской вѣтеръ. Два стола, два вѣнскихъ стула и горбатый тростниковый сингапурскій лонгшезъ составляли всю скудную обстановку моего новаго жилища. Пришлось ломать голову надъ тѣмъ, какъ бы устроиться покомфортабельнѣе, такъ чтобы хотя немного укрыться отъ вѣтра, и спать съ вытянутыми ногами. При помощи разнаго стараго платья, пальто и плэда, я кое-какъ смастерилъ себѣ неприхотливое ложе, сильно напоминавшее собой прокустово, и отправился на службу.

— А вы уже пожаловали! очень пріятно! — привѣтствовалъ меня Б.: — такъ ужъ я васъ попрошу сразу приняться за работу. Вотъ, если вы будете любезны, потрудитесь написать эти книжечки.

Передо мной была положена куча разсчетныхъ книжекъ, куда я долженъ былъ вписывать, кому и сколько выдано въ ссуду денегъ. Странно, — думалъ я про себя, — выводя „согласно телеграммѣ военнаго губернатора Приморской области“ и т. д., — неужели для такой работы понадобилось вызывать за десять тысячъ верстъ, изъ Петербурга, людей съ университетскимъ образованіемъ?

Медленно и однообразно чикали часы, слышалось изъ сосѣдней комнаты шуршаніе пера моего принципала, а съ улицы доносилось скрипѣніе китайскихъ телѣгъ. Я

продолжалъ чисто механически выводить: „выдано въ ссуду крестьянину села Баробаша левада...“ „Скрутятъ“, — раздавалось у меня въ ушахъ, и я продолжалъ вписывать: „съ обязательствомъ уплатить...“ Въ двѣнадцать часовъ я былъ отпущенъ до трехъ пообѣдать, отдохнуть, погулять, вообще распорядиться собой по собственному усмотрѣнію. Я вышелъ на улицу и пошелъ бродить. Кругомъ было пустынно. Проѣхала въ одноколкѣ барыня съ сильно набѣленнымъ лицомъ, прогарцовалъ на водовозной клячѣ какой-то чиновникъ морскаго вѣдомства, попалось нѣсколько китайцевъ и три пьяныхъ матроса, горланившихъ какую-то пѣсню. У воротъ одного дома (потомъ я узналъ, что это женское училище) я встрѣтилъ неожиданное препятствіе: со двора черезъ всю улицу протекалъ довольно широкій ручеекъ, образовавшій такія лужи и такую грязь, что перебраться черезъ нихъ безъ калошъ не представлялось никакой возможности. Пришлось поворачивать вспять. На обратномъ пути, прочтя вывѣску: „Петербургская булочная и кондитерская“, я рѣшился войдти. Половину первой комнаты занималъ билліардъ, за стойкой на полкахъ лежало нѣсколько булокъ.

— Можно у васъ закусить?

— У насъ есть обѣдъ.

Ну, обѣдать для полдня еще рано. А нельзя-ли бифштексъ.

— Сію минуту. Прошу васъ въ слѣдующую комнату.

За накрытымъ столомъ сидѣлъ уже довольно неопрятный субъектъ бурятскаго типа и обѣдалъ.

— Здравствуйте,—счелъ долгомъ привѣтствовать онъ меня, несмотря на то, что видѣлъ въ первый разъ.— Вы торгуете?—спросилъ онъ меня послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, я чиновникъ.

— Въ штабѣ?

— Нѣтъ, въ —скомъ управленіи.

— А? А я думалъ, торгуете.

— А вы?

— Я довѣренный.

— То-есть адвокатъ?

— Нѣтъ по торговой части.

Потомъ я узналъ, что на Амурѣ всѣхъ прикащиковъ называютъ довѣренными. Мы разговорились. Не смотря на грубыя манеры и бурятскую физіономію, мой собесѣдникъ оказался весьма интереснымъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что въ Владивостокѣ вся торговля находится въ рукахъ нѣмцевъ, такъ какъ у нихъ больше капитала, а главное есть кредитъ за-границей. Наживу даетъ не розничная продажа, а оптовая и подряды. Владивостокскій покупатель, по его словамъ, любитъ забирать въ долгъ. Выслужитъ онъ пятилѣтіе, полу-

читъ прогоны и подъемныя и расплачивается. А сколько уѣзжаютъ и такъ потихоньку или разсчитавшись на половину. Вообще владивостокскій покупатель не изъ важныхъ. Это или чиновникъ, или офицеръ, получающій сравнительно небольшое содержаніе и живущій не по средствамъ. Когда стоятъ тихоокеанская или иностранныя эскадры, тогда становится выгодной и розничная продажа: денегъ у офицеровъ много, и они покупаютъ все за наличныя.

Владивостокская торговля вообще организована курьезно. Оптовыхъ складовъ въ серьезномъ смыслѣ нѣтъ совсѣмъ. Товары выписываются изъ-за границы и изъ Одессы въ обрѣзъ, изъ опасенія, чтобы они не залежались. Поэтому случается такъ, что къ веснѣ нѣкоторые товары совершенно распродаются. Приходишь въ одинъ, въ другой, въ третій магазинъ, и нигдѣ не оказывается, напримѣръ, папиросъ, лайковыхъ перчатокъ, стальныхъ перьевъ или резиновыхъ калошъ. Въ февралѣ 1885 года во всемъ городѣ не оказалось простаго мыла, и прачки стирали бѣлье душистымъ. Осенью 1884 года сгорѣлъ складъ сахару фирмы Альберсъ и К°. Городъ пришелъ въ ужасъ, такъ какъ всѣ думали, что цѣна на сахаръ возрастетъ вдвое. Въ ту-же осень на рейдѣ долго стоялъ фрегатъ „召Мининъ“, и истребилъ въ городѣ все нѣмецкое пиво, такъ что послѣднее явилось лишь съ приходомъ послѣднихъ коммерческихъ судовъ.

Надо отдать справедливость, что только благодаря иностранцамъ подобные случаи стали повторяться не особенно часто. Русскіе купцы, явившіеся въ Владивостокъ первыми, совершенно не заботились о нуждахъ потребителей: для нихъ былъ важенъ лишь барышъ, ну, а барышъ всегда больше, когда спросъ превышаетъ предложеніе. Повышеніе цѣнъ иногда зависѣло отъ совершенно оригинальныхъ причинъ. Игралъ разъ зимой одинъ купецъ въ штосъ — и проигрался.

— Въ банкѣ пудъ икры, цѣна рубль фунтъ, ставьте, господа, а то завтра я подыму цѣну на три, — объявилъ онъ.

И дѣйствительно на другой день икра вздорожала, только потому, что купецъ проигрался.

Голова была словно налита свинцомъ, въ глазахъ ходили красные круги, а спина ныла, когда я, просидѣвъ съ трехъ до девяти часовъ, вечеромъ вернулся въ свое неприхотливое жилище. Тускло горѣла вставленная въ бутылку стеариновая свѣча, заплывавшая отъ вѣтра, который врывался въ щели окна. Мнѣ стало невольно жутко. Кругомъ было темно, уныло трещали колотушки ночныхъ сторожей, и сердито стучалъ въ окна вѣтеръ. Такъ вотъ куда привела меня ненасытная жажда новизны, — думалось мнѣ. Несмотря на усталость, я не могъ уснуть и проворочавшись съ полчаса, зажегъ свѣчу и взялъ книгу. Но и читалось плохо: глаза бѣгали по страницамъ, а мысль работала свое.

III.

— Не хотите-ли посмотрѣть переселенческіе бараки? — предложилъ мнѣ мой принципалъ.

Я конечно изъявилъ согласіе. День былъ холодный, но ясный. Деревья стояли еще голыя, но уже кое-гдѣ зеленѣла травка. Пара лошадокъ нашего извощика бѣжала крупной рысцой, такъ что я едва могъ знакомиться съ мѣстностью, по которой мы проѣзжали. Вотъ промелькнуло длинное деревянное зданіе прогимназіи, служившее прежде хлѣбопекарнымъ заведеніемъ, казарма портоваго кадра, портовыя мастерскія, похожія болѣе на какія-то руины, служащія пріютомъ для бездомныхъ бѣдняковъ, новенькія, еще неоштукатуренныя казармы линейнаго батальона, солдатская слободка, сплошь состоящая изъ убогихъ мазанокъ, военная гауптвахта, она-же и тюрьма, и съ четверть версты мы покатили по чистому полю, когда наконецъ изъ за пригорка выросло два ряда какихъ-то не то амбаровъ, не то коровниковъ, какіе бываютъ на хорошихъ скотныхъ дворахъ. Это и были бараки, словно нарочно построенные на самомъ вѣтру. Около бараковъ кишилъ народъ. Тутъ были и мужики, и бабы, и ребяты. При нашемъ появленіи мужики сняли шапки. Принципалъ сурово, какъ-бы съ неудовольствіемъ, кивалъ головой. Мы вошли въ первый баракъ. Полъ былъ

земляной, огромныя печи, повидимому, плохо грѣли, такъ какъ, не смотря на спертый, пропитанный аміакомъ и махоркою воздухъ, въ баракѣ было холодно, и, въ добавокъ, отовсюду дулъ вѣтеръ, хуже, чѣмъ въ моемъ неприхотливомъ жилищѣ,

— Ну, что? — спросилъ меня принципалъ, когда мы обошли нѣсколько совершенно однородныхъ пріютовъ будущихъ колонизаторовъ Южно-Уссурійскаго края.

— Плоховато, — отвѣчалъ я.

Принципалъ нахмурилъ брови. — Ему видимо не понравилась такая смѣлая критика въ подчиненномъ. Позднѣе я убѣдился, что онъ вообще признавалъ право критики лишь за собой, и любилъ, чтобы младшіе только вторили ему, хотя на словахъ постоянно это отрицалъ.

Нѣсколько словъ о моемъ принципалѣ. Это былъ типъ „амурскаго" дѣятеля. При словѣ „амурскій" дѣятель въ умѣ петербуржца возникаетъ тотчасъ представленіе о какомъ нибудь исправникѣ Громиловѣ, или одномъ изъ тѣхъ типовъ, которые такъ мастерски выведены Щедринымъ подъ именемъ „ташкенцевъ приготовительнаго класса", — напримѣръ въ разсказѣ: „Ахъ, какъ я тогда себя велъ!" Но это совершенно ошибочно. Въ „амурскомъ" дѣятелѣ, если онъ покрупнѣе, никогда нѣтъ ничего дикаго или грубаго, развѣ иногда замѣтна нѣкоторая неряшливость. Напротивъ, онъ всегда очень вѣжливъ и деликатенъ, всегда

мягко стелетъ, хотя потомъ бываетъ и жестко спать. Онъ никогда не бываетъ пьяницей, большой любитель чтенія газетъ, хотя и страшный ненавистникъ корреспондентовъ. „Амурскій“ дѣятель, сверхъ того, мастеръ говорить, и при томъ говорить о чемъ угодно, неудержимо фантазируя. По мановенію волшебнаго жезла, въ его разговорахъ край превращается во всемірную житницу, гавани Посьетъ и Ольга начинаютъ оспаривать значеніе Кронштадта, возникаютъ рисовыя и сахарныя плантаціи, всевозможные фабрики и заводы, конечно при условіи, что его, дѣятеля, проекты всѣ будутъ приняты, и дѣло поведется математически точно по отношенію къ его программѣ. Онъ, дѣятель, только одинъ въ своихъ глазахъ и непогрѣшимъ. Если что ему и не удалось, то въ этомъ всегда виноваты другіе: высшіе или подчиненные — безразлично.

— Какъ-же вы это такой скотъ закупили, который весь передохъ? — спрашиваешь одного, зная, что проектъ закупки принадлежитъ ему.

— Я-съ тутъ ни причемъ — это была воля ихъ превосходительства.

— Что-же это вы надѣлали? — обращаешься къ другому: вѣдь это прямое нарушеніе закона.

— Что вы прикажете дѣлать? Это все мой письмоводитель виноватъ. Давно уже собираюсь прогнать, да нѣтъ другого.

— Какъ-же это вы китайскія-то фанзы сожгли?— вопрошаешь третьяго.

— Предписаніе начальства, — угрюмо отвѣчаетъ онъ, не глядя въ глаза.

— Ну, что вы толкуете, развѣ могутъ такія предписанія давать.

И конечно никакое начальство, никакихъ такихъ предписаній не давало и, самое большое, извинило ему проступокъ въ виду прежнихъ заслугъ. А заслугъ у „амурскаго" дѣятеля всегда очень много. Онъ, въ угоду дамъ на любительскомъ спектаклѣ, и въ суфлерскую будку лѣзетъ, и изъ экономичесскихъ суммъ конюшню строитъ, и соорудитъ на неизвѣстныя средства шелковый шатеръ, и брошюрку, по указаніямъ, издастъ, и уговоритъ господъ офицеровъ по подпискѣ фестиваль устроить, и самъ себя въ отчетахъ такъ расхвалитъ, что самый сугубый скептикъ невольно повѣритъ.

Но вернемся къ баракамъ. Сооружались они однимъ инженеромъ и обошлись казнѣ тридцать тысячъ. Въ день сдачи бараковъ послѣдніе были украшены флагами и, снопами пшеницы, было выпито нѣкоторое количество шампанскаго, бараки были приняты, и затѣмъ потребовали ежегоднаго ремонта и большихъ передѣлокъ. Впрочемъ, послѣ постройки „Собачьяго клуба" — батареи, возведенной въ ямѣ среди города и долженствовавшей въ силу этого, вмѣсто защиты бухты,

истребить городъ, — исторія бараковъ является самой обыкновенной, невинной исторіей.

Заболѣванія въ баракахъ бывали такъ часты, что врачъ и фельдшеръ, возясь съ утра до ночи, едва успѣвали управляться. Хворали, конечно, по преимуществу, дѣти. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось заговаривать по этому поводу съ переселенческимъ начальствомъ; я задавалъ чинамъ переселенческаго управленія вопросы, почему они не настаиваютъ на радикальной передѣлкѣ бараковъ; но получалъ всегда такіе неопредѣленные отвѣты, которые и за отвѣты признать не могъ.

Вообще на Амурѣ добиться истины довольно трудно. Всѣ валятъ вину другъ на друга, одинъ говоритъ одно, другой — другое. Къ распознаванію дѣла и его сути частнаго человѣка и неподпускаютъ, и власть имущаго такъ всегда обставятъ, что онъ ровно ничего не пойметъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей обревизовывалъ одно учрежденіе, и пригласилъ меня ему помочь. Не смотря на самое ограниченное количество дѣлъ, большая половина изъ нихъ была запущена, нѣкоторыя лежали по два, по три года безъ движенія, другія были безнадежны вслѣдствіе цѣлаго ряда допущенныхъ неправильностей.

— Ищите тутъ виновнаго, — безнадежно вздыхалъ ревизоръ, — когда въ три года перемѣнилось три начальника и десять подчиненныхъ.

Въ другой разъ меня пригласили разсмотрѣть одно слѣдственное производство. Слѣдствіе совершенно не выясняло обстоятельствъ, оправдывающихъ вину обвиняемаго, прикосновенныя къ дѣлу лица были не допрошены, а лишь дали туманные отзывы на письменные вопросы. Я обратилъ на это вниманіе.

Эхъ, батенька, все это такъ, да ничего не подѣлаешь.

Обвиняемый указывалъ на массу злоупотребленій, жертвою которыхъ онъ сдѣлался, но дѣло такъ и было рѣшено без разъясненій.

Въ старину и не такіе дѣлались дѣла. Жилъ во Владивостокѣ фельдфебель, жилъ припѣваючи, даже домкомъ обзавелся, и начальствомъ былъ любимъ. Но на бѣду свою онъ имѣлъ хорошенькую жену, а въ то время женщинъ во Владивостокѣ почти не было. Красивая фельдфебельша приглянулась оберъ-аудитору. Подарки, ласковыя слова, да и представительность служителя юстиціи поколебали женское сердце, — и красавица измѣнила мужу. Дѣло обыкновенное, какъ и то, что мужъ, конечно, сталъ ревновать и принялся учить жену согласно „Домострою". Аудиторъ вступился, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, освободить предметъ своей любви отъ ревниваго супруга. Въ одинъ прекрасный день онъ узналъ, что фельдфебель посылалъ матросика къ себѣ на домъ съ какими то кирпичами. Кирпичи могли быть куплены въ складѣ,

могли быть и украдены въ порту, гдѣ дежурилъ фельдфебель. Провѣрить, была-ли кража или нѣтъ, было невозможно, такъ какъ никто въ точности не зналъ, сколько въ порту кирпичей.

— Откуда взялъ кирпичи? — спросили фельдфебеля.

— Купилъ у купца Д.

Спросили тогда купца: покупалъ-ли у него заподозрѣнный кирпичи? Отвѣтъ получился утвердительный. Но оберъ-аудиторъ разсудилъ по своему: одни кирпичи могли быть куплены, а другіе украдены. Произвели слѣдствіе, которое ничего, кромѣ отсутствія уликъ, не выяснило, назначили дѣло къ разбору, признали фельдфебеля виновнымъ, приговоръ конфирмовали, и ревнивецъ пошелъ въ арестантскія роты. Только лѣтъ черезъ пять, по Высочайшему уже повелѣнію; дѣло было разсмотрѣно вновь, и фельдфебель возстановленъ въ своихъ правахъ. Но семья его была разрушена, разрушился и домикъ, прикопленныя на черный день деньжата исчезли безъ слѣда.

Ученый нѣмецъ Колларъ утверждаетъ, что, метаморфизируясь въ своемъ развитіи, право вынуждено считаться со зломъ, въ интересахъ своего торжества, воспринимая въ себя, и претворяя въ себѣ элементы послѣдняго. Не берусь рѣшать, на сколько это оправдывается на приведенномъ дѣлѣ. Могу сказать одно, что и теперь на Амурѣ приходится праву много пре-

творятъ въ себѣ элементовъ лжи, на сколько я конечно это могъ наблюдать. И нельзя при этомъ сказать, чтобы уже всѣ исполнители были „лихіе супостаты“. Напротивъ, въ послѣдніе годы на Амурѣ замѣтенъ приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ, но старое зло такъ сильно въѣлось, что искоренить его можно будетъ еще не скоро. Да и гдѣ усмотрѣть каждое зло въ краю, тянущемся на тысячи верстъ, гдѣ средь тайги оно гнѣздится въ такихъ мѣстахъ, куда и попадешь то не во всякое время года, гдѣ, по пословицѣ, не только „до царя далеко“, но и до земскаго засѣдателя. Что можетъ сдѣлать, напримѣръ, полиція при такихъ порядкахъ, которые характеризуются слѣдующимъ случаемъ: иду я разъ ночью по главной улицѣ Владивостока. У одного изъ фонарей стоитъ полицейскій надзиратель, и усиленно даетъ свистки. Но изъ непроглядной тьмы никто не отвѣчаетъ. Надзиратель не жалѣетъ легкихъ.

— Свисти, братъ, хоть до утра, — раздается изъ мрака насмѣшливый голосъ, — всѣ полицейскіе давно по кабакамъ сидятъ, или дома спятъ.

IV.

Первый мѣсяцъ моего пребыванія во Владивостокѣ я былъ съ утра до ночи заполняемъ службой, даже въ праздники. Ознакомиться ни съ городомъ, ни съ его

нравами, ни съ окрестностями не было никакой возможности. Писарская работа одолѣвала, и только послѣ девяти часовъ я могъ удѣлять часикъ—другой чтенію и литературнымъ занятіямъ. Изъ дароваго помѣщенія я къ концу мѣсяца перебрался въ собственное, менѣе обширное, но болѣе комфортабельное. Это были меблированныя комнаты купца Монакова. За двадцать рублей въ мѣсяцъ мнѣ отвели небольшую конурку съ однимъ окномъ, кроватью, умывальникомъ, тремя стульями и столикомъ. Остальное пришлось пополнить собственными средствами.

Въ Іюнѣ съ работой полегчало. Сидѣть въ управленіи приходилось только по утрамъ. Прежде всего я, конечно, поспѣшилъ ознакомиться съ окрестностями и ихъ природой, о которой я вычиталъ у Пржевальскаго положительныя чудеса. Чудесъ, само собою, я никакихъ не нашелъ, но живописныхъ уголковъ нашелъ много. Почти съ каждой горы открывается роскошная панорама безчисленныхъ долинъ, балокъ города, бухты и залива Петра Великаго. Съ самой высокой горы „Орлиное гнѣздо“ открывается видъ на десятки верстъ, и при помощи бинокля можно отлично разсмотрѣть даже устье Мангугая, лежащее на противоположномъ берегу Уссурійскаго залива. Не могу въ точности опредѣлить высоты горы, но взобраться на нее я могъ лишь съ двумя небольшими отдыхами, хотя и взбѣгаю по петер-

бургскимъ лѣстницамъ въ пятый этажъ безъ передышки. На вершинѣ уже замѣтна даже нѣкоторая разница температуры, вѣроятно вслѣдствіе свободы, которой тамъ пользуется вѣтеръ. На случай войны на горѣ поставлена сторожевая будка, во время моего посѣщенія нѣсколько уже развалившаяся.

Будь эта гора не во Владивостокѣ, а гдѣ нибудь въ болѣе цивилизованномъ мѣстѣ, на ней-бы навѣрное устроили ресторанчикъ, на вершину провели-бы удобную дорогу, и она-бы сдѣлалась прелестнымъ мѣстомъ для прогулокъ. Но во Владивостокѣ нѣтъ ни предпринимателей, ни любителей подобныхъ развлеченій, и Орлиное гнѣздо видитъ очень рѣдкихъ гостей въ лицѣ немногихъ туристовъ, попадающихъ въ этотъ отдаленный край. Нѣкоторые живутъ во Владивостокѣ годы, и ни разу не вздумаютъ слазить на Орлиное гнѣздо.

Другой живописный уголокъ владивостокскихъ окрестностей — это устье Первой рѣчки. Маленькій горный ручеекъ, впадая въ море, вдругъ расширяется, и на протяженіи нѣсколькихъ саженъ течетъ настоящей рѣкой; одинъ берегъ совершенно низменъ, другой высокъ и крутъ. Эта несимметричность и придаетъ мѣстности красоту, напоминающую нѣсколько виды Финляндіи, только хвойный лѣсъ здѣсь замѣняется дубомъ, кленомъ, дикой яблоней и грушей, и кустами сирени, отчего группировка зелени и разнообразнѣе, и прихотливѣе.

и живописнѣе. Жаль только, что въ этомъ поэтическомъ уголкѣ пріютился прозаическій пивоваренный заводъ со своими неуклюжими постройками и сараями, пріютился, но не прибавилъ комфорту. Гуляющіе здѣсь не достанутъ ничего кромѣ довольно сквернаго пива, на просьбу о самоварѣ суровый тевтонъ-пивоваръ обыкновенно отвѣчаетъ дерзостью, и даже отказываетъ въ лишнемъ стаканѣ, если двое спросятъ одну бутылку пива. Но самое скверное — это обиліе комаровъ и москитовъ, благодаря которымъ вечернія прогулки становятся совершенно немыслимыми. Отъ нихъ не помогаетъ самое усиленное куреніе, и вернувшись домой вы покрываетесь на всѣхъ открытыхъ мѣстахъ кожи положительно сыпью. Пройдетъ лѣтъ десять и несносныхъ насѣкомыхъ, конечно, не будетъ, но не будетъ и красоты мѣстности: лѣсъ усиленно вырубается, не щадятъ даже совершенно молодыхъ деревьевъ; ну, а безъ лѣса какой ужъ ландшафтъ.

Вообще весь полуостровъ Амурскій богатъ живописными видами, особенно по берегамъ моря. Во время разныхъ моихъ прогулокъ и поѣздокъ у меня не разъ являлось желаніе поселиться на какомъ-нибудь холмѣ и слушать тутъ говоръ волнъ, нашептывающихъ чудныя легенды. Будь вы самый заклятой прозаикъ, вѣчно погруженный въ счеты и разсчеты, или превратившійся въ зачерствѣлаго департаментца петербуржецъ, вы невольно впадете въ идиллическое настроеніе, слушая эти

таинственныя и сперва непонятныя сказки волнъ, любуясь синевой залива, окаймленнаго темнолиловой цѣпью горъ на горизонтѣ, и вдыхая чудный ароматъ тайги. Вы припомните вашу молодость, фантастическіе разсказы американскихъ охотничьихъ писателей, сердце ваше запроситъ любви, простора, свободы, васъ перестанетъ тянуть въ шумные, душные города и на нѣсколько часовъ вы превратитесь въ поэта. Къ сожалѣнію, только на нѣсколько часовъ, такъ какъ житель большихъ городовъ такъ ужъ устроенъ, что ему нужна нервная, кипучая людская жизнь, а не эта спокойная, словно дремлющая, подъ звуки прибоя и шелестъ листьевъ, природа, только на время способная очаровать и приковать къ себѣ его взоры. Волны разскажутъ о пещерныхъ людяхъ, которые ютились нѣкогда на этихъ холмахъ, о кровавыхъ звѣриныхъ драмахъ, которыя разыгрывались въ окружающей тайгѣ, о желтолицемъ искателѣ жень-шеня; но что эти разсказы ничто —— въ сравненіи съ тѣмъ, что могли-бы разсказать каменныя громады городовъ, если-бы онѣ были одарены способностью говорить.

Я не разъ очаровывался красотами Южно-Уссурійскаго края, но меня всегда подавляла его странная пустынность южныхъ степей, гдѣ всетаки нѣтъ-нѣтъ, да раздастся крикъ чайки или унылая пѣсня чабана. Нѣтъ, здѣсь все молчитъ, только вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ,

и человѣкъ чувствуетъ себя безсильнымъ предъ природой, приниженнымъ предъ громадами холмовъ, навороченныхъ титаническими подземными силами, предъ вѣковыми дубами, зеленѣвшими за долго до того, какъ онъ явился на свѣтъ и которые долго еще станутъ тихо качать своими вѣтвями послѣ того, какъ его покроетъ толстый слой земли. Слишкомъ ужъ непривычна эта пустыня для жителя населенныхъ мѣстъ, глазъ невольно начинаетъ искать въ морѣ зелени золотаго креста деревенской церкви, ухо прислушивается не раздастся-ли людской говоръ, но нѣтъ ихъ здѣсь нѣтъ, и природа становится немила.

Эта пустынность подавляетъ не только столичнаго жителя, привыкшаго къ сутолокѣ Невскаго проспекта, ресторанамъ, клубнымъ заламъ и всякимъ сборищамъ, но и нашего крестьянина, не „развращеннаго городской жизнью“, какъ выражаются литераторы, воспѣвающіе деревню между обѣдомъ въ Маломъ Ярославцѣ и ужиномъ у Контана.

— Ну что, хорошо здѣсь? — спросилъ я одного переселенца.

— Хорошо-то хорошо, только скучно: здѣсь и праздника-то не видно. Дома хоть и бѣдность, да въ воскресенье въ церковь пойдешь, вечеромъ дѣвки хороводы водятъ, пѣсни поютъ, а здѣсь только и радости, что суля (китайская водка).

Можно замѣтить на это, что американцы, поселяясь въ преріяхъ, умѣютъ-же и воздвигать храмы и заводить деревенскіе клубы. Такъ вѣдь то въ Америкѣ, а то въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Одинъ мой знакомый, прожившій лѣтъ пять въ Соединенныхъ Штатахъ, разсказывалъ, что знавалъ гдѣ-то въ Небраскѣ бѣглаго съ Сахалина ссыльно-каторжнаго, сдѣлавшагося настоящимъ джентельменомъ. А я во Владивостокѣ зналъ кровнаго янки, который спился не хуже любаго россіянина, загнаннаго судьбою изъ столицы на окраину.

Нѣтъ, не плѣнили меня красоты Южно-Уссурійскаго края и, гуляя по его вѣковому лѣсу, я не разъ вздыхалъ даже по чахоточнымъ петербургскимъ скверамъ. Скажутъ, что и я и мой переселенецъ, оба мы испорченные люди, но вѣдь чего-нибудь да стоитъ культура, изъ-за которой бьется человѣчество, а вѣдь эта культура развивается не въ тайгѣ и не въ лѣсу, да и человѣкъ созданъ жить не съ тиграми и козулями, а съ себѣ подобными. Такъ пусть ужъ поэты мечтаютъ о просторѣ степей и тишинѣ дремучихъ лѣсовъ. Мечтать-то они мечтаютъ, а жить предпочитаютъ въ городахъ...

Что я любилъ во Владивостокѣ — это кататься по бухтѣ. Вода прозрачна, какъ стекло. Сидишь и смотришь на движущихся медузъ, морскихъ ежей и всевозможныхъ рыбъ, а китайская лодочка между тѣмъ

скользитъ по гладкой поверхности, мѣрно покачиваясь съ боку на бокъ. А еще лучше летѣть подъ парусами на военной шлюпкѣ. Не колыхнетъ, не качнетъ ее, и летитъ она, словно птица, слегка накренившись на одинъ бокъ. Не успѣешь оглянуться, какъ уже городъ остался въ туманѣ, а справа и слѣва виднѣются сѣверный и южный проходы Босфора, и манитъ своей зеленью островъ Русскій. Весело и привольно. Вонъ, на черной скалѣ намалеванъ бѣлый кругъ — это цѣль, въ которую стрѣляли съ баттарей при пробѣ орудій. Теперь послѣдніе мирно закутаны чехлами, и совершенно не имѣютъ смертоноснаго вида. Лѣтомъ всѣ эти берега выглядятъ совершенно не такъ, какъ при моемъ пріѣздѣ.

V.

Первое время петербуржцу кажется страшно дико во Владивостокѣ; все тамъ не такъ: и встаютъ, и ложатся, и ѣдятъ, и время проводятъ. Въ семь часовъ ужъ городъ живетъ: магазины отперты, извощики всѣ на биржѣ, не только мужчины, но и большинство дамъ принялось за повседневныя занятія. Въ двѣнадцать, много въ два, подается обѣдъ, и весь служащій элементъ возвратился домой. Въ десять часовъ городъ погружается въ сонъ, и только въ немногихъ домахъ мелькаютъ еще въ окнахъ огоньки. Рѣдко, рѣдко встрѣтите вы запоздалаго гостя, а въ гостинницахъ послѣ

десяти обыкновенно не найдете горячаго блюда. Даже кондитерскія заперты. Бодрствуютъ лишь винтеры да любители штоса — игры, сильно распространенной, несмотря на общее безденежье. Въ азартныя игры играютъ и въ гостинницахъ, и въ клубахъ, и въ частныхъ домахъ. Въ числѣ игръ есть одна спеціально-амурская, такъ называемая à l'Amour. Человѣкъ желаетъ продать вещь дороже, чѣмъ она стоитъ. Очень просто: онъ устраиваетъ „алямуръ". Дѣлаетъ извѣстное количество марокъ, и продаетъ ихъ желающимъ, а послѣдніе уже играютъ на эти марки въ банкъ. Кто заберетъ всѣ марки, тотъ и получаетъ вещь. Устраиваютъ обыкновенно такую лотерею въ гостинницѣ, и допускаютъ къ ней знакомыхъ и незнакомыхъ. Полиція объ этомъ знаетъ, но не мѣшаетъ, такъ какъ что же подѣлаешь?— народъ все знакомый, да и прежде, чѣмъ протоколъ составишь, могутъ, пожалуй, въ окошко выкинуть.

Отсутствіе удовольствій, замкнутость семейныхъ домовъ, поневолѣ заставляютъ молодежь бросаться въ карточную игру, чтобы хоть въ ней избавиться отъ мертвящей тоски города, куда письма и газеты съ родины приходятъ самое раннее черезъ два мѣсяца, а иногда черезъ четыре или пять. Другое прибѣжище отъ скуки— кутежи. Кутятъ иногда безъ перерыва цѣлую недѣлю съ утра и до ночи, кутятъ истинно героически. Пріѣдетъ

человѣкъ непьющій, пройдетъ года два и, глядишь, онъ уже спился окончательно. Въ семейные дома попасть трудно, сидѣть дома, словно медвѣдь въ берлогѣ, способенъ не каждый, ну, и идетъ человѣкъ въ холостую компанію, въ трактиръ, въ кондитерскую, а тамъ рюмка, за рюмкой другая, и такъ далѣе, и это изо дня въ день до истеченія пятилѣтія. Безхарактеренъ-ли что-ли русскій человѣкъ, но съ Амура еще недавно только немногіе уѣзжали, не потерявъ облика человѣческаго. Балъ, маскарадъ, спектакль, концертъ — все служитъ предлогомъ для самаго широкаго кутежа.

— Ты что-же, идешь сегодня въ театръ? — спрашиваетъ одинъ.

— Да что, стоитъ-ли? Какую-то канитель даютъ.

— Пустяки, приходи, водка въ буфетѣ будетъ, а это главное.

Существуетъ, впрочемъ, во Владивостокѣ общество „для изученія края“ и музыкальный и драматическій кружки. На свѣжаго человѣка они производятъ впечатлѣніе, равносильное тому, когда дѣти играютъ „въ большихъ“. Но, конечно, какъ ни мало научны рефераты, читаемые въ ученомъ обществѣ, какъ ни плохи концерты музыкальнаго кружка, существованіе этихъ учрежденій представляетъ для многихъ истинное благодѣяніе: какъ никакъ, а они не даютъ мысли окончательно заснуть, и порождаютъ высшіе, нежели карты и

кутежи, интересы. Хоть часть общества да говоритъ иногда о прочитанныхъ и ожидаемыхъ докладахъ, объ игрѣ исполнителей, о выборѣ пьесъ, о роляхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ. Затѣмъ всѣ такіе кружки, хоть нѣсколько, да сближаютъ общество.

При обществѣ „для изученія края" существуетъ небольшая коллекція оружія, предметовъ домашняго обихода инородцевъ, китайцевъ и японцевъ, минераловъ, череповъ и скелетовъ, носящая нѣсколько громкое названіе музея, и помѣщающаяся въ прогимназіи. Современемъ, если интересъ къ обществу не исчезнетъ, коллекція можетъ превратиться и въ настоящій музей, особенно если на помощь прійдутъ городъ и правительство. Пока-же, конечно, по коллекціи нельзя ни познакомиться съ краемъ, ни изучить ни одной отрасли. Но современемъ, когда коллекціи будутъ сравнительно полны, а музей пріобрѣтетъ собственное помѣщеніе, это учрежденіе можетъ принести огромную пользу. Въ этомъ отношеніи, въ виду будущаго, Владивостокъ можетъ сказать уже и теперь спасибо основателямъ коллекціи.

Но вернемся къ нравамъ. Удивительнѣе всего то, что хотя общество Владивостока на девять десятыхъ состоитъ изъ выходцевъ Европейской Россіи и главнымъ образомъ изъ Петербурга и Кронштадта, окраина кладетъ какой-то особый отпечатокъ на человѣка въ самое короткое время. Чуждая, странная жизнь какъ-то

незамѣтно засасываетъ въ себя. Англичанинъ въ Іокагамѣ, Гонъ-Конгѣ и Сингапурѣ руководствуется тѣмъже кодексомъ приличій, какъ и въ Лондонѣ; его воззрѣнія не измѣняются съ переплытіемъ черезъ океанъ и Суэзскій каналъ. Благополучный-же россіянинъ ужасно быстро перерождается. Какъ чистенькій гимназистъ въ семидесятыхъ годахъ немедленно съ поступленіемъ въ университетъ превращался въ нечесаннаго, неряшливаго студента, чтобы потомъ опять превратиться въ изящнаго адвоката, дамскаго доктора или чиновника по особымъ порученіямъ, такъ петербуржецъ превращается въ „амурца", а вернувшись восвояси, снова принимаетъ старый обликъ. Въ насъ нѣтъ привычки и убѣжденія въ необходимости жить такъ, а не иначе, убѣжденія, которое есть въ англичанинѣ и пожалуй даже въ нѣмцѣ и французѣ. Я зналъ во Владивостокѣ одного англичанина, который прожилъ на Амурѣ болѣе двадцати лѣтъ. Онъ ни на іоту не измѣнилъ своихъ привычекъ, обиходовъ и вкусовъ, пріобрѣтенныхъ на родинѣ. А я черезъ двѣ недѣли уже обѣдалъ по-владивостокски, черезъ мѣсяцъ привыкъ къ портеру, котораго раньше не пилъ, черезъ три пересталъ носить перчатки, а черезъ полгода являлся къ знакомымъ въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ. Каюсь въ неустойчивости, но потому только, что въ ней повинны всѣ пріѣзжающіе на Амуръ.

Извольте сохранять извѣстные привычки и пріемы, когда вокругъ васъ все идетъ имъ въ разрѣзъ. Если вы носите перчатки, вамъ то и дѣло замѣчаютъ: „Что это вы, батенька, словно барыня, на руки-то собачью кожу натянули!“ Да и развѣ европейскія, столичныя привычки на окраинахъ только подвергаются осужденію? Развѣ въ самомъ Петербургѣ мало людей, мечтающихъ о деревенскомъ привольѣ, гдѣ въ садъ можно выйти въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, кромѣ экстренныхъ случаевъ не надѣвать крахмаленной сорочки, если зубы крѣпки, то ихъ не чистить,—вообще жить по своему нраву, а не по какимъ либо принятымъ правиламъ. Мы смѣемся надъ иностранцами, но англичанинъ тѣмъ-то и выше насъ, что онъ привыкъ жить культурно, а мы если и живемъ иногда такъ, то лишь потому, что намъ приказываютъ.

Могутъ замѣтить, что всякіе фраки и перчатки вздоръ, пустяки. Согласенъ. Но сегодня человѣкъ снялъ перчатки, завтра замѣнилъ фракъ пиджакомъ, вмѣсто ботинокъ натянулъ ботфорты, разлегся передъ дамой на диванѣ, а тамъ, ужъ и жилетъ растегнулъ, сталъ говорить сальности и т. д., покончилъ со всѣмъ, что воздерживаетъ то грубое животное, которое сидитъ въ каждомъ цивилизованномъ человѣкѣ. Такой процессъ отрицанія перчатокъ, за перчатками ботинокъ, и наконецъ всякаго стѣсненія я именно и наблюдалъ во Влади-

востокѣ. Меня и другихъ сплошь и рядомъ барыни принимали въ ночныхъ кофточкахъ, да еще иныя даже и не извиняясь. Мужья, не стѣсняясь, дѣлали при гостяхъ сцены своимъ женамъ и затѣмъ шли спать или уходили изъ дому, пробурчавъ сквозь зубы: „вы меня простите“. Развязные кавалеры являлись въ семейномъ домѣ въ такомъ состояніи невмѣняемости, что сидя засыпали, а съ просонковъ кричали „извощикъ“. Не разъ, высказывая удивленіе по поводу слишкомъ уже упрощенныхъ нравовъ, я получалъ отвѣты отъ „объамурившихся“, что Владивостокъ—не Петербургъ, что „здѣсь—окраина“, что такъ ужъ заведено. Пытался я доказывать, что приличія обязательны не потому, что они „петербургскія“, а именно потому, что они—приличія. Но отвѣтъ былъ одинъ: „подите вы съ вашими выдуманными въ Петербургѣ приличіями“. Конечно послѣ этого всякій споръ становился немыслимъ.

Для болѣе яркой характеристики нравовъ столицы Южно-Уссурійскаго края приведу нѣсколько эпизодовъ.

Проживалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Владивостокѣ нѣкто П., маленькій чиновникъ, но съумѣвшій снискать такое расположеніе своего начальника, что сталъ положительно необходимымъ человѣкомъ. Жилъ П. съ своей сестрой—вдовой, которой помогалъ. Какъ они жили—мнѣ неизвѣстно. Но въ одинъ прекрасный день въ квартирѣ брата и сестры раздался трескъ вы-

битыхъ стеколъ, неистовые крики и затѣмъ пистолетный выстрѣлъ. Сбѣжалась публика, и оказалось, что П. стрѣлялъ въ упоръ въ сестру, но промахнулся. Начальника П. въ городѣ не было—онъ уѣхалъ въ село Никольское. Начать дѣло безъ начальника полицiймейстеръ не рѣшился и далъ телеграмму, на которую и получилъ отвѣтъ: „Если можно, то замните дѣло ради меня. П. мнѣ человѣкъ крайне необходимый". Дѣло замяли, объяснивъ всю исторiю какимъ-то необычайнымъ болѣзненнымъ припадкомъ П.

Между двумя офицерами разнаго рода оружiя произошли недоразумѣнiя. И вотъ въ одинъ день, на любительскомъ спектаклѣ, одинъ другому далъ публично пощечину. Товарищи потребовали дуэли. Противники сошлись на льду Босфора,—и побитый принесъ извиненiе побившему. Можно быть противникомъ дуэлей, утверждать, что онѣ ничего не доказываютъ и ничего не возстановляютъ, но ужъ очень просты такiя отношенiя къ своей и чужой чести. Точно дать плюху то-же самое, что закурить папироску. Дуэлей-то въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ не признаютъ, а самоуправство и кулачную расправу признаютъ.

— Ну, что новаго?—бывало спросишь.

— Да что? Вчера Ивановъ подрался съ Петровымъ въ гостинницѣ „Москва", а въ клубѣ Сидоровъ Семенову пустилъ бутылкой въ физiономiю.

И это послѣ того, какъ наканунѣ вамъ разсказывали о дракѣ въ маскарадѣ и о томъ, что тотъ-же Ивановъ хватилъ въ ухо Михайлова, а Григорьевъ, обнаживъ шашку, чуть не зарубилъ Карпова—хорошо что товарищи удержали.

— Это невѣроятно, такіе факты немыслимы!—воскликнете вы.

— Это не только вѣроятно, но все приведенное болѣе, чѣмъ факты, все это дѣйствительныя происшествія, какъ и то, что одинъ офицеръ былъ такъ избитъ, что умеръ отъ скоротечной чахотки, какъ и то, что избиваютъ не только на улицахъ, но и вторгаясь въ чужія квартиры.

Но не довольно-ли о soi disant интеллигентномъ обществѣ. Вспоминая о немъ, можно договориться до такихъ грязныхъ вещей, что не только читатель не дочитаетъ статьи, но ни одинъ редакторъ не дочитаетъ и не напечатаетъ рукописи, да еще скажетъ: „ну и лжетъ-же человѣкъ“. А авторъ, конечно, не виноватъ, что окраина создаетъ положительно невѣроятные нравы.

Но есть люди, которые, не будучи сами ни самоуправцами, ни скандалистами, ничѣмъ не возмущаются. На обратномъ пути въ Россію я ѣхалъ, между прочимъ съ однимъ военнымъ врачемъ. Зашла рѣчь о покинутомъ краѣ, и велась она мною не особенно-то желчно: слишкомъ ужъ хороши были океанскія волны со своимъ

фосфорическимъ блескомъ, яркая луна мягко заливала своимъ свѣтомъ палубу, и чудная природа мирила съ человѣческой грязью.

— А я такъ всегда охотно вернусь въ Уссурійскій край, и нахожу его прекраснымъ,—замѣтилъ докторъ.

Такіе люди обыкновенно принадлежатъ къ охотникамъ проложить себѣ дорожку, не обладающимъ однако никакими талантами, кромѣ двухъ молчалинскихъ. Ну, а ихъ прототипъ, созданный Грибоѣдовымъ, уживался со всякой мерзостью.

VI.

Посмотримъ, какъ устраивается и живетъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ „младшій братъ", т. е. переселенецъ-крестьянинъ. Исторія первыхъ переселенцевъ и уссурійскихъ казаковъ уже довольно ярко изложена г. Пржевальскимъ, котораго если и можно въ чемъ упрекнуть, такъ это въ оптимизмѣ, но никакъ не въ преувеличеніи дурныхъ сторонъ. Но и читая знаменитаго путешественника, нервный человѣкъ почувствуетъ дрожь, дойдя до страницъ, гдѣ описывается голодъ, постигшій первыхъ невольныхъ колонизаторовъ. Таковыхъ уже теперь нѣтъ; единственно продолжающаяся колонизація есть добровольная, если только можно назвать добровольцами людей, гонимыхъ съ родины жестокою нуждою за четырнадцать тысячъ верстъ. Невольно сердце сжимается,

когда вспоминаешь испитыхъ, худыхъ, истомленныхъ своихъ спутниковъ по путешествію въ Владивостокъ. Гдѣ-то вы теперь, мечтавшіе о молочныхъ рѣкахъ и кисельныхъ берегахъ? Нашли-ли вы то, чего жаждали, или вздыхаете по малоземельной Черниговской губерніи? Про десятерыхъ изъ васъ я знаю — они пошли на каторгу, поплатившись за свое невѣжество, и безучастность переселенческаго управленія.

Въ мое время переселенцы дѣлились на двѣ катепоріи: на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первые не только получали землю и доставлялись моремъ на казенный счетъ, но и снабжались полтора года хлѣбомъ, получали деньги на покупку, скота и всякую домашнюю утварь. Вторые ѣхали на свой счетъ, получали землю и иногда денежную ссуду. Натуральныя пособія казеннокоштнымъ дѣлались довольно оригинально. Выдавали, напримѣръ, листовое и полосовое желѣзо, а во всемъ поселеніи не оказывалось ни одного кузнеца. Всѣ предметы присылались въ ограниченномъ количествѣ, и потому многимъ доставались напилки съ обломанными концами, никуда негодныя пилы, и въ этомъ родѣ другія вещи. Печально жалуется чиновнику получившій надломанный напилокъ, мужикъ.

— Да гдѣ-же я, братъ, тебѣ лучшій-то найду, когда его изъ Одессы не прислали?

Иныхъ вещей, слѣдовавшихъ по положенію, такъ и

вовсе не оказывалось: или въ Одессѣ забудутъ выслать, или во Владивостокѣ выписать. Мужикъ сперва ропщетъ, жалуется, а потомъ почешетъ затылокъ, да и плюнетъ.

Казеннокоштные были, какъ уже сказано выше, народъ весьма печальный, за малыми исключеніями, отброски сельскаго населенія. Большинство изъ нихъ на родинѣ никогда не занималось земледѣліемъ, а работало на фабрикахъ, ходило въ городъ на заработки и т. д. Въ партіи, вмѣстѣ съ которой прибылъ я, былъ даже одинъ поваръ, проведшій добрую половину жизни въ Петербургѣ. Онъ мечталъ о разведеніи трюфелей и ананасовъ, и ужасно разочаровался, очутившись среди тайги. Попадались и бездѣтныя пары, страдавшія разными послѣдствіями того страшнаго недуга, который, будучи занесенъ изъ столицъ, все болѣе и болѣе развивается въ деревняхъ. Встрѣчались даже цѣлыя семьи калѣкъ. Какъ они попадали въ партіи — это оставалось загадкой даже для переселенческаго управленія.

На обратномъ пути въ Россію мнѣ пришлось ѣхать съ игуменомъ отцомъ Платономъ, основавшимъ было на рѣкѣ Шитугѣ скитъ но не получившимъ на него разрѣшенія. Отецъ Платонъ, живя бокъ о бокъ съ переселенцами, имѣлъ возможность довольно хорошо изучить ихъ.

— Точно это и не мужики, — разсказывалъ онъ мнѣ, — я много жилъ съ нашими крестьянами, но та-

кихъ не видывалъ: работы они словно боятся, а только и норовятъ какъ-бы сулей напиться; живутъ словно дикари. Говѣли они, напримѣръ, въ моемъ скитѣ. Я имъ и говорю: вы-бы хоть къ святому-то причастію рубахи чистыя надоѣли. Такъ куда, какъ ходили всю недѣлю, такъ и къ таинству явились. Старожилы съ ними и знаться не хотятъ — считаютъ ихъ хуже бродягъ.

— Ну, а какъ вы думаете, батюшка, выйдетъ изъ нихъ толкъ?

— Ужъ какой тамъ толкъ: не знаю, чѣмъ они и жить-то станутъ, когда субсидія прекратится.

Какая-то забитость составляла отличительную черту, по которой можно было сейчасъ опредѣлить казеннокоштнаго. Какъ-то съ однимъ пріятелемъ, состоявшимъ членомъ благотворительнаго коммитета, пошли мы въ бараки. Не смотря на нашъ совершенно неоффиціальный видъ, мы были встрѣчены низкими поклонами.

— Ну что, братцы, не терпите-ли въ чемъ нужды? — обратился къ нимъ пріятель.

— Нѣтъ, не терпимъ, всѣмъ довольны. Мы такіе бѣдные, что всѣмъ довольны.

— А соль у васъ есть?

— Нѣтъ, соли нѣту. Покупаютъ соль на базарѣ, у кого деньги есть, а другіе и такъ обходятся.

— Можетъ еще чего нужно?

— Нѣтъ, чтожъ, хлѣбъ выдаютъ, ну, мы и довольны.

А между тѣмъ тѣ-же „довольные" переселенцы толпами шлялись по городу, выпрашивая милостыню. Мы рѣшительно не могли понять такого противорѣчія словъ съ фактами.

Прибытіе первой партіи казеннокоштныхъ въ Владивостокъ ознаменовалось кражами: обкрадывали не только горожанъ, но и другъ друга. На Сучанѣ во второй годъ случилось убійство съ грабежемъ двухъ манзъ. Виновные сознались и были приговорены къ каторгѣ. Переселенцы рѣшительно не могли понять такого исхода.

— За что-же нашихъ ссылаютъ? — голосили бабы.

— Какъ за что? Людей убили.

Да развѣ-жъ это люди? Вѣдь это „дохлые". Да они ихъ и не убивали, а такъ только пристукнули — изъ нихъ паръ вонъ и вышелъ.

Вообще администрація, организовывшая переселеніе, не особенно озабочивалась выяснять крестьянамъ ихъ положеніе, права и обязанности. Переселенцы на Даубихѣ скосили сѣно, да и продали его въ казачью сотню. Пришла зима, собственная скотина осталась безъ корму. Спекулянты бросились къ начальству за пособіемъ прослышавъ о какихъ-то ассигновкахъ на сѣно.

— Да вѣдь вы-же ваше сѣно продали, а оно у васъ не погибло, — получили они отвѣтъ.

Начальство было, конечно право; но какъ переселенцы прокормили своихъ коровъ и лошадей до весны — одному только Богу извѣстно. Кто виноватъ въ этой исторіи — сказать трудно: вмѣшательство въ хозяйство переселенцевъ отринуто принципіально и безповоротно переселенческимъ управленіемъ, да и мужички чувствуютъ къ нему какой-то невольный страхъ. Стоятъ бывало около дома, гдѣ оно помѣщается, и переминаются въ нерѣшительности съ ноги на ногу. Даже къ полиціи они охотнѣе обращались со своими нуждами, и полицейское управленіе то и дѣло пересылало всякія ихъ жалобы и прошенія.

Своекоштные выглядѣли и бодрѣе и энергичнѣе. Одѣты они были чисто, въ крѣпкихъ свитахъ и сапогахъ. При встрѣчахъ съ бариномъ они не проявляли ни страха ни заискиванія. Особенными молодцами высматривали нѣжинцы и конотопцы. Такъ и видно было, что этотъ народъ надѣется больше всего на самихъ себя. И устраивались они какъ-то чрезвычайно быстро, и про пьянство въ ихъ поселеніяхъ не слышно было. Многіе изъ своекоштныхъ были даже, по крестьянскому быту, капиталистами, и прямо и категорично отказывались отъ всякихъ ссудъ. Въ переселенческое управленіе они даже и не заглядывали и, повидимому, даже недоумѣвали, чего чиновники послѣдняго суютъ носъ въ ихъ дѣла; — ѣхали они на пароходѣ безъ всякой

опеки, сами деньги платили, сами и въ дорогу собрались, а тутъ откуда-то опекуны взялись, которые непремѣнно приказываютъ селиться десятью дворами, безъ своего разрѣшенія и свадьбы сыграть не позволяютъ, посѣвы переписываютъ.

VII.

Больной вопросъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ — это китайцы. Ихъ бояться, собираются изгонять и ограничивать, а между тѣмъ безъ нихъ Владивостокъ положительно-бы погибъ. Китайцы шьютъ фраки и военные мундиры, поставляютъ мясо и овощи, ловятъ рыбу и устрицъ, строятъ дома и чинятъ дороги; они и разнощики, и повара, и лакеи, и лодочники, и мелочные торговцы. Сломались у васъ часы — ихъ чинитъ китаецъ, испортился у барыни золотой браслетъ — единственный ювелиръ-китаецъ. Они научились и класть русскія и голландскія печи, и украшать потолки лѣпной работой, и варить баварскій квасъ, и печь французскія булки, и вставлять стекла.

Лучшую прислугу, какъ китайцы, встрѣтить трудно. Китаецъ никогда не сгрубитъ, а, — главное никогда не украдетъ. Приказанія онъ исполняетъ весело, и при малѣйшемъ одобреніи расплывается въ широкую улыбку. Я жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ было нѣсколько жильцовъ. Лакей-манзенокъ такъ усердствовалъ,

что чистилъ ежедневно всѣ мои сапоги и ботинки, пока я ему не замѣтилъ, что это лишнее. Замѣтивъ малѣйшій безпорядокъ, онъ немедленно принимался убирать. Иногда я оставлялъ на столѣ доллары и серебрянные рубли, и никогда ни одинъ изъ нихъ не пропадалъ. Когда по прошествіи перваго мѣсяца я наградилъ мальчугана рублемъ, онъ положительно пришелъ въ восторгъ.

Былъ при домѣ и китаецъ-дворникъ, — онъ-же ночной сторожъ. Всю ночь онъ усердно колотилъ трещоткой, а днемъ его всегда бывало видишь за работой: когда онъ отдыхалъ — это было его тайной. И всегда онъ былъ веселъ. Возвращаешься ночью домой:

— Капитана? отликиваетъ онъ.

— Капитанъ.

— Гуляй есть капитана — холосо, — считаетъ онъ долгомъ выразить свое расположеніе.

И каждый китаецъ, который васъ знаетъ, считаетъ долгомъ при встрѣчѣ привѣтствовать васъ своей широкой и чрезвычайно симпатичной улыбкой.

Праздниковъ и прогуловъ китаецъ не знаетъ и работаетъ круглый годъ. Единственно, когда онъ отказывается отъ работы — что-бы вы ему ни предлагали, — это въ дождь. Работаетъ онъ, впрочемъ, куда хуже русскаго рабочаго, хотя и дешевъ: яму, которую смоленскій землекопъ выроетъ въ полчаса, китаецъ будетъ копать часа два и быстро устанетъ. Поэтому ки-

тайца выгоднѣе всегда нанимать поштучно, а не посуточно. Китаецъ ни за что не украдетъ, но надуть другимъ способомъ за грѣхъ не считаетъ. Отъ работающихъ поденно нельзя отойти ни на минуту. Не успѣетъ надсмотрщикъ отвернуться, какъ уже рабочій садится на корточки, закуриваетъ свою трубочку, и начинаетъ созерцать окружающее.

Подъ окнами мѣста моего служенія китайцы выравнивали дворъ. Копнутъ бывало заступомъ разъ пять и, глядишь, уже курятъ.

— Ты чего, манза, не работаешь! — кричитъ на нихъ прикащикъ.

— Мала-мало моя кули (хочу немного покурить), — отвѣчаетъ тотъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ. И эта сцена повторялась чуть не каждыя десять минутъ.

Зато, работая урокъ, китаецъ положительно неутомимъ. Страсть къ куренію у него пропадаетъ, солнце жжетъ ему голую коричневую спину, потъ льетъ градомъ. Но повторяю, что китайскій рабочій — плохой конкуррентъ русскому. Если онъ побѣждаетъ въ Калифорніи американца, то только потому, что ужъ очень ограниченъ въ своихъ потребностяхъ, тогда какъ американецъ требуетъ джентльменскій костюмъ, ростбифъ и бифштексъ, газету и театръ. Нашъ-же рабочій по своимъ потребностямъ скорѣе подходитъ къ китайцу, чѣмъ къ американцу. Да и китаецъ, поживъ среди

европейцевъ, начинаетъ ощущать потребность къ нѣкоторому комфорту. Онъ непрочь замѣнить бумажный костюмъ шелковымъ, нарядиться въ европейскіе брюки и ботинки, получаетъ любовь къ европейскимъ напиткамъ. Но главное, что мѣшаетъ ему подняться на ноги — это любовь къ азартнымъ играмъ. Въ нѣсколько часовъ онъ проигрываетъ весь свой мѣсячный заработокъ. Бываютъ случаи, что хозяинъ садится играть съ рабочими, проигрываетъ всѣ свои деньги, хозяйство, фанзу, и идетъ въ кабалу къ счастливому партнеру, бывшему наканунѣ его слугою.

Азартныя игры, и китайскіе игорные дома въ прежніе годы были прекраснымъ доходомъ для полиціи. Обыкновенно они облагались данью, и могли послѣ ея уплаты процвѣтать самымъ чудеснымъ образомъ. Времена измѣнились, азартныя игры подверглись гоненію, но китайцы необыкновенно ловко умѣютъ въ этихъ случаяхъ укрываться отъ зоркаго ока полиціи, которая слишкомъ малочисленна и неумѣла.

Я уже говорилъ выше, что китаецъ, при случаѣ, непрочь надуть, но въ своемъ надувательствѣ онъ своеобразенъ: надуть онъ надуетъ, но всегда въ то-же время сдержитъ свое слово. Я знавалъ во Владивостокѣ одного господина, занимавшагося адвокатурою, который мнѣ говорилъ, что съ нимъ не было ни одного случая, чтобы китайцы не уплатили обусловленнаго на словахъ

гонорара. Спросите адвокатовъ, часто-ли бываютъ также аккуратны петербургскіе и московскіе кліенты.

„Куда-бы ни являлись китайцы, — разсуждали на одномъ изъ съѣздовъ въ Хабаровкѣ, — они всюду вносятъ свой культъ, свое міровозрѣніе и даже свой судъ; ихъ сплоченность и высокое мнѣніе о своемъ прошломъ препятствуютъ сліянію съ русскими; поэтому, куда-бы они ни явились, они составляютъ какъ-бы государство въ государствѣ.“ На сколько мнѣ приходилось наблюдать китайцевъ во Владивостокѣ, это мнѣніе преувеличено. Прежде всего китайцы самый нерелигіозный народъ въ мірѣ: ихъ единственная во Владивостокѣ кумирня — жалкая, заброшенная будочка, которая освѣщается только въ праздникъ Новаго года. Приписывать-же бѣдному, голодному рабочему какую-то историческую гордость нѣсколько странно. Напротивъ, онъ отлично сознаетъ, что русскіе порядки лучше, что при нихъ ему не рубятъ головы, и не берутъ послѣдней копѣйки. Будь Южно-Уссурійскій край болѣе благоустроенъ и относись наше чиновничество къ китайцамъ погуманнѣе, они-бы еще скорѣе и лучше поняли преимущества русской власти предъ ихъ найонами и фудутунами.

Но къ сожалѣнію нѣкоторые неумѣренные патріоты употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы оттолкнуть отъ насъ китайцевъ. Поборы разныхъ мелкихъ полицейскихъ чиновъ не вывелись и теперь. Въ 1885 году

на рѣкѣ Сучанѣ былъ такой погромъ китайцевъ, отъ котораго пришли въ негодованіе даже здѣшніе патріоты. При мнѣ въ публичный концертъ не пустили двухъ весьма богатыхъ и приличныхъ китайскихъ купцовъ, хотя многіе изъ русскихъ не стѣсняются выпрашивать у китайцевъ деньги въ займы, обѣдать въ гостяхъ у китайца содержателя гостинницы, и ходить въ гости къ китайцамъ, когда тѣ справляютъ свой новый годъ. Кулачная расправа съ китайцемъ на Амурѣ — такая-же обыкновенная вещь, какъ въ Петербургѣ обращеніе на „ты“ къ извощику. Мнѣ не однократно приходилось видѣть, какъ по улицамъ Владивостока городовые гнали въ полицію китайцевъ, связанныхъ косами. Говорятъ, что это способъ, заимствованный отъ англичанъ; но я не видалъ ничего подобнаго ни въ Гонъ-Конгѣ, ни въ Сингапурѣ, какъ не видалъ, чтобы англійскіе офицеры допускали кулачную расправу съ нижними чинами, которая практикуется частенько на Амурѣ.

При мнѣ былъ во Владивостокѣ китаецъ Афу. Онъ бывалъ неоднократно ресторатором на русскихъ судахъ, прокатился однажды даже въ Одессу, и имѣлъ пристрастіе къ европейскимъ шляпамъ, брюкамъ и сапогамъ. Открылъ онъ гостинницу, и вотъ въ день открытія я зашелъ къ нему пообѣдать. На порогѣ я столкнулся съ нимъ и съ русскимъ священникомъ, котораго онъ

провожалъ. Оказалось, что послѣдній, по просьбѣ Афу, отслужилъ молебенъ и окропилъ помѣщеніе святою водою. Надѣюсь, что такой фактъ служитъ доказательствомъ, что далеко не всѣ китайцы такіе фанатики, какими ихъ рисуютъ.

Мѣстные патріоты однако предпочитаютъ, повидимому, фактамъ собственныя фантазіи. Въ китайскомъ и корейскомъ каботажѣ они видятъ не только пиратовъ, но и будущую вспомогательную флотилію, которая должна явиться на помощь англійскому или китайскому флоту. Впрочемъ патріотизмъ вещь довольно обманчивая. Амурскіе патріоты издавна прославились тѣмъ, что въ сущности прикрывали патріотизмомъ необузданную страсть „ловить рыбу въ мутной водѣ“.

Но истинному взгляду на китайцевъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, насколько я могъ замѣтить, мѣшаютъ ни одни „патріоты“. Патріоты сами по себѣ не могли-бы еще создать лжи, если-бы имъ не содѣйствовали доктринеры, смотрящіе на все черезъ разъ надѣтыя очки. Составился взглядъ, что китайцы лукавы, плутоваты, малодушны и консервативны, и доктринеры не пытаются ознакомиться сами съ ними даже въ лицѣ тѣхъ дворниковъ, портныхъ, поваровъ, услугами которыхъ они пользуются.

Бѣднымъ манзамъ (такъ во Владивостокѣ называютъ китайцевъ) отъ этого не легче. Въ силу того,

что китаецъ разъ навсегда признанъ вреднымъ элементомъ, его волокутъ за косу въ полицію, гонятъ изъ его фансы, высылаютъ на родину, примѣняютъ къ нему отмѣненныя для всѣхъ тѣлесныя наказанія.

Я помню одну полицейскую облаву на китайцевъ, въ которой учавствовалъ, благодаря своему знакомству съ полиціймейстеромъ. Городъ уже спалъ. Мы шли молча по грязи, а куда — не зналъ даже предводитель экспедиціи. Прейдя почти весь городъ, мы остановились.

— Ты знаешь, въ какихъ здѣсь фанзахъ играютъ? — спросилъ предводитель одного изъ городовыхъ.

— Да надоть полагать, что вотъ и въ этой, ваше благородіе, играютъ, — указалъ тотъ на одну, на чердакѣ которой свѣтился огонь.

— Окружай! — раздалась команда.

Но не успѣли полицейскіе оцѣпить фанзу, какъ огонь на чердакѣ погасъ.

— А-га! догадались, мерзавцы!

По приставленной къ дверямъ чердака лѣстницѣ мы полѣзли одинъ за другимъ. Когда гимнастическое упражненіе было окончено и я просунулъ голову въ двери, меня сразу обдало спертымъ воздухомъ, пропитаннымъ скверным табакомъ, лукомъ и черемшею.

— Берегите, ваше благородіе, голову, — предупредилъ меня полицейскій свѣтившій мнѣ фонаремъ.

Дѣйствительно, въ чердачномъ помѣщеніи можно

было только или сидѣть или стоять, согнувъ совершенно спину. Зажгли огонь и начался обыскъ. Перерывъ всѣ неприхотливыя постели и весь скудный скарбъ, обрѣли какую-то деревянную трубочку.

— Это банка (особая азартная китайская игра)?— спросилъ грозно предводитель.

— Нѣтъ, это для куренія, — объяснилъ одинъ изъ китайцевъ.

— Для куренія? А зачѣмъ вы огонь потушили? У васъ игра была? Ну, да все-равно, собирайтесь въ полицію. Левицкій, спускай ихъ по одному внизъ.

Мы тѣмъ-же путемъ спустились внизъ, а за нами стали вылѣзать и китайцы; когда ихъ не осталось ни одного на чердакѣ, ихъ связали между собою косами и погнали въ полицію.

Дня черезъ три я узналъ отъ стряпчаго, что китайцы были арестованы полиціей напрасно, и что трубочка, которую конфисковали, служитъ для храненія трута, и никакого отношенія къ азартнымъ играмъ не имѣетъ. Такъ вотъ какъ мы привлекаемъ на свою сторону китайцевъ въ столицѣ Южно-Уссурійскаго края.

Что правда, такъ это то, что китайцы страшно нечистоплотны. На чердакѣ, гдѣ былъ обыскъ, я нашелъ такую грязь, предъ которой даже трущобы Сѣнной площади — образцы опрятности. Бѣлья китайскій рабочій не признаетъ, и спитъ на голомъ полу, пост-

лавъ одну или нѣсколько звѣриныхъ шкуръ или цыновокъ. Когда полицейскіе рылись въ ихъ неприхотливыхъ ложахъ, подымались цѣлые столбы пыли: очевидно, что постели никогда не вытряхаются. Не лучше помѣщенія и въ самыхъ фанзахъ. Зимой и лѣтомъ онѣ стоятъ закупоренныя, не провѣтриваются и насквозь пропитываются вонью ночлежнаго пріюта. Нужно удивляться, какъ до сихъ поръ китайскія жилища не сдѣлались источникомъ заразы во Владивостокѣ. Лѣтомъ они своею вонью заражаютъ весь китайскій кварталъ, по которому въ жаркую погоду можно ходить лишь зажавъ носъ.

VIII.

Около февраля, т. е. въ то время, когда по народному выраженію „солнце поворачиваетъ" на лѣто, китайцы справляютъ свой Новый годъ, по ихнему цаганъ-саръ, что значитъ въ переводѣ „бѣлый мѣсяцъ". Еще за недѣлю до наступленія праздника начинается уборка комнатъ и двора. Наканунѣ праздника дома и ворота украсились китайскими и японскими фонариками, а на столбахъ, дверяхъ, и ставняхъ появились наклеенные красные, продолговатые листы бумаги съ какими-то іероглифами. Въ комнатахъ также появились украшенія изъ бумаги и бумажныхъ цвѣтовъ.

Праздникъ тянулся цѣлый мѣсяцъ, и чувствовался

даже русскими. Съ утра до вечера на улицахъ можно было видѣть разряженныхъ китайцевъ, слышать трескотню шутихъ и хлопушекъ, а вечеромъ созерцать иллюминацію. Шумъ праздника увеличивался обыкновенно къ вечеру, когда темнѣло. Возвращаясь отъ знакомыхъ домой, я не разъ былъ зрителемъ фантастическаго балета, разыгрывавшагося подъ открытымъ небомъ и освѣщеннаго луной. Да, это былъ именно балетъ или волшебная феерія, хотя въ ней и не участвовали граціозныя баллерины въ воздушныхъ юпочкахъ, съ голыми шеями и руками и обтянутыми розовымъ трико ногами. Толпа китайцевъ двигалась, разбивалась на массу группъ, весело разсыпалась въ стороны, когда въ нее попадала коварная шутиха, устремлялась внезапно за кѣмъ нибудь, кто бѣжалъ съ фонаремъ. Изъ дворовъ и переулковъ то и дѣло появлялись люди съ большими и маленькими фонарями; иногда фонари были такъ велики, что ихъ тащили на палкѣ два человѣка. Свѣтъ луны перемѣшивался съ свѣтомъ зажженныхъ костровъ, и освѣщалъ бронзовыя лица китайцевъ, придавая имъ какой-то фантастическій оттѣнокъ. Невольно припоминалась сцена вальпургіевой ночи изъ „Фауста“ Гуно или „Мефистофеля“ Бойто. Безбородыя лица китайцевъ, ихъ длинныя косы и балахоны, похожіе на юпки, такъ и напоминали вереницы вѣдьмъ. Но все-таки въ этой вакханаліи была своеобразная прелесть.

Если даже, по народнымъ понятіямъ, вѣдьмы могли веселиться на Брокенѣ и Лысой горѣ, то тѣмъ болѣе веселились китайцы, которыхъ я созерцалъ. Ихъ веселье такъ чувствовалось, такъ невольно охватывало меня въ качествѣ зрителя, что не разъ у меня являлась дикая фантазія устремиться въ шумную толпу, и начать вмѣстѣ съ нею бѣгать и прыгать, несмотря на мое высокое званіе цивилизатора.

Во Владивостокѣ я могъ наблюдать разницу между русскимъ и китайскимъ народнымъ способомъ веселиться. Нигдѣ я не видалъ ни валяющихся пьяныхъ, ни разбитыхъ и окровавленныхъ физіономій, ни дракъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій праздникъ. И китаецъ пьетъ свою сули, но какъ-то она не возбуждаетъ въ немъ буйственныхъ наклонностей, присущихъ многимъ, даже интеллигентнымъ, русскимъ людямъ.

Настоящее празднество начинается со второй половины мѣсяца. Цѣлые дни гремитъ музыка, трещатъ и хлопаютъ ракеты, шумомъ которыхъ китайцы думаютъ отогнать злыхъ духовъ, съ утра до ночи по городу расхаживаетъ процессія дракона. Опишу послѣднюю такъ, какъ я ее видѣлъ. Какофонія національной китайской музыки, въ которой главная роль принадлежитъ лязганью тарелокъ, издали извѣстила меня о приближеніи шествія. Впереди процессіи несли два флага: китайскій

и русскій коммерческій, какъ-бы въ знакъ уваженія къ странѣ, давшей пріютъ празднующимъ. Затѣмъ шествовалъ оркестръ. Далѣе на ходуляхъ двигались загримированные и закостюмированные актеры, которымъ выпитая сули нѣсколько мѣшала баллансировать на высокихъ подпоркахъ. Тутъ былъ и толстый мандаринъ, и представительница прекраснаго пола Небесной имперіи, изображаемая молодымъ китайцемъ, въ обыкновенное время промышляющимъ продажею орѣховъ, и грознаго вида воины, поддерживавшіе другъ друга, словно пріятели, возвращающіеся отъ Палкина послѣ ужина съ возліяніями. За актерами несли на палкѣ сначала большой шарообразный красный фонарь, а сзади десятисаженный фонарь въ видѣ дракона, разинутая пасть котораго какъ-бы старалась поглотить фонарь-шаръ. Драконъ, котораго несли человѣкъ двадцать, состоялъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ колецъ, и очень красиво извивался въ вечерней темнотѣ, среди массы головъ толпы, сопровождавшей шествіе. Выходило очень эфектно и гораздо живописнѣе тѣхъ церемоній, которыми подражаютъ наши антрепренеры китайскимъ праздникамъ.

Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ во Владивостокѣ, что слѣдовало-бы запретить процессію дракона, что она имѣетъ характеръ анти-русской демонстраціи. Но это врядъ-ли справедливо. Ничего въ процессіи политическаго нѣтъ, и она принадлежитъ къ

числу такихъ-же народныхъ игръ, какъ уличные карнавалы въ Италіи, какъ масляничная процессія лодки, которую я видѣлъ въ дѣтствѣ въ Вологдѣ, или проводы масляницы, изображаемые въ оперѣ „Вражья сила“. Актеры, участвующіе въ процессіи, охотно заходятъ во дворы къ русскимъ, и даютъ передъ послѣдними представленія своихъ драмъ и комедій. Запретить это народное увеселеніе, никакого вреда неприносящее, было-бы и безцѣльно и жестоко по отношенію къ китайцамъ, безъ которыхъ пока Владивостокъ обойтись не можетъ. Говорятъ также о городскомъ благоустройствѣ и порядкѣ; но врядъ-ли китайскій драконъ мѣшаетъ послѣднему болѣе, чѣмъ толпы пьяныхъ матросовъ, отъ которыхъ по праздникамъ буквально нѣтъ прохода даже офицерамъ, ужъ не говоря о штатскихъ и дамахъ. Но ужъ такова теперь мода на Амурѣ: во всемъ и вездѣ видѣть какіе-то китайскіе происки.

IX.

Интересный амурскій типъ — это *русскій предприниматель*. Во Владивостокѣ мнѣ пришлось натолкнуться на нѣсколькихъ его представителей. Это отнюдь не Деруновы и не Колупаевы. Общаго между ними только развѣ инстинктъ наживы. Конечно, и въ Уссурійскомъ краѣ уже народился кулакъ, но не о немъ здѣсь рѣчь. Деруновъ — постепеновецъ, онъ десять разъ отмѣритъ,

а разъ отрѣжетъ, онъ начинаетъ обыкновенно клевать по зернышку, и только, ставъ большимъ кораблемъ, пускается въ большое плаваніе. Предприниматель не обладаетъ жидовскимъ деруновскимъ терпѣніемъ. Онъ любитъ дѣйствовать en grand, сразу налетѣть, урвать и удивить, если не міръ, то окружающихъ, открыть розсыпи, завести фабрику, начать добывать розовое масло, или заняться виноделіемъ. Прежде всего онъ поэтъ, фантазеръ, а потомъ уже представитель духа наживы.

Кто онъ такой — почти никогда неизвѣстно. Иногда онъ просто бывшій приказчикъ, а иногда непомнящій родства, о которомъ—кто утверждаетъ, что онъ бывшій студентъ изъ политическихъ, кто—что онъ отставной чиновникъ, кто—что онъ просто бѣглый. Вѣрно и извѣстно одно, что онъ обыкновенно не лишенъ образованія: мастеръ составить проектецъ, написать прошеніе въ судъ или жалобу въ Сенатъ, можетъ толковать о химическомъ анализѣ, почвенныхъ условіяхъ, законахъ спроса и предложенія, не чуждъ знакомства съ литературой, журналистикой и именами ученыхъ. Я знавалъ одного предпринимателя, который охотно трактовалъ о Платонѣ и нѣмецкой философіи, о соціализмѣ и Карлѣ Марксѣ, о Гнейстѣ и теоріи конституціонализма. Другой цитировалъ Мейера и Побѣдоносцева, а на кассаціонныхъ рѣшеніяхъ могъ загонять любаго присяжнаго повѣрен-

наго. Третій написалъ цѣлый трактатъ о колонизаціи съ ссылками на Леруа-Болье, Лавелэ и разныхъ отечественныхъ экономистовъ.

Все это не мѣшаетъ предпринимателю быть барышникомъ, а при случаѣ и ростовщикомъ и, послѣ чтенія Милля „О свободѣ“, настрочить доносъ или адвокатскую кляузу. Онъ, то скупаетъ овесъ, то заводитъ извощиковъ, то получаетъ откуда-то на комиссію перчатки и духи, полотно и ализариновыя чернила, то становится страховымъ агентомъ или адвокатомъ, то дѣлаетъ какія-то изысканія. Онъ, то богатъ, держитъ лошадь, ѣдетъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, то голъ, какъ соколъ, чуть не побирается и живетъ со всей семьей въ каморкѣ. Иногда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шуллеръ. Про него то и дѣло слышишь: а Михаилъ-то Михайловичъ серебряные рудники открылъ, а вчера-то Михаилъ Михайловичъ двухъ сотниковъ обыгралъ, а Михаилъ Михайловичъ ужъ полотномъ торгуетъ, а тамъ ужъ трактиръ открылъ, гдѣ-то пріиски нашелъ, мыловареніемъ занялся. Такое метаніе отъ дѣла къ дѣлу со стороны предпринимателя объясняется тѣмъ, что онъ дѣйствуетъ и начинаетъ всегда безъ гроша, т. е. молотитъ рожь на обухѣ. Онъ или обыграетъ въ карты, или выищетъ легковѣрнаго компаньона, или выхлопочетъ субсидію. Но отъ колективной личности перейду къ дѣйствительнымъ разновидностямъ.

Какъ-то въ лѣтній день я зашелъ къ редактору мѣстной газеты. Мнѣ сказали, что онъ въ саду. Не смотря на обиліе пустопорожнихъ мѣстъ въ Владивостокѣ, всѣ садики очень крохотные и я сейчасъ-же нашелъ редактора, а съ нимъ пожилаго господина съ прической и бородою, которую усвоило себѣ большинство людей шестидесятыхъ годовъ. Насъ отрекомендовали.

— Давно поселились въ здѣшнихъ краяхъ? — спросилъ меня новый знакомый.

— Третій мѣсяцъ.

— Недавно-съ. А какъ вы себя чувствуете здѣсь?

— Послѣ Петербурга довольно скучно. Главное, пришлось разочароваться въ томъ дѣлѣ, для котораго пріѣхалъ.

— А вы служите?

— Служу подъ начальствомъ... — Я назвалъ фамилію моего начальника.

— Умный человѣкъ. Я его давно знаю — еще съ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ вашихъ лѣтъ. Тогда онъ былъ моимъ частымъ гостемъ. Ну, теперь онъ сталъ инымъ.

— Такъ вы давно уже здѣсь проживаете?

— Піонеръ-съ, амурскій піонеръ. Я такъ и статьи свои подписываю.

Я тотчасъ же вспомнилъ одну изъ статей, подписанныхъ названнымъ псевдонимомъ, гдѣ трактовалось о

кипучей амурской дѣятельности первыхъ лѣтъ, выразившейся, по словамъ автора, въ винокуреніи, выдѣлкѣ наливокъ и пивовареніи.

— Вы что-же,—извините за вопросъ, тоже изволите служить или торгуете?

— И торговалъ, и земледѣліемъ занимался, и сады разводилъ. А теперь воюю съ администраціей. Раззорила она меня совершенно, эта администрація. Ну и новое дѣло высматриваю.

— Дѣла здѣсь, кажись, непочатый край.

— Китайцы только насъ одолѣли: ни за что принятся нельзя.

— Позвольте, я такъ думаю, что китайцы здѣсь ничего кромѣ пользы не приносятъ.

— Не знаете вы ихъ еще, — а поживете подольше — убѣдитесь, что это вреднѣйшее племя: всѣ они хунхузы (разбойники).

— Не смѣю съ вами пока спорить. Но не будь ихъ, край-бы остался безъ ремесленниковъ и рабочихъ рукъ.

— Прогоните ихъ, и рабочія руки явятся, — наши русскія рабочія руки.

— Но откуда-же? Если для земледѣльческой колонизаціи, не смотря на переселенческое движеніе, охватившее Россію, понадобились субсидіи, и перевозка на казенный счетъ, то еще труднѣе разсчитывать на достаточный приливъ ремесленниковъ.

— Вы сами сейчасъ намекнули на то, что необходимо. Именно нужна субсидія, нуженъ протекціонизмъ. А у насъ администрація только притѣсняетъ русскій элементъ. Дайте мнѣ субсидію, и я вамъ что угодно устрою. Уничтожьте порто-франко, и вы увидите, какъ русскіе купцы затрутъ нѣмцевъ, которые снабжаютъ насъ гамбургскимъ и шанхайскимъ бракомъ, и послѣ китайцевъ играютъ главную роль въ краѣ.

Я случайно взглянулъ на окружающія меня дикія вишни, и невольно подумалъ, что сдѣлать имъ прививку можно было-бы и безъ субсидіи.

— Вы вотъ человѣкъ новый, — продолжалъ собесѣдникъ, — а поживете — узнаете, отчего нашъ край остается безполезнымъ для Россіи. Тогда и взгляды ваши на китайцевъ перемѣните. Манза сегодня орѣхами торгуетъ, квасъ вамъ и зелень поставляетъ, а вечеромъ проиграется въ „банку“ до чиста, завтра возьметъ ружье и станетъ хунхузомъ.

— О хунхузахъ я уже кое-что слыхалъ, и изъ разсказовъ вынесъ убѣжденіе, что эти разбойники не болѣе, какъ миѳъ. Преступные же элементы встрѣчаются у всѣхъ народовъ и во всѣхъ классахъ общества.

— Такъ-съ. Но всѣ здѣшніе китайцы бездомные бродяги, а это вездѣ и всюду самый вредный элементъ.

— Вы ихъ называете бродягами, а другіе считаютъ ихъ какими-то піонерами пекинскаго правительства. Впрочемъ, повторяю, что пока спорить не буду.

Разговоръ нашъ перешелъ на торговлю. Собесѣдникъ мой оказался ярымъ протекціонистомъ, которому-бы позавидовали самъ Кольберъ и князь Бисмаркъ, но послушай котораго любой экономистъ, и онъ навѣрное-бы улыбнулся, до того всѣ научныя понятія являлись перепутанными. Все вертѣлось около того, что мѣстная администрація не опекаетъ русскихъ купцовъ, и поэтому они погибаютъ.

Послѣ этого я моего протекціониста встрѣчалъ время отъ времени то въ редакціи, то у знакомыхъ купцовъ, то въ ресторанахъ. Зная, что я грѣшу по части журналистики и корреспонденцій, онъ постоянно заговаривалъ со мною о мѣстныхъ экономическихъ вопросахъ. Редакцію онъ заваливалъ толстѣйшими рукописями, переполненными бранью и нападками на нѣмецкихъ коммерсантовъ. Явно мой протекціонистъ занимался агитаціей, такъ какъ терся преимущественно около купцовъ и пишущей братіи. Иногда онъ изчезалъ, по его словамъ, на какія-то изысканія. Только зимою выяснилось, для чего онъ проживалъ во Владивостокѣ. Въ обществѣ „изученія амурскаго края“ былъ прочитанъ докладъ о торговлѣ, гдѣ доказывалась необходимость протекціонизма, а вслѣдъ за этимъ на съѣздѣ

въ Хабаровкѣ появился толстѣйшій проектъ въ томъ-же духѣ. . . . .

. . . .

Иной типъ составлялъ нѣкто — назовемъ его хоть Ивановымъ. Говорили, что Ивановъ былъ кантонистомъ; другіе утверждали, что онъ просто цыганъ. Ивановъ никогда не агитировалъ, а вѣчно что нибудь предпринималъ. Предпринималъ безъ копѣйки денегъ въ карманѣ, — наканунѣ объявленія его несостоятельнымъ. То онъ строилъ пивоваренный заводъ, то залу для театральныхъ представленій, то отыскивалъ серебрянные рудники. Больше-же всего игралъ въ карты, для чего скакалъ по всему краю, проигрываясь до чиста самъ или обыгрывая всѣхъ мѣстныхъ игроковъ. Про Иванова ходили цѣлыя легенды. Говорили, что одинъ изъ администраторовъ временъ произвола заковалъ его разъ въ кандалы, но онъ ихъ разбилъ и убѣжалъ; что въ другой разъ онъ пробылъ въ тайгѣ недѣлю безъ пищи, и будто отвѣдалъ человѣчьяго мяса (послѣднее онъ энергично отрицалъ); что однажды, безъ копѣйки денегъ, онъ пріѣхалъ отъ Томска до Владивостока; что разъ онъ, на занятые десять рублей, выигралъ нѣсколько тысячъ. Цѣлые дни Ивановъ метался и скакалъ по городу, покупалъ, продавалъ, занималъ, посылалъ какія-то телеграммы, шнырялъ изъ суда въ полицію, и изъ полиціи въ управу.

— Наклевывается, славное дѣльце наклевывается!— кричалъ онъ знакомымъ на ходу и мчался дальше

. . . .

. . . .

Протекціонистъ и Ивановъ были совершенно не похожи другъ на друга, но въ тоже время это были люди все-таки одного и того-же амурскаго типа „предпринимателей“. Въ Россіи такимъ людямъ мѣста уже нѣтъ. Оба они жили вѣчными фантазіями, оба жаждали обогащенія, оба умрутъ, вѣроятно нищими. На Амурѣ такимъ людямъ еще есть просторъ. Нигдѣ такъ не вѣрятъ, какъ тамъ, разнымъ проектамъ и фантазіямъ. А имъ только этого и нужно. Фантазіи ихъ плодятся, какъ грибы: какая нибудь да прельститъ довѣрчивыхъ людей, а разъ она прельстила — предприниматель получаетъ кушъ, орудуетъ, играетъ роль, громоздитъ воздушные замки одинъ на другой и вылѣтаетъ, вмѣстѣ съ компаніономъ, въ трубу, чтобы опять начать исторію сначала.

Нельзя сказать, чтобы дѣятельность предпринимателей была совершенно ужъ безплодна. Они первые завели во Владивостокѣ извощиковъ, устроили пивоваренный заводъ, стали утилизировать порожнія бутылки, которыя прежде бросались въ бухту, завели гостинницы для пріѣзжающихъ и табльдоты для холостяковъ. Но они-же создали легенды о несмѣтныхъ богатствахъ края,

о золотыхъ розсыпяхъ, мраморныхъ ломкахъ, объ амурскомъ винодѣліи, — легенды, проникшія и въ печать, и въ административныя сферы. Въ краѣ, въ которомъ настоящіе ученые путешественники бывали налетомъ, чуть не проѣздомъ, обыкновенные смертные, по русской привычкѣ, сидятъ въ насиженныхъ гнѣздышкахъ, „предприниматель“ есть единственный піонеръ и изслѣдователь, и отъ него, волей—неволей, приходится почерпать свѣдѣнія и чиновнику, и корреспонденту. Сидитъ корреспондентъ и мучается, что ему написать: драки и скандалы стали обыденной вещью, ни удачъ, ни неудачъ, администраціи не имѣется за отсутствіемъ самыхъ мѣропріятій, процессовъ интересныхъ также. Вдругъ выростаетъ передъ нимъ фигура предпринимателя, постоянно тяготѣющаго къ печати.

— Честь имѣю рекомендоваться — такой-то. Слышалъ о вашемъ горячемъ отношеніи къ интересамъ края, а потому рѣшился обратиться къ вашему содѣйствію. Дѣло въ томъ, что я давно уже, читая разныя сочиненія объ Америкѣ, предполагалъ, сравнивая ее съ нашимъ краемъ, что въ немъ могло-бы привиться то-то и то-то. На послѣдніе гроши, не смотря на противодѣйствія моего личнаго врага, исправника N, я сдѣлалъ изысканія и опыты, и убѣдился, что всѣ мои предположенія математически точны. Стоитъ устроить компанію, выхлопотать субсидію, и край обогатиться.

Предприниматель начинаетъ выкладывать факты, цифры, вычисленія приплетаетъ къ нимъ разсказы о злоупотребленіяхъ администраціи, о проискахъ нѣмцевъ, китайцевъ и евреевъ (крещеныхъ), и очаровываетъ корреспондента, который думаетъ про себя: „малый — плутъ, но поднять вопросъ и сообщить въ Петербургъ можно“. Такова исторія всѣхъ тѣхъ легендъ, которыя начались въ нашей литературѣ со времени завоеванія Амура и присоединенія Уссурійскаго края и которыя, не смотря на разоблаченія Д. И. Завалишина, покойнаго Добролюбова, г. Стахѣева и другихъ, находятъ вѣрующихъ и до настоящаго времени въ Россіи, хотя всѣ онѣ не менѣе фантастичны, чѣмъ легенды крестьянъ „объ указѣ“, „кораблѣ“, „фруктахъ, растущихъ въ лѣсахъ“, и такомъ обиліи ягодъ, что колеса телѣгъ становятся красными отъ ихъ сока. Во Владивостокѣ смѣются надъ однимъ ревизоромъ, которому на Сахалинѣ поднесли, подъ видомъ мѣстныхъ, нагасацкіе арбузы, привезенные на клиперѣ „Абрекъ“, и который увѣровалъ въ то, что на Сахалинѣ могутъ рости арбузы. Но сами-же смѣющіеся вѣрятъ многому такому, что само—такой-же обманъ, какъ и это поднесеніе заграничныхъ овощей. Не задолго до моего прибытія, нѣкто г. А., повѣривъ „предпринимателямъ“, что весьма выгодно отправлять прекрасный Уссурійскій лѣсъ въ Шанхай, потерпѣлъ громадные убытки.

X.

Нѣсколько словъ о владивостокскомъ климатѣ. Я— плохой метеорологъ и не буду говорить о вліяніи теплаго и холоднаго теченія, хребта Сихоте-Аллинъ, который оберегаетъ отъ сѣвернаго вѣтра Манджурію и Корею, и закрываетъ насъ отъ теплыхъ южныхъ вѣтровъ, а подѣлюсь личными впечатлѣніями. Какъ я уже сказалъ, я прибылъ во Владивостокъ въ концѣ апрѣля. Кое-гдѣ въ садахъ зеленѣла травка, но погода стояла совершенно петербургская, а на деревьяхъ не было и признака почекъ. Въ шведской курткѣ и ватномъ пальто, въ которомъ выдержалъ вьюгу между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, я, пробывъ нѣсколько часовъ около переселенческихъ бараковъ, хватилъ такой плевритъ, что пролежалъ два дня въ постели и лишился на цѣлый мѣсяцъ способности быстро двигаться. Вплоть до десятаго іюня у меня въ комнатѣ почти ежедневно топилась печка, а весь май я проходилъ въ ватномъ пальто, къ которому, время отъ времени, приходилось прибѣгать вплоть до августа. Стоило пойти дождю, чтобы температура понизилась до десяти градусовъ среди лѣта.

Но что было поистинѣ убійственно — это туманы. Отъ нихъ нельзя было спастись даже въ комнатахъ. Ножницы, ножи и другія стальныя вещи покрывались

страшной ржавчиной, моя шведская куртка поросла грибками, а фракъ и мундиръ покрылись зелеными пятнами; даже сафьянные корешки книгъ покрылись плѣсенью. Ружье, револьверъ и другое оружіе приходилось покрывать густымъ слоемъ масла. Сырость и туманы Лондона, на сколько я съ ними знакомъ по описаніямъ, ничто въ сравненіи съ сыростью и туманами полуострова Амурскаго, и всего морскаго побережья Южно-Уссурійскаго края. Говорятъ, что на всемъ этомъ пространствѣ не можетъ рости пшеница.

Только въ концѣ іюля туманы прекратились и наступило лѣто. Тутъ начались положительно тропическія жары—южная широта взяла свое. Пройдти нѣсколько шаговъ по улицѣ было своего рода подвигомъ, и я волей-неволей вспомнилъ Аденъ и Сингапуръ. Къ концу сентября жары спали, и почти сразу стало холодно, а въ началѣ октября я познакомился съ пресловутой сибирской пургой. Не смотря на то, что послѣдняя—явленіе во Владивостокѣ довольно частое, настоящей зимы я тамъ не видалъ. Катанье на саняхъ единственно возможно по бухтѣ; въ городѣ же весь снѣгъ съ улицъ сдувается вѣтромъ; въ декабрѣ и январѣ, послѣ двухъ—трехъ дней мороза, вдругъ польетъ дождь. Сырость смѣняется такой сухостью, что даже старые дома стрѣляютъ, а полы разсыхаются и даютъ щели въ палецъ и два шириной. Въ квартирѣ, гдѣ я жилъ, даже пи-

сать и чертить приходилось сидя съ ногами на стулѣ, а пройтись босикомъ по комнатѣ было буквально невозможно. Я спалъ въ полутемной комнаткѣ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окруженной отапливаемыми помѣщеніями, и то чувствовалъ, что откуда-то дуетъ. И такъ длилось до апрѣля: то дожди, то сухой морозъ, на которомъ дышать трудно, то пурга, то вдругъ теплый, чисто весенній денекъ: когда такъ и кажется, что вотъ-вотъ изъ проталинъ появится зеленая травка, и ива покроется бѣлыми пушистыми почками.

Старожилы утверждаютъ, что прежде во Владивостокѣ климатъ былъ и мягче, и ровнѣе; но, съ постепеннымъ и усиленнымъ истребленіемъ лѣсовъ въ окрестностяхъ, онъ сталъ ухудшаться съ каждымъ годомъ. Прежняго я не знаю, а о настоящемъ можно сказать, что, если въ Петербургѣ климатъ скверный, то во Владивостокѣ нѣтъ никакого климата.

Второе лѣто было нѣсколько лучше, и наступило съ начала мая, конечно, относительно, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ жаркихъ дней вдругъ приходилось топить печи и спать подъ двумя теплыми одѣялами. Мой сожитель, докторъ, иногда цѣлые дни, даже въ комнатахъ, не вылѣзалъ изъ ватнаго пальто. Но стоило разойтись тучкамъ, пригрѣть солнышку. а главное подуть SW, какъ, послѣ осени, наступало вновь лѣто. Понятно, что такія климатическія неровности страшно

отзываются на слабомъ здоровьѣ. Особенно страдаютъ люди нервные. Нигдѣ такъ часто не сходятъ съ ума, какъ во Владивостокѣ, и доктора объясняютъ это не однимъ господствомъ пьянства, которое развѣ немного сильнѣе общерусскаго, но и климатическими условіями, располагающими къ психическимъ заболѣваніямъ.

Моя нервная система нигдѣ и никогда такъ не расшатывалась, какъ во Владивостокѣ, хотя тамъ я велъ весьма регулярную жизнь, работалъ умственно сравнительно мало, много гулялъ, и даже курилъ умѣренно. Климатъ отзывается губительно даже на животныхъ. Такъ утки и индѣйки очень рѣдко выживаютъ, а куры въ два, три дня исчезаютъ десятками отъ какой-то особой эпизоотіи. Таковъ тотъ земной рай, который рисуетъ въ своемъ путешествіи г. Пржевальскій, и въ который я имѣлъ неосторожность повѣрить, взглянувъ на географическую карту безъ изотермъ и безъ изохименъ. А рядомъ лежитъ незамерзающій портъ Лазаревъ; въ трехъ дняхъ плаванія, въ Нагасаки, цвѣтутъ рододендроны, зрѣютъ мандарины, и растутъ подъ открытымъ небомъ чудныя латаніи.

Говорятъ, что внутри страны климатъ лучше, хотя зима и холоднѣе. Лично мнѣ не приходилось ѣздить по материку далѣе села Никольскаго, а въ послѣднемъ я не замѣчалъ ощутительной разницы съ Владивостокомъ: тѣ-же туманы и чисто осенніе дожди въ

разгаръ лѣта, напоминающіе родной болотистый Петербургъ, а никакъ не южныя страны, къ числу которыхъ принадлежитъ Южно-Уссурійскій край по своему географическому положенію.

XI.

— Ну что, почта еще не пришла? — спрашиваешь почтмейстера, соскучившись безъ вѣстей изъ Россіи.

— Нѣтъ, да и не ждите скоро: какъ-бы распутица еще съ мѣсяцъ не продолжилась,—отвѣчаетъ онъ лаконически.

Въ клубной читальнѣ уже давно никого не видно, кромѣ развѣ игроковъ въ шахматы или домино, забирающихся подальше отъ публики.

— Ну, страна, чтобы ей пусто было,— бранится новоприбывшій, еще несвыкнувшійся съ жизнью на окраинѣ.

— Эхъ, батенька, теперь еще ничего, а въ старину мы въ распутицу-то не только безъ писемъ и газетъ, а и безъ жалованья, бывало, сидѣли,—утѣшаетъ старожилъ.

Распутица прошла; почтальонъ въ нѣсколько пріемовъ заваливаетъ васъ грудой писемъ, газетами и журналами. Вы радостно вскрываете конверты и упиваетесь новостями. Но увы! нѣтъ розы безъ шиповъ. Изъ писемъ вы убѣждаетесь, что посланные ранѣе до васъ не дошли; между журналами тоже не хватаетъ нѣ-

скольких номеровъ. Вы вспоминаете, что одну почту ограбили близъ Читы, а другая потонула около Благовѣщенска. Почтмейстеръ утѣшаетъ, что недосланное, можетъ быть, еще гдѣ нибудь и лежитъ: либо въ Срѣтенскѣ, либо въ Хабаровкѣ, либо въ Камнѣ-Рыболовѣ, а то и просто идетъ моремъ.

— Игнатій Осиповичъ,—спрашиваешь знакомаго,—какъ это вы и раньше, и аккуратнѣе газеты получаете?

— А я чрезъ Японію ихъ выписываю: тамошняя почта-то вѣдь не здѣшней чета.

— А почтовые пароходы развѣ не гибнутъ?

— Почтовые пароходы въ изобиліи гибнутъ только на рѣкѣ Амурѣ.

— Чистое наказаніе,—вздыхаетъ мѣстный редакторъ,—опять газетъ и подписки нѣтъ: справлялся на почтѣ, говорятъ, что почта остановлена по случаю сибирской язвы.

— Послалъ я на дняхъ письмо домой, да, кажется, самъ кругосвѣтнымъ путемъ раньше туда пріѣду, жалуется отъѣзжающій.

— Отчего вы на „Костромѣ“ почты не отправили?—спрашиваешь почтмейстера.

— Нельзя-съ,—„Кострома“ пароходъ арестантскій, а не почтовый.

— А отчего вы чрезъ Японію не посылаете?

— А вы пошлите въ Нагасаки письмо консулу для пересылки въ Россію или наклейте японскую марку, да и отдайте на японскій пароходъ.

Умудренный опытомъ, начинаэшь миновать свою почту и обогащаешь японскую казну, благо шкипера и агенты японскаго пароходнаго общества народъ обязательный. Но одна-ли почта хромаетъ?

— Нельзя-ли описать и продать поскорѣе имущество такого-то,—молитъ кредиторъ въ полиціи.

— Нельзя-съ, никакъ нельзя! Иванъ Ивановичъ хочетъ тоже искъ предъявить,—такъ ужъ тогда вмѣстѣ опишемъ и продадимъ.

— Да у Ивана-то Ивановича векселя, можетъ, бронзовые?

— А ужъ это не наше дѣло.

— Да вѣдь это не по закону?

— Вы такъ законъ понимаете, а мы иначе.

Все не такъ идетъ: почта ходитъ иначе, чѣмъ вездѣ; законъ иначе понимается, зима иная, иные люди. И долго коренному жителю Петербурга или Москвы приходится привыкать къ этому иному уголку Россіи. А посмотришь, какъ будто и похоже на родину: матросики совершенно такіе-же, какъ въ Кронштадтѣ или около Николы Морскаго; барышни „тигренка“ и “помнишь тотъ вальсъ“ распѣваютъ; у губернаторскаго дома традиціонная будка, въ присутственныхъ мѣстахъ зеленое сукно на столахъ; тѣ же семейныя дрязги и обще-русская провинціальная сплетня. Какъ будто все и такъ, да въ сущности-то все иное. И, ухъ! какъ жутко приходится на первыхъ порахъ въ столицѣ

Южно-Уссурійскаго края! И теперь еще чудятся мнѣ долгіе зимніе вечера, съ ихъ завываніемъ вѣтра въ трубѣ и тоскою, какую познаешь лишь на окраинѣ. Зайдетъ гость, но и съ нимъ бесѣда клеится лишь о прошедшемъ, такъ какъ окружающее никакой пищи не даетъ. Не умѣемъ мы русскіе общественною жизнью жить. Въ Петербургѣ это какъ будто и незамѣтно среди сутолоки Невскаго и массы безсемейнаго люда, который волей-неволей бѣжитъ въ театры, клубы, кондитерскія, перечитываетъ всѣ газеты, устремляется на засѣданія, но на окраинахъ сказывается во всей своей рѣзкости. И безъ почты-бы мѣсяцъ—другой можно было обойтись, да вѣдь только почта и даетъ пищу уму, только она одна и вырываетъ изъ когтей будничныхъ интересовъ, мелкихъ дрязгъ вѣчной заботы о ѣдѣ и накопленіи денегъ на отъѣздъ и черный день.

Весело упаковывалъ я свои чемоданы наканунѣ отъѣзда. Еще веселѣе почувствовалъ себя, очутившись на пароходѣ. Нѣсколько часовъ, и прощай Владивостокъ, прощай столица Южно-Уссурійскаго края! Кто не былъ на далекихъ окраинахъ, не жилъ въ совершенно особыхъ условіяхъ послѣднихъ, тотъ не пойметъ того чувства, которое начинаешь чувствовать при одной мысли о возвратѣ домой, хотя-бы этотъ домъ былъ не болѣе, какъ меблированная комната въ Троицкомъ переулкѣ или Пушкинской улицѣ, съ вѣчными звонками, бранью сосѣдей на нерасторопную прислугу, нечищен-

ными самоварами, и прочими удобствами заурядной обстановки столичнаго холостяка. Пароходъ еще стоялъ въ бухтѣ Золотой рогъ, въ виду разбросанныхъ въ безпорядкѣ по ея берегу домиковъ; около него сновали неуклюжія манзовскія шампунки, а въ воображеніи рисовались освѣщенный электричествомъ Невскій, съ его толкотней, элегантными барынями, колясками и роскошными магазинами, зала русской оперы, публичная библіотека, гдѣ проведено столько часовъ студенческой жизни. Отдаленность-ли всего этого или просто любовь къ родинѣ дѣлали все это особенно дорогимъ, да и одно-ли это? Вся обстановка столичной жизни, обстановка, которая въ Петербургѣ признается и неудобной, и надоѣвшей, здѣсь, на окраинѣ, пріобрѣла какую-то особую цѣнность. Хотѣлось услышать и назойливый крикъ разнощиковъ, и увидѣть нахальную фигуру мнящаго себя начальствомъ дворника, и трястись по зимнимъ ухабамъ на традиціонномъ „желтоглазомъ ванькѣ“.

. . . .

Палуба кипѣла провожатыми. Но слезъ и печальныхъ сценъ разставанія не было.

— Черезъ годъ увидимся въ Питерѣ,—слышались фразы.

— Я живо васъ догоню: вотъ только-бы переводъ вышелъ.

— Счастливица, услышите оперу, увидите Савину, Стрепетову!

Никому не жаль покидаемаго края и города. Да и что жалѣть? Общую спячку, холодные дома, унылыя фигуры китайцевъ и черниговскихъ переселенцевъ, скандалы?

Проводы имѣютъ характеръ проводовъ новобрачныхъ, ѣдущихъ въ послѣсвадебное путешествіе: всѣ улыбаются, у всѣхъ праздничныя лица, никто и не думаетъ о тѣхъ шквалахъ и прочихъ неудобствахъ морскаго перехода почти въ два мѣсяца, которые ихъ ожидаютъ. Кажется, что разъ вступилъ на палубу отходящаго въ Одессу судна, уже находишься одною ногою въ Европѣ. Даже наша команда смотрѣла веселѣе: вѣдь и ее ждала если не семья, то ждалъ чай у кумы, этой вѣчной благодѣтельницы русскаго солдата и матроса.

Звонко гудѣлъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ пароходный свистокъ, чаще и чаще приставали шлюпки съ багажемъ, пассажирами и провожатыми, сильнѣй и сильнѣй становилась палубная сутолока. Вотъ и предпослѣдній свистокъ, на палубѣ только пассажиры и офицеры. Замахали шляпами и фуражками, замелькали въ шлюпкахъ платки.

— Всѣ наверхъ, съ якоря снимайся!—раздалась команда.

Нѣсколько верстъ по Южно-Уссурійскому краю.

Спеціальность моей службы заключалась въ разъѣздахъ; для нихъ я собственно и бросилъ Петербургъ, въ туманной атмосферѣ котораго мнѣ дышется всего лучше, вѣроятно, въ силу того-же, почему навозный жукъ избираетъ себѣ жилищемъ такія мѣста, которыхъ всѣ избѣгаютъ, въ силу привычки и свойствъ натуры. Но ѣздить мнѣ, тѣмъ не менѣе, не приходилось, а почему — это составляло тайну моего начальства, которое усадило меня за скучную переписку, а разъѣзжать принялось само. И такъ я сидѣлъ и переписывалъ, вздыхая о томъ времени, когда я писалъ, а другіе переписывали. Вотъ почему я необычайно обрадовался, когда мой домохозяинъ — купецъ предложилъ мнѣ прокатиться изъ Владивостока въ село Никольское, одно изъ лучшихъ и самыхъ старыхъ поселѣній Южно-Уссурійскаго края. Уложить чемоданъ и захватить ружье было дѣломъ пяти минутъ.

— А вы бы форменную фуражку надѣли, — посовѣтовалъ мой спутникъ, увидавъ, что я украсилъ свою голову легонькой сингапурской шапочкой.

— Для чего?

Да въ нашихъ краяхъ, знаете, кокарда никогда не мѣшаетъ.

Перемѣнилъ шапочку на оффиціальную фуражку и полѣзъ въ почтовую таратайку. Ямщикъ ѣнсколько разъ на меня оборачивался и, наконецъ, когда мы выѣхали за городъ, заговорилъ; „а вѣдь я, ваше благородіе, вашу милость знаю“.

— Откуда?

— А вы съ нами на „Костромѣ“ шли.

— Такъ ты что-же не въ деревнѣ? — Я понялъ изъ разговора, что ямщикъ былъ переселенцемъ изъ Черниговской губерніи, привезенный на казенный счетъ.

— А я круглый сирота — меня только для того и къ семьѣ приписали, чтобы пособіе получить.

Мы—то поднимались въ гору, то спускались въ лощины, миновали пивной заводъ — первое промышленное предпріятіе русскихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Слѣва и справа тянулась тайга. Любуясь на столѣтніе дубы, липы и клены, на сирень и дикій шиповникъ, перепутанные мелкимъ амурскимъ виноградомъ, изъ котораго варятъ варенье, похожее вкусомъ на черничное, я думалъ про себя: такъ вотъ она тайга, ко-

торую я представлялъ себѣ такой страшной, непривѣтливой, да вѣдь она смотритъ такой веселой, такъ и тянетъ извѣдать, что таится въ этой густой зелени, которую мы привыкли встрѣчать въ садахъ и паркахъ. И тянется эта тайга на десятки, сотни верстъ, скрывая въ своей чащѣ граціозную дикую козу и свирѣпаго тигра, пошаливающаго въ здѣшнемъ краѣ вмѣсто волковъ Европейской Россіи. Гигантскіе пауки растянули свои нити между телеграфною проволокой, огромныя черныя бабочки и стаи оводовъ носятся около нашей телеги. Изъ тайги такъ и тянетъ ароматомъ, съ которымъ не сравнятся никакія эссенціи, которыми пропитываютъ себя петербургскія барыни, пустыя, безсердечныя, но подъ часъ не менѣе очаровательныя, чѣмъ эта дикая величественная тайга.

Солнце какъ-то необыкновенно быстро стало тонуть за деревьями, не смотря на то, что пахнуло свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, откуда-то появились милліарды комаровъ. Они усѣяли мою фуражку и охотничьи сапоги летѣли въ уши и носъ и не высказывали ни малѣйшаго страха къ дыму манильской сигары, которой угостилъ меня мой спутникъ. За то и гибли-же они за свою дерзость: мы то и дѣло хлопали себя ладонями по щекамъ и уничтожали десятками комаровъ. День смѣнился ночью съ тою быстротою, которая меня всегда такъ поражала въ тропикахъ. Путь нашъ оказался

забаррикадированнымъ какимъ то ремонтомъ дороги и пришлось сворачивать по узкой дорожкѣ въ тайгу, а затѣмъ ѣхать по водѣ залива. Признаться, я немного струхнулъ, когда мы стали перебираться по бару какой-то рѣченки: перспектива искупаться во всемъ одѣяніи была не особенно пріятна и привлекательна. Комары становились все назойливѣе, когда мы, наконецъ, остановились около станціи. Лошадей, конечно, не оказалось, писарь только по знакомству съ моимъ спутникомъ обѣщалъ дать ихъ черезъ часъ.

— Только для васъ, — говорилъ онъ, вводя насъ въ душную и смрадную станціонную избу: — а другимъ-бы и до разсвѣта не далъ лошадей.

Пока ставили самоваръ, писарь со мной разговорился; онъ оказался изъ отставныхъ солдатъ, служилъ долго въ Финляндіи и ужасно обрадовался, узнавъ что я былъ въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгской губерніи.

— Тамъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ здѣсь, — вспоминалъ онъ мѣсто своего прежняго служенія: — а здѣсь что — дичь и больше ничего.

Дѣйствительно на станціи была „дичь“: потолокъ и стѣны закоптѣли, ползали тараканы и стоялъ тотъ кислый запахъ, смѣшанный съ амміакомъ, который свойственъ дѣтскимъ пеленкамъ; самоваръ заржавѣлъ, стаканы привели бы въ ужасъ петербуржца. Мнѣ вспомнилась гостинница въ селѣ Райвола, съ бѣлоснѣжными

скатертями и салфетками, съ блестѣвшимъ самоваромъ и краснощекой чухонкой въ передничкѣ. Да, тамъ была цивилизація, а здѣсь „дичь“, хотя тамъ и нѣтъ такого чернозема, нѣтъ тѣхъ богатствъ, которыми одѣлила природа Южно-Уссурійскій край, нѣтъ субсидій и наѣзжихъ цивилизаторовъ.

Подали лошадей. Опять потянулась тайга, опять пошли горы и ложбины, опять закусали комары и началась наша съ ними борьба. Таратайка летѣла чисто по сибирски: въ Россіи такъ не возятъ, а если и возятъ, то развѣ важныхъ чиновниковъ. На выбоинахъ и при спускѣ съ мостиковъ насъ такъ подбрасывало, что я не разъ рисковалъ совершить невольный полетъ въ канаву. Кругомъ царила непробудная тишина, только въ ложбинахъ квакали лягушки, да нашъ колокольчикъ нарушалъ покой уснувшей тайги. На слѣдующей станціи намъ дали кибитку, и я, закутавшись съ головою въ пледъ, попытался заснуть, но, увы и ахъ, кибитка ежеминутно прыгала, съ нею вмѣстѣ прыгали мой чемоданъ и ящикъ съ ружьемъ, а я получалъ самые жестокіе удары то въ голову, то въ бокъ.

— Покурите-ка лучше сигарку,—уговаривалъ меня спутникъ.

И дѣйствительно, на этой дорогѣ, съѣвшей вмѣстѣ съ инженерами цѣлую уйму казенныхъ денегъ и намѣревающейся еще поглотить столько-же, было гораздо удобнѣе курить, чѣмъ спать.

— Ну, что по нашимъ-то дорогамъ не то, что по желѣзнымъ кататься?—подтрунивалъ мой спутникъ:— да, батюшка, покатайтесь-ка по здѣшнему краю, такъ и не то еще попробуете. Это еще благодать, а какъ вотъ верстъ двѣсти по вьючному пути верхомъ сдѣлаешь, такъ вотъ Америку-то нашу дѣйствительно познаешь.

— Да, но за то вьючной путь казнѣ ничего не стоитъ.

Э! гдѣ только здѣсь денежки казны-матушки не пропадаютъ: на то здѣсь и окраина, что-бы денежки государственныя плакали.

Замелькали огоньки поста Раздольнаго, забѣлѣли солдатскія палатки, залаяли собаки.

— Лошадей до утра не будетъ, — объявилъ лаконически староста:— двѣ тройки приказано для генерала оставить, а третью для хозяина: телеграмму получилъ.

Пришлось ночевать и за неимѣніемъ дивана устроиваться на голыхъ доскахъ кровати, да и ту мнѣ уступилъ писарь лишь изъ уваженія къ моей кокардѣ. Выспаться мнѣ, однако, порядкомъ не дали: то кусали клопы, то кричали и ругались гдѣ-то подъ окномъ ямщики, то харахорился какой-то телеграфистъ, и лишь разцвѣло, я оставилъ всякія надежды на отдыхъ.

Въ сосѣдней комнатѣ засѣдали давешній телеграфистъ и мой спутникъ. Телеграфистъ пилъ, въ перемѣшку съ водкой, чай, спутникъ попыхивалъ неизмѣнную „манил-лу“. Пахло черемшой — вѣрный признакъ недавняго

пребыванія китайцевъ. Я пошелъ въ поле, трава котораго положительно бѣлѣла отъ росы. Ноги вязли въ рыхлой почвѣ, образовавшейся отъ прежнихъ поколѣній травы. Здѣсь косятъ только на низменныхъ лугахъ, а на горахъ предоставляютъ травѣ гнить, пока ея не выжгутъ такъ называемымъ паломъ, истребляющимъ ежегодно чудные вѣковые лѣса. Вдоволь надышавшись полевымъ душистымъ воздухомъ и выпачкавъ до невѣроятія сапоги, я вернулся на станцію и принялся отъ нечего дѣлать за чтеніе книги жалобъ. Какихъ только воплей тутъ не было: землемѣръ повѣствовалъ о томъ, какъ всю его семью чуть не утопили въ рѣкѣ Суйфунѣ; армейскій прапорщикъ жаловался на то, что его продержали сутки на станціи. Очевидно, между проѣзжающими много любителей литературы и они занимались отъ нечего дѣлать описаніемъ своихъ приключеній, такъ какъ начальство никакихъ резолюцій на ихъ жалобы не кладетъ.

Проѣхалъ и генералъ, вернулись двѣ тройки, пріѣхалъ какой-то китаецъ, жирный, лоснящійся и пахнущій чеснокомъ, телеграфистъ разсказывалъ десятую исторію объ избіеніи станціонныхъ писарей и осушилъ цѣлую бутылку водки, а мы все сидѣли. Наконецъ, намъ заложили.

Мѣстность измѣнилась: вмѣсто тайги потянулась степь, а слѣва извивалась причудливыми зигзагами рѣка Суйфунъ, которая, какъ говорятъ, могла-бы быть судо-

ходна, если-бы ее кое-гдѣ прочистить. Впрочемъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ не всему можно вѣрить, что говорятъ. Попалась на пути и китайская фанза съ обработаннымъ, какъ огородъ, полемъ, то тамъ, то сямъ встрѣчались корейцы въ бѣлыхъ курткахъ и широкихъ шароварахъ, съ повязанными на головахъ тряпицами и длинными трубками въ зубахъ.

— Это что за деревня?—спросилъ я, увидавъ нѣсколько почернѣвшихъ крытыхъ соломою срубовъ, разбросанныхъ на берегу рѣки.

— А это прошлогодніе переселенцы.

Я сообразилъ, что это должна была быть Городечня, деревушка, оставшаяся безъ скота, вслѣдствіе того, что для нея закупили гуртъ въ Кореѣ, который и подохъ, не дойдя до мѣста назначенія. Бѣдно и неприглядно выглядѣла она, хотя въ годъ и можно было пообстроиться, особенно въ виду того, что на противоположномъ берегу росъ отличный строевой лѣсъ. Мнѣ вспомнились тѣ дряблые, изможденные голодовками, оборванные, казеннокоштные переселенцы, съ которыми я ѣхалъ на „Костромѣ“. Глядя на нихъ, и пассажиры, и офицеры высказывали сомнѣніе о ихъ пригодности для края, гдѣ необходимы желѣзная энергія, тяжелый трудъ и особая смѣтка для борьбы съ непривычными климатическими условіями, хотя въ проектахъ и выходило, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и житель Полтав-

ской губерніи, и поморъ найдутъ привычныя для себя климатическія условія. Не въ однихъ, впрочемъ, проектахъ шло все, какъ по маслу, но и въ отчетахъ, которыми мнѣ хвастались въ Петербургѣ, было полнѣйшее процвѣтаніе. Только въ дѣйствительности оказывались какіе-то срубы эпохи свайныхъ построекъ, усиленная смертность дѣтей, затопленные посѣвы, да погибшіе огородные всходы.

Промелькнула станція Барановская, гдѣ насъ продержали опять полъ-дня, но зато угостили прекраснымъ молокомъ, — корейцы, заливавшіе дорожныя промоины жидкою грязью, сгнившіе мосты, и стало видно Никольское. Это одно изъ первыхъ здѣшнихъ поселеній, основанное вольными поселенцами, шедшими чрезъ Сибирь. Надъ ними не было чиновничьей опеки, ихъ выжгли въ 1868 году, такъ называемые хунхузы, но тѣмъ не менѣе энергія взяла свое, и теперь село смахиваетъ на небольшой городокъ: широкія улицы, чистенькіе домики, лавки, гдѣ есть даже блонды и кружева, трактиры. Вообще Никольское не хуже разныхъ Грязовцевъ, Изюмовъ и Борисоглѣбсковъ. Народъ рослый, сильный и пышащій здоровьемъ. Мой спутникъ мнѣ объяснилъ, что тутъ есть крестьяне, которые въ годъ проживаютъ однѣми наличными деньгами до полуторы тысячи, не считая продуктовъ домашняго хозяйства. Остановились мы въ лавкѣ моего спутника,

которою управлялъ особый прикащикъ. Спутникъ мой, какъ аккуратный коммерсантъ, не отдыхая, отправился съ прикащикомъ провѣрять счеты, жена прикащика, смахивавшая на стриженую барыню шестидесятыхъ годовъ, принялась хлопотать по хозяйству и сооружать для насъ чай и закуску. А я отъ нечего дѣлать сталъ просматривать лежавшія на столѣ книги. Тутъ было „Дворянское гнѣздо“ Тургенева, Некрасовъ и „Петербургскія трущобы“ Крестовскаго. Обстановка комнаты, хотя и была бѣдна, но отличалась чистотой, обнаруживала даже нѣкоторый вкусъ и вообще смотрѣла жилищемъ людей интеллигентныхъ. Вскорѣ на деревянномъ, некрашеномъ столѣ, покрытомъ чистою скатертью, весело зашипѣлъ самоваръ, появился графинчикъ водки, масло, яйца и кое-какая закуска. Хозяйка любезно пригласила меня, не дожидаясь остальныхъ, подкрѣпить силы.

— Скажите, — спросилъ ее я, — вы здѣшняя или изъ Россіи?

— Ни то, ни другое: я сибирячка, уроженка Иркутска. Мы съ мужемъ живемъ здѣсь недавно — немного болѣе года.

— И что-же вамъ здѣсь не скучно?

— Скучно, да что-же дѣлать. Мы сибиряки—народъ выносливый. Да и притомъ-же дѣло есть.

Подкрѣпивъ свои силы, я послѣ дороги почувствовалъ страшное желаніе уснуть. Рано утромъ мой спут-

никъ былъ уже на ногахъ и тормошилъ меня, торопя ѣхать въ обратный путь. Опять зазвенѣлъ колокольчикъ и опять на первой-же станціи оказалась задержка въ лошадяхъ. Спросили чаю—этого единственнаго развлеченія въ пути на почтовыхъ. Но не успѣли мы примоститься къ самоварчику, какъ къ станціи подкатила новая тройка и въ комнату ввалился толстый полковникъ въ сопровожденіи молодаго поручика и военнаго врача.

Послѣдовало взаимное представленіе.

— Давно вы въ нашихъ краяхъ?— спросилъ меня полковникъ.

Я объяснилъ. Завязался разговоръ. Полковникъ счелъ долгомъ похвастать, что когда онъ былъ за Балканами, то подъ его начальствомъ служили беллетристъ Гаршинъ и каррикатуристъ Малышевъ.

— Славные парни,—закончилъ онъ воспоминаніе о своихъ бывшихъ подчиненныхъ: я съ удовольствіемъ читалъ военные разсказы Гаршина—понялъ онъ наше военное дѣло, отлично понялъ и изобразилъ до тонкости вѣрно.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что вся компанія ѣхала въ Никольское, на балъ изъ Раздольнаго, гдѣ стоитъ ихъ баталіонъ.

— Всякому развлеченію, батенька, рады въ нашемъ захолустьи: за сорокъ верстъ плясать ѣздимъ и на любительскіе спектакли, а то вѣдь со скуки-то помрешь.

Но вотъ лошадей подали и мы разстались. Опять пошла тайга, степь и снова тайга. Уже было темно, когда вдали замелькали огоньки Владивостока, а съ права забѣлѣли памятники и кресты кладбища. Сотни свѣтляковъ летали между деревъ послѣдняго, придавая послѣднему нѣсколько фантастическій видъ: казалось словно души умершихъ двигались около своихъ могилъ, пользуясь мракомъ и спѣшили скрыться отъ звона колокольчика. Кладбище на чужбинѣ производитъ какое-то особенно грустное впечатлѣніе. Тутъ все лежали такіе-же пришлецы въ Уссурійскій край, какъ и я. Думали-ли они, что ѣдутъ умирать на чужбину? И вотъ теперь они покоятся одинокіе, никому невѣдомые и только путникъ, поравнявшись съ ними, мысленно пожалѣетъ ихъ горькую долю, лишившую ихъ даже смерти на родной сторонѣ. Прозаики скажутъ, что это сентиментальность, что послѣ смерти все равно, гдѣ ни лежать. Оно, можетъ быть, и правда, только ужь человѣкъ такъ созданъ, что ему пріятно сознавать, умирая, что его прахъ ляжетъ въ родную землю, рядомъ съ близкими. Не даромъ Тургеневъ, передъ смертью, завѣщалъ похоронить его въ Петербургѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ, вблизи того университета, гдѣ онъ получилъ образованіе.

Промелькнуло и кладбище и тройка понеслась по немощеннымъ улицамъ города. Путешествіе кончилось.

ПО ЗАЛИВУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

Лодка спитъ. Только въ каютъ-компаніи дремлетъ вахтенный офицеръ, да на палубѣ бодрствуетъ вахта. Съ непривычки не спится въ тѣсной и душной каютѣ, до которой доносится молодецкій храпъ сосѣдей.

— Кто гребетъ? окликаетъ сигнальщикъ.

— Ваше благородіе, телеграфистъ пристаетъ! — докладываетъ вахтенный.

Черезъ нѣсколько минутъ въ каютъ-компаніи начинается разговоръ: очевидно, телеграфистъ повѣствуетъ о своей поѣздкѣ на берегъ и о какомъ-то своемъ знакомомъ. Ни мнѣ, ни вахтенному офицеру не интересны ни похожденія разскащика, ни его знакомый. Глаза слипаются и я засыпаю. Шумъ на палубѣ возвѣщаетъ, что начинаетъ разсвѣтать и мы снимаемся съ якоря. То и дѣло раздаются свистки и топанье на палубѣ

матроскихъ ногъ, кто-то командуетъ, но что именно-это для меня, сухопутнаго человѣка, остается тайной. Спѣшу одѣться и выйти въ каютъ-компанію. Странное дѣло: на берегу съ трудомъ покидаешь постель и въ восемь часовъ, а тутъ въ началѣ пятаго теряешь всякую охоту къ сибаритничанью. И чай съ пресованными сливками пьешь съ какимъ-то особымъ аппетитомъ. Однимъ словомъ, становишься совершенно другимъ человѣкомъ и входишь въ знакомую роль путешественника, живаго, энергичнаго, вѣчно молодаго. Домосѣды, заскорузлые провинціалы и гемороидальные департаментскіе чиновники съ этимъ состояніемъ не знакомы: они въ ужасъ приходятъ отъ самой мысли о томъ—что въ заядломъ бродягѣ и туристѣ производитъ чувство глубокаго наслажденія. Я, напримѣръ, нигдѣ такъ не сплю, какъ на узкой и короткой скамейкѣ вагона или въ почтовой кибиткѣ, никогда съ такимъ аппетитомъ не ѣмъ, какъ на пароходѣ и въ пропитанной кухоннымъ запахомъ атмосферѣ вокзаловъ. Новыя лица, смѣна впечатлѣній, разговоры съ случайными спутниками, все это вливаетъ какой-то жизненный элексиръ въ жилы и заставляетъ организмъ работать, какъ въ былые дни юности.

Мы идемъ Посьетскими воротами, съ лѣва на горѣ виднѣется красное зданіе Ларіоновскаго маяка, фонарь котораго блеститъ на солнце, какъ огромный алмазъ,

а за горой открывается уютная бухта Новикъ, изобилующая журавлями и устричными отмѣлями, тутъ-же пріютился кирпичный заводъ англичанина Ленни. Недавно проходъ былъ загражденъ минами, но теперь все опять приняло обыденный мирный видъ и даже батарея, защищающая проходъ и расположенная на островѣ Русскомъ, со своими зелеными валами и красными крышами казармъ и складовъ, придаетъ общей картинѣ какой-то веселый, а не грозный видъ.

— Есть—такъ держать! — кричатъ рулевые.

Нѣсколько суровый, какъ и подобаетъ, командиръ съ сосредоточеннымъ видомъ смотритъ на компасъ и всей своей фигурой и умнымъ лицомъ производитъ какое-то успокоительное чувство: подъ командой такого человѣка не страшно-бы было отправиться и въ полярную экспедицію, а не только что переплыть небольшой заливъ. Видъ открытаго моря, смѣнившій ландшафтъ зеленаго Русскаго острова, и пустынный берегъ, видный вправо, скоро утомляютъ зрѣніе: слишкомъ однообразная картина, да и море здѣсь далеко не такъ красиво, какъ Архипелагъ или Индѣйскій океанъ, гдѣ я бывало по цѣлымъ часамъ простаивалъ у борта на пароходѣ, любуясь, какъ волны догоняютъ другъ друга и, то подымаясь, то опускаясь, мѣняютъ на солнцѣ свои отливы.

— Марса-фалы подымай! — слышится съ мостика

команда, и какъ-то особенно звучатъ эти, не совсѣмъ понятныя, слова для непривычнаго уха.

Спускаюсь въ каютъ-компанію. Тамъ ужъ непремѣнно кто-нибудь да есть: или пьютъ чай или курятъ. На этотъ разъ нахожу телеграфиста, усыпившаго меня разсказами о своихъ знакомыхъ. Телеграфистъ — это вѣчный путешественникъ по Приамурскому краю: онъ непремѣнно ожидаетъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ, безъ него не обходится ни одинъ пароходный рейсъ. То онъ переводится, то куда-то командируется; это піонеръ цивилизаціи, самъ въ большинствѣ случаевъ имѣющій о ней весьма смутныя представленія. Ради ничтожнаго вознагражденія въ двадцать пять рублей влачитъ онъ свою печальную жизнь и въ уссурійской тайгѣ, и въ амурской казачьей станицѣ и на военномъ посту, отчужденный отъ остальнаго человѣческаго общества. Это не франтъ изъ недоучившихся гимназистовъ, мечтающій сдѣлаться со временемъ начальникомъ станціи, а въ ожиданіи послѣдней плѣняющій уѣздныхъ барышень, а простодушный сынъ тайги или якутской тундры, скромно служащій своей родинѣ, предоставляя начальствовать болѣе счастливымъ пришельцамъ изъ Европы.

Нашъ спутникъ именно таковъ: и вся его фигура, длинная, сутуловатая и не складно сложенная, и старенькій форменный сюртукъ изъ солдатскаго сукна и

почтительный видъ являются положительнымъ отрицаніемъ всякой мысли о начальствованіи надъ подчиненными или о плѣненіи непостоянныхъ женскихъ сердецъ. Нерѣшительно проситъ онъ у вѣстоваго чаю, словно это не матросъ, а какой-нибудь директоръ департамента, еще нерѣшительнѣе отрѣзываетъ кусочекъ сыру и рѣшительно не понимаетъ остротъ каютъ-компаніи, любящей подтрунить и пройтись на счетъ простоты и добродушія ближняго. За завтракомъ, по совѣту штурмана, онъ наложилъ въ рисъ чрезмѣрное количество кэри и, боясь выказать необразованность, ѣстъ, превозмогая себя, хотя ему и обожгло все во рту и въ горлѣ. Ко мнѣ онъ, повидимому, чувствуетъ особое уваженіе, вѣроятно благодаря моей излишней говорливости.

— Повидимому, вы человѣкъ бывалый и опытный, поэтому мнѣ-бы очень желательно было узнать вашу фамилію, — съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и робостью спрашиваетъ онъ меня.

Послѣ сытнаго судоваго завтрака и плохо проведенной ночи потребность сна беретъ свое, не смотря на новое для меня зрѣлище шкеръ съ ихъ прямыми, какъ стѣны, скалами, и я отправляюсь спать. Да и то сказать, скучны эти пустынныя шкеры: ни одной деревушки, ни одной рыбачьей лодочки, только черныя гагары и оживляютъ заливъ, берега котораго еще ожидаютъ, когда наконецъ явится сюда человѣкъ и на-

чнетъ разработывать богатства, приготовленныя для него природою. Хороша природа, ее нельзя не любить, какъ нельзя не дышать свободнѣе чистымъ воздухомъ степи и океана; но, безъ человѣка она какъ-то мертва. Испорченъ-ли мой вкусъ долгой жизнью въ большихъ городахъ, привычкой къ ихъ шумнымъ улицамъ съ пестрой, вѣчно движущейся толпой, къ ихъ душнымъ, но опьяняющимъ театральнымъ заламъ, гдѣ впечатлѣнія, отъ ласкающей слухъ аріи или страстнаго монолога, смѣняются другимъ, особымъ впечатлѣніемъ, отъ блестящихъ женскихъ глазъ и возбужденныхъ музыкой, яркимъ свѣтомъ, а порою и страстью лицъ, или ужъ я такъ люблю людей, хотя ихъ и упрекаютъ мыслители и поэты въ холодности, себялюбіи и лживости, но мнѣ скучна природа безъ людей. Я люблю отдохнуть, успокоить свои нервы и мозгъ среди природы, но жить могу только въ большомъ городѣ, какъ могу зачитываться только книгой, говорящей о людяхъ, о ихъ страстяхъ, скорбяхъ и радостяхъ, ихъ исторіи и общественномъ строѣ, какъ охотнѣе останавливаюсь передъ жанровой картиной второстепеннаго художника, нежели передъ самымъ геніальнѣйшимъ произведеніемъ пейзажиста. И не вѣрю я Лермонтову, что „нѣтъ женскаго взора“, котораго-бы онъ не забылъ „при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубаго неба, или внимая шуму потока,

падающаго съ утеса на утесъ": всегда эти строки мнѣ казались пародоксомъ напускной мизантропіи.

Да, пустыненъ еще весь Уссурійскій край: куда не пойдешь по нему, всюду ширь и гладь. Не скоро еще станетъ такъ тѣсно русскому человѣку на родинѣ, что онъ сотнями тысячъ двинется на эту отдаленную окраину, очиститъ отъ непроходимой тайги ея горы, заселитъ черноземныя долины и начнетъ рыбачить по безчисленнымъ бухточкамъ и заливчикамъ морскаго побережья. Правда сосѣдній Китай могъ-бы сразу оживить эту пустыню, да и оживляетъ хоть немного, не смотря ни на какіе кордоны и манзовскія гоненія, во время которыхъ жгутъ земледѣльческія фанзы и ловятъ мирныхъ звѣролововъ въ качествѣ страшныхъ хунхузовъ; но, китайцы считаются здѣсь нежеланными гостями, и любой здѣшній администраторъ прійдетъ въ ужасъ отъ одного только намека на поощреніе китайской колонизаціи. Онъ вамъ напомнитъ и Кульджу и вытащитъ на сцену легенды о шайкахъ хунхузовъ, припугнетъ замыслами пекинскаго правительства и упрекнетъ въ непатріотизмѣ.

— Ваше благородіе, васъ на верхъ просятъ! — будитъ меня матросъ.

Оказывается, что мы подходимъ къ Посьету. Сперва бѣлѣетъ только нѣсколько палатокъ и между ними выдѣляется одна большая, какъ домъ, съ розовыми по-

лосами — это лагерь военнаго губернатора. На палубѣ суетня. Спускаютъ шлюпку. Лодкѣ предписано обыскивать всѣ встрѣчныя джонки и вотъ теперь попалась первая. Сидящіе на ней корейцы и китаецъ спокойны и, видимо, не подозрѣваютъ нашихъ приготовленій. Вотъ ужъ и шлюпку спустили съ вооруженными ружьями матросами, а корейцы такъ-же безучастно посматриваютъ, какъ стоящій въ ихъ джонкѣ быкъ.

— Бросай буксиръ! — командуютъ съ мостика.

Шлюпка помчалась къ джонкѣ, а мы поворачиваемъ ко входу въ бухту. Теперь безъ бинокля можно видѣть мазанки, дома и интендантскіе склады. Кругомъ все голо. Только трава покрываетъ холмы и пригорки. Вдали синѣетъ Сихоте-Алинъ — эти горы слѣва уже Корея, а справа Китай. Кажись вѣдь вотъ рукой подать, а вѣдь за этою синевою — совершенно другой міръ: мандарины съ перьями и соболинными хвостами на шляпахъ, дома съ причудливыми украшеніями въ видѣ драконовъ, кумирни съ страшными идолами, какихъ я видалъ въ Сингапурѣ. И фуду-туны здѣсь и тамъ различные: у насъ губернаторъ въ мундирѣ, у нихъ въ шелковомъ балахонѣ, у нашего очки синіе, у ихняго бѣлые. Впрочемъ, я китайскихъ губернаторовъ не видалъ, а нашихъ давно описалъ сатирикъ Щедринъ.

Командиръ съѣхалъ на берегъ, а къ намъ прибыли гости. Въ числѣ ихъ толстый поручикъ возраста пол-

ковниковъ. Такихъ старыхъ поручиковъ я только и видалъ въ Уссурійскомъ краѣ. Говорятъ, что въ старину на Руси бывали и по—старше поручики, ну, да вѣдь мало-ли чего въ старину не бывало: не даромъ о ней нѣкоторые такъ и вздыхаютъ. Кто-то меня рекомендуетъ, въ качествѣ корреспондента. Поручикъ даетъ о такомъ званіи не особенно лестный отзывъ. Старые поручики вообще не любятъ пишущей братіи и въ этомъ сходятся съ нѣкоторыми молодыми амурскими дѣльцами. Тѣмъ не менѣе Поручикъ предлагаетъ къ моимъ услугамъ свою шлюпку. Я охотно пользуюсь любезностью, такъ какъ наша шлюпка еще не вернулась съ обыска.

Путешественникъ имѣетъ свои привилегіи: онъ можетъ явиться въ чужой домъ, отрекомендоваться и всегда встрѣтить любезный пріемъ, особенно въ захолустьи, гдѣ всякое новое лицо считается желаннымъ гостемъ, вносящимъ оживленіе въ монотонность будничной сѣрой жизни. Пользуюсь этимъ преимуществомъ и вторгаюсь въ жилище чиновника Р., котораго мнѣ рекомендовали въ качествѣ бывшаго студента Лейпцигскаго университета. Кого-кого не встрѣтишь на Амурѣ, что только не загоняетъ на эту окраину лицъ самыхъ разнообразныхъ. У Р. сидятъ гости. Одинъ изъ нихъ, узнавъ, что я пріѣхалъ только на нѣсколько часовъ, вызывается познакомить меня съ постомъ и показать всѣ его достопримѣчательности.

Гавань Новгородскую довольно подробно и, что удивительно, весьма правдиво описалъ Всеволодъ Крестовскій. Онъ, между прочимъ, очень основательно выяснилъ всѣ недостатки этой гавани въ стратегическомъ отношеніи, за которое стоятъ еще многіе и теперь. Прежде всего гавань лежитъ въ совершенно открытой мѣстности: сколько ни смотришь въ бинокль, а ближайшій лѣсъ ростетъ лишь по склону Сихоте-Алинъ, да и то не строевой. Лѣсъ привозится въ Посьетъ съ Мангугая и Сидеми. Такое открытое положеніе гавани производитъ то, что осенніе сѣверо-западные вѣтры достигаютъ въ ней силы шторма. Затѣмъ близость китайской и коррейской границъ, до которыхъ нѣтъ и тридцати верстъ, подвергаетъ опасности ее съ суши. Постъ Новгородскій мало чѣмъ измѣнился съ 1880 года, когда его посѣтилъ г. Крестовскій. Таже пристань, но уже лишившаяся фонарей и животрепещущихъ перилъ. Бараки и шалаши замѣнены мазанками, не далеко отъ нихъ ушедшими. По прежнему нѣтъ ни садиковъ, ни амбаровъ, ни хлѣвушекъ. Самыми лучшими домами являются казарма стрѣлковаго батальона и телеграфная станція, принадлежащая купцу Новаку. Около пристани помѣщаются два желѣзныхъ провіантскихъ магазина и нѣсколько навѣсовъ. Посреди поста разбитъ небольшой скверикъ, а въ немъ устроена традиціонная круглая бесѣдка, безъ которой не обходится ни одинъ русскій

паркъ и садъ. Цѣль такихъ сооруженій рѣшительно не понятна: отъ дождя онѣ не укрываютъ, будучи открыты съ боковъ, скамейки въ нихъ неудобны для сидѣнія и даже изящества онѣ никакого не имѣютъ. На концѣ поста строится новая казарма на мраморномъ фундаментѣ. Мѣстные офицеры предсказываютъ ей скорое разрушеніе, такъ какъ кирпичъ, приготовленный домашними средствами, ужасно хрупокъ. Недалеко отъ строющейся казармы находится колодезь. Говорятъ, что онъ обошелся казнѣ въ тысячу рублей и даетъ всего два ведра въ день. Повсюду разгуливаютъ свиньи, куры и гуси.

Зашли мы и въ жилище моего спутника. Крохотная комнатка съ кривымъ оконцемъ, неоклеенныя стѣны, неоштукатуренный потолокъ, кровать, два стола и два табурета—вотъ и вся обстановка: уныло и неуютно. Впрочемъ, замѣтилъ я еще два шкапа. Оказалось, что въ нихъ помѣщается батальонная библіотека.

— Много въ вашей библіотекѣ книгъ?

— Нѣтъ: все старые журналы, даже учебниковъ, необходимыхъ для приготовленія въ академіи, не имѣется.

— Ну, а какъ вы время проводите?

— Да, что — играемъ въ карты, кто любитъ — охотится.

— А умственная пища?

— Никакой: газеты и журналы приходятъ и поздно и рѣдко, большинство ничѣмъ не интересуется, а разговоры вертятся около сальностей, да ругатни отсутствующихъ.

— Много у васъ изъ военныхъ училищъ?

— Нѣтъ, только двое. Остальные изъ юнкерскихъ.

Мнѣ вспомнились скучающіе петербуржцы, порхающіе изъ оперы въ маскарадъ, съ выставки картинъ на литературный вечеръ, а тамъ на балъ или представленіе „célebrité" и постоянно поющіе о скукѣ. Вотъ гдѣ имъ-бы пожить—въ Посьетѣ, гдѣ самымъ благороднымъ развлеченіемъ является безцѣльная стрѣльба утокъ и фазановъ. Вспомните, господа петербуржцы, когда, слушая веселые звуки „Карменъ" или чудную музыку Глинки, вы соберетесь зѣвнуть, о піонерахъ, живущихъ въ Посьетѣ.

Показали мнѣ и приготовленія къ предполагавшейся войнѣ съ Англіей: неоконченный деревянный пороховой погребъ и сваленные подъ открытымъ небомъ кули муки. Въ двадцать лѣтъ, три раза Уссурійскій край ожидалъ войны и въ эти двадцать лѣтъ все-таки ничего не сдѣлано, чтобы надлежащимъ образомъ встрѣтить непріятеля. А въ Петербургъ между тѣмъ посылаются краснорѣчивые отчеты, читая которые, самый невѣрующій человѣкъ повѣрить тому, что все сдѣлано и все процвѣтаетъ. Припомнилась, невольно, одна особа, осмат-

ривавшая во Владивостокѣ голдобинскія батареи до ихъ послѣдняго вооруженія. Особа такъ увлеклась, что собиралась дать ими отпоръ соединенной эскадрѣ всего міра, а опытные офицеры утверждали, что стоитъ одному фрегату дать два залпа и батареи окончили-бы свое существованіе. Вотъ тутъ и вѣрьте, кому хотите: особа говоритъ одно, артиллеристы—другое.

II.

Наша лодка должна принять въ Посьетѣ военнаго губернатора. На палубѣ идутъ приготовленія къ встрѣчѣ: матросы выстраиваются, музыканты устанавливаютъ пюпитры, на берегъ наведены бинокли и подзорныя трубы.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! — проносится на шканцахъ и мостикѣ.

— Разъ, два, три! — командуетъ капельмейстеръ.

Раздаются до нельзя фальшивые звуки марша. Впрочемъ и то сказать, играютъ матросы — любители, выучившіеся музыкѣ во время зимней стоянки въ Тяньдзинѣ.

Причалилъ катеръ. Раздалось матроское привѣтствіе и въ каютъ-компаніи появляется часть свиты. Теперь уже нѣтъ мѣста для интимной бесѣды: на шкафутѣ и то разгуливаютъ развязныя фигуры штабныхъ вѣстовыхъ, имитирующихъ своихъ господъ. Пока судно

стоитъ на якорѣ самое лучшее съѣхать еще разъ на берегъ и воспользоваться гостепріимствомъ посьетцевъ. Такъ нѣкоторые изъ офицеровъ и дѣлаютъ. Мѣстомъ нашествія избирается квартира все того-же Р, который оказывается на столько-же интереснымъ разсказчикомъ какъ и любезнымъ хозяиномъ.

— Да, вотъ мы называемъ китайцевъ варварами, а пожили-бы вы здѣсь, да побывали-бы въ Хунчунѣ, такъ и убѣдились-бы, что мы, подъ часъ, бываемъ лучшими варварами. Есть у насъ тутъ одинъ турецкій офицеръ, принявшій русское подданство и православіе. Такъ вы не повѣрите, что онъ дѣлаетъ. Пріѣдетъ въ Хунчунъ, да на китайской-то территоріи и таскаетъ китайцевъ за косу. Обѣдаемъ мы всѣ у Фуду-туна, разошелся нашъ турокъ, выпилъ и потребовалъ повара, суетъ ему рубль. Мы его уговаривать, что, молъ неудобно это въ присутствія Фуду-туна. И слушать не хочетъ: „желаю и кончено“. Фуду-тунъ поморщился, а когда мы собрались уѣзжать далъ нашему кучеру на чай двадцать долларовъ.

— Да какъ-же не уберутъ такого безобразника?

— Убрать? Общаго-то любимца? Онъ одну особу положительно обворожилъ тѣмъ, что всѣмъ ты говоритъ. Да это еще пустяки. Онъ въ Савеловкѣ собственную таможню завелъ и взялъ пошлину за рисъ даже съ нашего интенданта.

Не проживи я годъ въ Уссурійскомъ краѣ, я-бы не повѣрилъ, но то-ли мнѣ приходилось здѣсь видѣть и слышать. Иной разъ только руками разведешь, да усумнишься, что живешь на русской территоріи. И не по поводу дѣяній бывшаго героя „болгарскихъ ужасовъ“, сомнѣніе одолѣваетъ, а глядя на цивилизованныхъ россіянъ, которые и въ академіяхъ обучались, и, можетъ быть, на сонъ грядущій по французски „Сарру Барнумъ“ и „M-me Girot, ma femme почитываютъ, а въ свое время даже г-жѣ Шнейдеръ аплодировали. Не все вѣдь на Амурѣ юнкера, да окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ орудуютъ. Но, кто лучше—это вопросъ.

— Пріѣзжаетъ къ намъ одинъ генералъ. Ну, баталіонный командиръ устроилъ вечеръ. За ужиномъ вдругъ отворяется дверь и появляется поручикъ въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости. Хозяинъ было его выпроваживать, но тотъ прямо къ генералу лѣзетъ, хлопаетъ его по плечу и увѣряетъ, что онъ его другъ.

— И такія вещи сходятъ.

— Конечно: если гнать со службы, такъ гдѣ же вы другихъ-то найдете. Вонъ Евгеній Петровичъ и года здѣсь не пробылъ, а ужъ мечтаетъ объ отъѣздѣ,— разскащикъ показываетъ на молодаго красиваго офицера: много-ли сюда желаетъ ѣхать? Вы видите, какъ мы здѣсь живемъ — вѣдь это могила для молодаго,

порядочнаго человѣка. Ну, переведутъ на Мангугай или въ Раздольное. А тамъ развѣ не одно и тоже?

Припоминаю то, что видѣлъ въ Раздольномъ и соглашаюсь.

— Куда какъ весело жить вдали отъ цивилизаціи, въ какихъ-то мазанкахъ, да еще находиться въ лапахъ у разныхъ крещеныхъ евреевъ, берущихъ съ съ васъ три рубля за то, что въ Владивостокѣ стоитъ два.

Да, правъ былъ г. Крестовскій, говоря, что „судьба постовыхъ офицеровъ, для которыхъ и въ чинахъ-то нѣтъ впереди просвѣта, заслуживаетъ гораздо большаго участія“.

Долго, лежа въ койкѣ, думаю я о посьетской жизни о томъ, когда здѣшній край дождется, хоть десятой доли того, что устроили въ своихъ колоніяхъ англичане. Вѣдь умѣютъ же тамъ и гранитныя мостовыя мостить и воздвигать роскошныя виллы, а здѣсь необнесенныя даже плетнемъ мазанки, голая мѣстность, газеты, доходящія черезъ полъ-года и сѣрая однообразная жизнь, лишенная даже возможности устроить семейное счастіе.

Къ чаю встаютъ и новые пассажиры. Появляется и „Моментъ“, какъ мѣтко окрестили во время Крымской компаніи боевые офицеры — штабныхъ. Нашъ точно сорвался съ извѣстной картины Верещагина: „si jeune

et si bien decoré“. Это не бѣдный постовой офицеръ, онъ не сопьется, у него есть будущность. Перелистывая журнальныя статьи, онъ изучитъ край, представитъ блестящіе отчеты, окажетъ чудеса храбрости, сжигая манзовскія фанзы и будетъ признанъ и рекомендованъ, какъ знатокъ и полезнѣйшій дѣятель. Много ужъ ихъ перебывало на Амурѣ, а какую пользу они принесли, про то говоритъ пустынная тайга, отсутствіе дорогъ и всѣ эти Посьеты, Раздольныя и другіе посты и урочища, гдѣ прозябаютъ настоящіе піонеры и труженники, подъ часъ можетъ быть грубые, неразвитые, но искупающіе эту грубость и это неразвитіе, дѣйствительно горькою долею.

Явившійся въ каютъ-компанію „Моментъ“ — герой надѣлавшей въ Владивостокѣ шуму сучанской исторіей. Посланный разслѣдовать дѣло объ убійствѣ китайцами русскихъ переселенцевъ, онъ жегъ жилища, оставлялъ безъ крова стариковъ, ловилъ и вязалъ. Сколько не вглядываюсь я въ безжизненныя глаза и въ безстрастное лицо — я не могу прочесть разгадки страшной драмы, гдѣ ихъ обладатель игралъ роль мстителя. Да и нужна-ли эта разгадка? Не подписалъ-ли уже ее Верещагинъ подъ вышеупомянутой картиной.

Мѣрно покачиваясь и словно вздрагивая идетъ наша лодка, прорѣзая сѣрыя волны и уссурійскій туманъ, съ которымъ поспоритъ только лондонскій. Сюр-

тукъ отсырѣлъ — скверно на полу-югѣ. А въ каютѣ душно и жарко, вздрагиванія судна отдаютъ въ голову, а подъ ложечкой сосетъ и ноетъ, словно послѣ веселой пирушки. „Моментъ“ такъ и трещитъ; о чемъ только онъ не ораторствуетъ: и о процвѣтаніи края, и о воспитаніи дѣтей. При этомъ иностранныя слова такъ и сыплются: абсолютно, коллективно, объективно, интерпеляція даже тогда, когда можно сказать положительно, собирательно, спокойно, обращеніе. Я начинаю думать, что нашъ „Моментъ“ говоритъ не „высморкаться“, а „ассенизировать носъ“.

Мы входимъ въ какую-то бухточку. Штурманъ сообщаетъ, что лежащій передъ нами полуостровъ — Сидеми. Здѣсь мы простоимъ до разсвѣта: губернаторъ здѣсь будетъ обѣдать на фермѣ нѣкоего Янковскаго. Г. Янковскій старожилъ края и занимается коннозаводствомъ. Онъ поставщикъ лошадей на мѣстныя войска и вмѣстѣ съ тѣмъ естествоиспытатель. Въ Владивостокскомъ музеѣ общества изученія амурскаго края находится цѣлая масса собранныхъ и пожертвованныхъ имъ предметовъ. Тутъ же, на полуостровѣ, но ближе къ бухточкѣ, въ которой мы бросаемъ якорь, расположена ферма бывшаго китолова г. Гека. О старомъ промыслѣ послѣдняго свидѣтельствуетъ висячій мостикъ, переброшенный черезъ небольшой ручеекъ и украшенный китовыми костями. Если не красиво, то оригинально.

Пристани на берегу не имѣется — суровые фермеры не признаютъ комфорта и приставать нужно прямо къ песчаному берегу, покрытому сплошь толстымъ слоемъ выкинутыхъ моремъ водорослей. Осматривать здѣсь конечно нечего, а можно лишь гулять, да и то, не имѣя высокихъ сапогъ, лишь по дорогѣ. Лѣсокъ совсѣмъ молодой. У липы необыкновенно большіе листья: такихъ я не видалъ даже на югѣ Россіи. Много молодыхъ дубковъ, попадается ясень и грабъ. Больше всего шиповнику.

Шиповникъ образуетъ на морскомъ берегу, около фермы Гека, цѣлую долину розъ, что конечно не даетъ повода думать, что здѣсь возможно добываніе розоваго масла, какъ это предполагаютъ нѣкоторые. Къ уссурійскимъ предположеніямъ, вообще, надо относиться осторожно: должно быть мѣстные туманы способствуютъ развитію самой пылкой фантазіи. Увидитъ чиновникъ молодой пробковый дубокъ, съ тоненькой корой и садится писать проектъ развитія въ краѣ пробочнаго производства, набредетъ на шиповникъ, и ему грезится Восточная Румелія съ ея долинами розъ. Уссурійскій край большой обманщикъ: идешь по полю—трава по поясъ, да такая сочная, листья крупные, у подорожника — словно у лопуха, а копнулъ лопаткой и вмѣсто чернозема одна глина. Вслѣдствіе этого переселенцы попадаются очень часто въ просакъ. Выберутъ

мѣстечко—сущій рай, судя по растительности, а подымутъ цѣлину и видятъ, что ошиблись: перекочевывай, значитъ, дальше.

Мой спутникъ по прогулкѣ—начальникъ телеграфной станціи. Онъ везетъ сына во Владивостокъ въ прогимназію. Очень понятно поэтому, что разговоръ завязывается о воспитаніи дѣтей. Вопросъ этотъ одинъ изъ больныхъ на Амурѣ. Въ краѣ двѣ прогимназіи и гимназія: первыя въ Читѣ и Владивостокѣ, вторая въ Благовѣщенскѣ. Но, воспитывать дѣтей рѣшительно негдѣ. Большинство учительскихъ мѣстъ вакантно и преподаваніе многихъ предметовъ поручается, по вольному найму, лицамъ неимѣющимъ спеціальной подготовки. Я видѣлъ нѣсколько сочиненій гимназистовъ пятаго класса: по безграмотности изложенія и обнаруживаемой неразвитости можно было подумать, что ихъ писали ученики сельской школы.

— Бѣда здѣсь съ дѣтьми, — жаловался мой спутникъ, — жалованія я получаю девятьсотъ въ годъ, правда при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи, а воспитаніе сына мнѣ обходится шестьсотъ.

На берегу дѣлать долго нечего. На суднѣ все-же веселѣе, такъ какъ больше людей. Взглянулъ на ферму Янковскаго, убѣдился, что она ничѣмъ не отличается отъ домовъ средней руки помѣщиковъ гдѣ нибудь въ Тамбовской губерніи, и сажусь опять на ка-

теръ. На мостикѣ разгуливаютъ командиръ и штурманъ. Они разговариваютъ о фермахъ Янковскаго и Гека и о нападеніяхъ хунхузовъ на послѣднихъ. Нападенія эти происходили три раза. Исторія этихъ нападеній темная: первое, кажется, имѣло цѣлью исключительно грабежъ, послѣдующія — месть за кровавую расправу съ манзами обозленныхъ фермеровъ. Какъ-бы то ни было, но теперь ни одинъ манза не пристаетъ къ ихъ владѣніямъ, такъ какъ гг. Гекъ и Янковскій объявили, что не подпустятъ на ружейный выстрѣлъ ни одного китайца и будутъ ихъ убивать, не справляясь о цѣли прибытія и не взирая на то, разбойники-ли они или мирные работники. Нѣкоторые говорятъ, что они даже и выполняли не разъ свою угрозу; но, я не ручаюсь на сколько это вѣрно. Еще въ 1879 году ферма Гека была разграблена и работники на ней были убиты. Хунхузы дѣлали нападенія и въ другихъ мѣстахъ и при такомъ положеніи вещей никто не придалъ-бы и значенія убійству китайца, особенно въ отдаленномъ, глухомъ уголкѣ края, гдѣ единственной охраною является умѣнье обращаться съ винчестеромъ и револьверомъ. Ни о какомъ крейсерствѣ и охранѣ береговъ здѣсь нѣтъ и помину, такъ какъ бѣдная судами сибирская флотилія едва въ состояніи нести и транспортную-то службу, а балтійская эскадра или стоитъ во Владивостокѣ, или идетъ на

сѣверъ, или плаваетъ у береговъ Японіи. Да и для чего крейсировать, когда все побережье залива Петра Великаго представляетъ пустыню. Господствующіе почти все лѣто туманы заставляютъ избирать мѣста для поселенія подальше отъ моря, а рыбаковъ въ краѣ нѣтъ, хотя воды и богаты рыбой, трепангами и морской капустой.

III.

Солнце сѣло, такъ по крайней мѣрѣ можно судить по наступающимъ сумеркамъ. На бакѣ собралась команда, гремитъ бубенъ и барабанъ и весело раздается пѣсня:

«Сѣли дѣвки на лужекъ,
«Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
«Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
«Въ хороводѣ веселились...

И забываешь, что находишься гдѣ-то въ Сидеми, а не въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ, гдѣ, бывало, навѣстишь знакомаго офицера или товарища, отбывающаго воинскую повинность. И вспоминается далекая родина, Петербургъ и все что съ нимъ связано: столъ, заваленный газетами, за которымъ я бывало составлялъ хронику для, увы, теперь уже не издающейся газеты, пріятель-критикъ, горячащійся по поводу напечатанной дребедени какого-то малокровнаго беллетриста, мнящаго затмить Тургенева, мой вѣчно-юный редакторъ, по-

терявшій волосы, но сохранившій свѣжесть ума и молодость чувствъ. Какъ все это далеко, но какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто вспоминается и при звукѣ матроской пѣсни, и при видѣ газетнаго листа, и даже когда бродишь по мѣлкому лѣсочку морскаго побережья Уссурійскаго края. Но, мысли мои слишкомъ далеко унеслись отъ дѣйствительности: еще не скоро прійдется увидѣть Петербургъ, еще долго будешь странствовать по чуждому міру, восторгаться новизной окружающаго, и вспоминать, не безъ тоски, о покинутыхъ родныхъ мѣстахъ.

Смолкла и матроская пѣсня. Команда улеглась на палубѣ, только мы, пассажиры, не спимъ и то спускаемся въ каютъ-компанію, то подымаемся на полуютъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Тихо плещетъ вода бухты, ударяясь о борта лодки, глухо доносится рокотъ волнъ изъ открытаго моря. Но, ужъ такъ мы устроены городскіе жители, что не долго насъ забавляетъ природа, полюбовался моремъ, послушалъ музыку волнъ и опять принимаешься за городскіе разговоры, словно сидишь гдѣ нибудь въ кабинетѣ, или въ редакціи.

Примостившись около скорострѣльной пушечки для миноносокъ, веду бесѣду съ ѣдущимъ въ Хабаровку администраторомъ. Каждый администраторъ недоволенъ тѣмъ, что сдѣлано и переполненъ проектами того, что нужно сдѣлать. Но амурскій администраторъ обыкно-

венно сугубо недоволенъ и сугубо переполненъ. Если обыкновенный администраторъ, по большей части, въ сущности, сводитъ всѣ свои мечтанія о переустройствѣ къ толченію воды въ ступѣ, то его собратъ, амурецъ, непремѣнно утопистъ. Попавъ изъ привычной департаментской атмосферы на вольный воздухъ окраины, не имѣя надобности писать ежедневно десятки отношеній и донесеній, онъ старается замѣнить привычное занятіе новымъ — составленіемъ проектовъ; съ этими проектами онъ не растается нигдѣ: ѣдетъ по вьючной тропѣ на крохотной корейской лошадкѣ и излагаетъ своему спутнику планъ превращенія окружающей тайги въ шелковичныя плантаціи, при помощи продажи за безцѣнокъ крупныхъ участковъ, и учрежденія должности инспектора шелководства, увидитъ удобную бухточку и проектируетъ о возникновеніи въ ней богатаго порта, при помощи учрежденія новой акціонерной компаніи, съ субсидіей.

Мы ведемъ бесѣду о значеніи края и мой собесѣдникъ вытаскиваетъ изъ архива давно рѣшенный вопросъ: „Посьетъ или Владивостокъ?“ Не скажу, чтобы мой собесѣдникъ не обладалъ начитанностью, чтобы и въ его рѣчи не проскальзывали мѣткія замѣчанія, но, въ общемъ, страсть къ проектамъ беретъ верхъ.

— Край здѣшній богатъ, — разсуждаетъ администраторъ, — это нашъ будущій запасной капиталъ,

поэтому мы должны его, во чтобы то ни стало, удержать за собой. Прійдетъ время и въ Россіи не хватитъ земли и тогда мы оцѣнимъ Амуръ.

— Совершенно согласенъ, но экономисты полагаютъ, что такое положеніе для Россіи наступитъ не скоро. Нашъ крестьянинъ страдаетъ малоземеліемъ, но не центральная Россія. Переселенческое движеніе, въ сущности, держится тѣмъ, что у крестьянина нѣтъ средствъ для покупки земель и крестьянскіе банки могутъ этому помочь. Правда утверждаютъ также, что это движеніе зависитъ и отъ того, что культура не можетъ идти въ глубь, когда ее можно распространять въ ширь. Но, вѣдь Амурскій край отдѣленъ цѣлыми областями, обладающими массой незаселенныхъ земель. Слѣдовательно надежды на быстрое его заселеніе нѣсколько гадательны.

— Пустяки-съ, всему виною излишняя опека и регламентація. Здѣшній край заѣлъ бюрократизмъ. Поселенца насильно заставляютъ быть земледѣльцемъ, тогда какъ ему, можетъ быть, выгоднѣе заняться извозомъ или скотоводствомъ.

— Значитъ, вы противъ всякихъ учрежденій, опекающихъ переселенцевъ?

— Обязательно.

— Но, если опека такъ вредна, то отчего-же ее проектировали въ восемьдесятъ второмъ году? Я удивляюсь....

— Вы еще способны удивляться. Неужто вамъ не извѣстно, какъ у насъ составляются проекты,

Администраторъ произноситъ цѣлую филиппику противъ проектовъ и тотчасъ-же начинаетъ проектировать самъ. Владивостокъ ему не нравится: нужно перенести портъ въ Посьетъ. Но этого мало. Нужно перевести въ Уссурійскій край весь балтійскій флотъ. Кто будетъ защищать Петербургъ, Ригу, Финляндію — это не входитъ въ его соображенія, равно какъ и то, чѣмъ сталъ-бы здѣсь кормиться этотъ флотъ. Мнѣ припоминаются другіе проекты — писанные. Одинъ изъ амурскихъ администраторовъ до того расходился по бумагѣ, что написалъ цѣлый планъ развитія въ краѣ горной промышленности, начинавшійся словами:" хотя я совершенно не знакомъ съ горнымъ дѣломъ, но тѣмъ не менѣе полагаю...„ Это „тѣмъ не менѣе полагаю" положительно приводило меня въ восторгъ. И администраторъ былъ не изъ Митенекъ Козелковыхъ, получающихъ образованіе у Дюссо, а человѣкъ причастный литературѣ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ, почти ученый. Вотъ что значитъ проникнуться „готовностью". Господинъ этотъ сталъ-бы писать и о санкритской грамматикѣ, и о бацилахъ и бактеріяхъ, и о призваніи варяговъ, и объ обычномъ правѣ эскимосовъ, не справляясь даже съ литературою, лишь-бы начальство задало ему эти темы, и непремѣнно все начиналъ-бы словами:

„хотя я себя и считаю не подготовленнымъ, но тѣмъ не менѣе полагаю“. Благодаря такой „готовности“ и способности проектировать со стороны амурскихъ администраторовъ, край до сихъ поръ не устроенъ и неустройство это бросается въ глаза на каждомъ шагу. Нужно проводить дороги, а они пишутъ проекты о замѣнѣ общиннаго землевладѣнія подворнымъ, и только лишь изготовятъ такой проектецъ, какъ вдругъ крестьяне заявляютъ, что никакой другой формы землевладѣнія не желаютъ, кромѣ общиннаго. Время ушло, бумага изведена, а ничего не сдѣлано. Переселенцы нуждаются въ указаніи и отводѣ участковъ, а чиновники, приставленные къ этому дѣлу, собираютъ статистическія свѣдѣнія о посѣвахъ и аккуратно расписываютъ по графамъ: „Петръ Авчинникъ посѣялъ огородныхъ растеній четверть десятины, пшеницы—четыре пуда, овса—пудъ, Иванъ Комында огорода—столько-же, пшеницы три пуда, овса —два, Никита Молявка—столько-то; но все это затоплено разливомъ рѣки Сучана“. А въ это время Павелъ Борисенокъ и Антонъ Огородный садятся на чужую землю или ведутъ о послѣдней препирательства съ манзами. Но администратору статистика кажется необходимѣе, хоть посѣвы и затоплены, онъ все таки, глядишь какой-нибудь проектецъ, да и напишетъ на основаніи сихъ цифръ, правда проектецъ, можетъ быть, будетъ напоминать мечты того мужика, который

наткнулся въ полѣ на спящаго зайца и соображалъ, какъ онъ зайца убьетъ, продастъ и купитъ поросенка и какъ поросенокъ выростетъ и народитъ самъ поросятъ.

Пока мой администраторъ ораторствуетъ, съ моря надвигается туманъ, онъ ужъ окуталъ и нашу лодку и сосѣдній островокъ и теперь заволакиваетъ берегъ. Онъ какъ-бы хочетъ сказать и оратору и другому администратору, спящему на полу-ютѣ: „перестаньте вы мечтать, захочу я и всѣ мечты ваши уничтожу; вы вотъ пишите, что здѣсь посѣвы нужно дѣлать позже, такъ какъ лучшая лѣтняя пора здѣсь въ августѣ и сентябрѣ, когда нѣтъ ни дождей, ни тумановъ, а я вотъ сегодня, не смотря на августъ, явился, да и не изчезну ни завтра, ни послѣ завтра. По календарю мнѣ слѣдовало быть въ маѣ и іюнѣ, а я въ этомъ году взялъ, да и надулъ календарь—опоздалъ, да теперь и мучаю васъ не по-положенію“.

Дѣйствительно, не хочетъ туманъ расходиться и утромъ. Онъ пропитываетъ насквозь платье, во всемъ тѣлѣ ощущаешь сырость, а между тѣмъ душно, жарко, дышать нечѣмъ. Берега и острова еле видны. Какая-то хандра одолѣваетъ: словно будто не путешествуешь, а сидишь въ какой-то тѣсной тюрьмѣ. Мой администраторъ спитъ и заливается богатырскимъ храпомъ. „Моментъ“, заложивъ руки въ карманы брюкъ, совсѣмъ какъ на верещагинской картинѣ, мрачно ходитъ по

полу-юту. Можетъ быть, ему рисуется въ туманѣ тотъ безногій и безрукій манза, котораго онъ встрѣтилъ на Сучанѣ, ползущимъ въ травѣ послѣ сожженія промышленныхъ фанзъ. Только нашъ командиръ не измѣнился. Также бодро стоитъ онъ у компаса и время отъ времени подаетъ правой рукой знаки рулевымъ.

— Есть—такъ держать!—выкрикиваютъ тѣ обычную фразу.

Я вступаю въ бесѣду съ другимъ администраторомъ. Этотъ бранитъ корреспондентовъ. Бѣдные корреспонденты! Ни одному самому ужасному злодѣю не приходилось слышать изъ устъ прокурора такихъ ужасныхъ обвиненій, какія сыпятся на нихъ. Извѣстно, что корреспондентовъ нигдѣ не любятъ, но на Амурѣ эта нелюбовь доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Вамъ простятъ оскорбленіе, пущенную вами сплетню, самый некрасивый поступокъ, но обличеніе въ печати ни за что и никогда.

— Ложь и самая наглая ложь царитъ въ корреспонденціяхъ,—утверждаетъ мой собесѣдникъ.

— Вы говорите — ложь; но, вѣдь съ этой ложью можно бороться.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ-же путемъ: путемъ печати. Пишите, опровергайте, доказывайте.

— То есть вы рекомендуете мнѣ окунуться въ туже вонючую лужу, изъ которой забрызгиваютъ грязью всѣхъ порядочныхъ людей?

— Если вамъ угодно называть такъ журналистику, то—да.

— Я не о журналистикѣ вообще говорю, а говорю о мѣстныхъ ея представителяхъ. Знаете-ли, кто корреспондируетъ изъ села N? Человѣкъ, дважды осужденный судомъ за подлогъ. Можно-ли такому человѣку вѣрить?

— Да, но вѣдь дѣло не въ соціальномъ положеніи пишущаго, а въ вѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній.

— Мерзко читать газету, когда знаешь, что въ ней пишутъ подобныя лица.

— Газета не можетъ наводить справокъ о полицейской благонадежности своихъ корреспондентовъ. Разъ не является опроверженій напечатаннаго, редакція вправѣ думать, что корреспондентъ пишетъ правду. Я былъ секретаремъ одной редакціи и вѣрите-ли, что изъ десяти присылаемыхъ возраженій только одно заслуживало вниманія.

— Рѣчное,—заявляетъ одинъ изъ офицеровъ, прерывая нашу бесѣду.

Въ густомъ туманѣ видны лишь пароходы „Амуръ“ и „Піонеръ“. Берега окончательно заволокло. Да, впрочемъ, и видѣть-то на берегу нечего, кромѣ зимней поч-

товой станціи. Года полтора тому назадъ нѣсколько дальше, близъ станціи Угловой поселились было крестьяне Черниговской губерніи, но, убѣдившись, что почва глиниста, перекочевали на другое мѣсто. Такъ побережье Амурскаго залива отъ полуострова Муравьевъ-Амурскій, вплоть до Мангугая, и остается пустыннымъ, хотя близость Владивостока и дѣлаетъ его въ извѣстномъ отношеніи весьма удобнымъ для поселенія. Берега Суйфуна изобилуютъ лѣсомъ, доставка котораго очень удобна. Но пока въ этой мѣстности существуетъ лишь одинъ пильный заводъ бывшаго механика, а нынѣ купца Өедорова, тутъ-же имъ построена и паровая мукомольная мельница. Весь каботажъ въ этой мѣстности производится на китайскихъ и корейскихъ баржахъ, называемыхъ „шаландами“. Такимъ образомъ, здѣсь могъ-бы развиться и каботажный промыселъ. Затѣмъ, нѣтъ недостатка въ этой мѣстности и въ сѣнокосахъ. Теперь все это ждетъ будущихъ переселенцевъ, которыхъ въ настоящее время направляютъ въ глубь страны въ мѣстности, лишенныя путей сообщенія, врачебной помощи, школы и даже церкви. Въ край прибываютъ исключительно землепашцы, а между тѣмъ, судя по двадцатилѣтнему опыту, будущность края, очевидно, заключается не въ земледѣліи.

Въ Рѣчномъ губернаторъ и его свита насъ покидаютъ. Опять мы одни, снимаемся съ якоря и идемъ

во Владивостокъ. Конецъ плаванію, опять потянется однообразная жизнь въ ожиданіи парохода, который увезетъ навсегда изъ Южно-Уссурійскаго края. И будетъ только вспоминаться все видѣнное и слышанное: лишенная растительности бухта Новгородская и администраторъ, мечтающій перенести въ нее Кронштадтъ, жалкія солдатскія мазанки, неприглядный туманъ, среди котораго прожектеры собираются развить разведеніе виноградниковъ, шелководство и выдѣлку розоваго масла. Много еще путниковъ увидятъ и опишутъ все это, но не скоро ихъ писаніе осилитъ ту ложь, которая господствовала и господствуетъ въ краѣ.

ВЪ ЯПОНСКОМЪ ГОРОДѢ.

I.

Многіе сравниваютъ современную Японію съ Россіею временъ Петра Великаго. Такое сравненіе не только рискованно, но прямо показываетъ, какъ мало у насъ знаютъ объ этой, положительно замѣчательной, странѣ. Реформа Петра была дѣломъ, преимущественно, его и той небольшой кучки людей, въ которой, вопреки всему окружающему, смутно зарождались идеи, что жить по старому нельзя, что необходимо измѣнить старый порядокъ.

Народъ въ реформахъ Петра не участвовалъ и, спустя даже двѣсти лѣтъ, лишь въ слабой степени соприкоснулся съ тою жизнью, которая была создана этими реформами. Нынѣшній микадо, прежде всего, не Петръ, а реформаторъ другой категоріи. Японскія реформы вызваны самимъ народомъ, и микадо лишь проявилъ въ нихъ истинное пониманіе народныхъ нуждъ

и политическій тактъ умнаго человѣка, сознавшаго, что путемъ уступокъ духу времени онъ можетъ создать свою истинную власть, а не ту номинальную, которую онъ дѣлилъ съ тайкуномъ и феодальнымъ дворянствомъ. Это замѣтно въ Японіи на каждомъ шагу и, между прочимъ, въ Нагасаки, пребываніе въ которомъ и составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Среди японской массы положительно не встрѣчаешь того консерватизма, который свойственъ всѣмъ остальнымъ народамъ въ мірѣ или, лучше сказать, тому классу общества, который у насъ пріобрѣлъ довольно глупую кличку „простаго". Приписать это слѣдуетъ тому, что, прежде чѣмъ европейская цивилизація коснулась Японіи, въ этой странѣ была самостоятельная, весьма равномѣрно распредѣленная и, притомъ довольно высокая, хотя и оригинальная, культура. Положеніе японской женщины издавна походило па положеніе ея въ европейскихъ культурныхъ классахъ, грамотность была достояніемъ всей массы; японцы имѣли и имѣютъ народный театръ, гдѣ каждый простолюдинъ могъ знакомиться съ исторіей своего народа; торговля и ремесла процвѣтали чуть-ли еще не тогда, когда не только славяне, но и германцы были исключительно звѣроловами. Японскій торговецъ, извощикъ (дженерикша), ремесленникъ, даже мало тронутый европейской цивилизаціей, производитъ впечатлѣніе гораздо болѣе куль-

турнаго человѣка, чѣмъ замоскворѣцкій купецъ, хотя и ѣстъ палочками и сидитъ на корточкахъ. Вы можете спокойно идти въ какую угодно толпу, и васъ никто не толкнетъ, ужъ не говоря о томъ, что не вымажетъ краской, дегтемъ или саломъ, какъ это случается на тѣхъ петербургскихъ улицахъ, гдѣ преобладаютъ „простолюдины". Японецъ, даже чернорабочій, вѣжливъ, какъ аристократъ, и, какъ аристократъ, чистоплотенъ, хотя и мажется кокосовымъ масломъ. Я не встрѣчалъ на улицахъ Нагасаки ни одного оборванца, не видалъ заскорузлыхъ отъ грязи рукъ ни у одного угольщика. На нашемъ пароходѣ грузили уголь, и какъ только работа кончалась, всѣ работники немедленно купались и отправлялись домой, уже обмывши угольную пыль. Въ Нагасаки есть извѣстный мастеръ черепаховыхъ издѣлій Ясаки; чистотѣ его мастерскихъ могутъ позавидовать многія гостинныя. Самъ онъ является на пароходы настоящимъ франтомъ: въ безукоризненномъ бѣльѣ, выбритый и вымытый, въ бѣлыхъ брюкахъ безъ малѣйшаго пятнышка. Запросить онъ запроситъ, но никогда не подсунетъ вамъ поддѣлки, вмѣсто настоящей черепахи. Надо видѣть, какъ онъ любезенъ съ дамами. Для нихъ онъ броситъ самаго выгоднаго покупателя и бросится за стуломъ или угощеніемъ.

— Ясаки получи сто долларовъ — мнѣ некогда,— торопитъ покупатель.

— Извините, но вотъ госпожа желаетъ видѣть шпильки:

— Ну такъ я покупать не буду.

— Извините, но я долженъ показать госпожѣ,—и Ясаки забываетъ даже корыстолюбіе, чтобы остаться джентльменомъ по отношенію къ дамѣ.

Если вы вошли съ дамой въ любую лавку, даже въ такую, гдѣ ей нечего покупать, купецъ, прежде чѣмъ спросить, что вамъ угодно, принесетъ для вашей спутницы стулъ.

— Ясаки, это слишкомъ дорого: я вамъ дамъ половину,—говорите вы.

Нашъ апраксинецъ отмочитъ вамъ иногда и дерзость, англійскій купецъ не станетъ и говорить.

— Извините, господинъ, очень совѣстно, никакъ нельзя,—извиняется Ясаки.

Это, можетъ быть, и купеческая уловка, но уловка, все таки культурная и не похожая на фразу: „да есть-ли у васъ деньги-то? много васъ шляется да смотритъ“. Я многократно заходилъ въ японскія лавки, разсматривалъ вещи и на вопросъ, что я желаю, объяснялъ, что хочу ознакомиться съ товарами; ни одинъ купецъ не выказывалъ неудовольствія, видя, что я иностранецъ, и весьма любезно объяснялъ мнѣ, чрезъ переводчика и жестами, употребленіе разныхъ предметовъ. Развѣ это не культура?

Нашъ пароходъ пришелъ въ Нагасаки на разсвѣтѣ. Туманъ, какъ газомъ окутывалъ городъ и деревню Иносу. Во Владивостокѣ, откуда мы шли, носились страшные слухи о холерѣ, свирѣпствующей въ Нагасаки. Рейдъ былъ пустъ; ни одного военнаго судна, только коммерческія японскія. Не успѣли мы бросить якорь, какъ уже пароходъ былъ окруженъ цѣлой флотиліей „фунешекъ“.

Тутъ и прачки, и портные-китайцы, и продавцы зелени. Все это машетъ шляпами, кланяется и что-то кричитъ, готовое ринуться на палубу и начать, присѣдая и улыбаясь, предложеніе услугъ. Но, увы, трапы были подняты, и капитанъ издалъ строгій приказъ никого не впускать и не спускать до полученія отъ нашего консула свѣдѣній о холерѣ.

Надо сказать, что приходъ русскаго судна въ Нагасаки—это цѣлое событіе. Въ этомъ городѣ нѣтъ, кажется, ни одного человѣка, который-бы чѣмъ-нибудь не торговалъ. Кто у нихъ покупаетъ, гдѣ потребители этихъ полутораста тысячъ производителей и торговыхъ посредниковъ? — это тайна, которой я не могъ рѣшить во время моихъ двукратныхъ стоянокъ въ Нагасаки. Одно для меня несомнѣнно — это то, что никто не оставляетъ въ этомъ городѣ столько денегъ, какъ мы, русскіе: ни одно наше судно не уйдетъ, не оставивъ тысячу, а то и двѣ долларовъ и не увезя съ

собою разныхъ вазъ, а также черепаховыхъ и лакированныхъ издѣлій. Понятно, что не успѣетъ русскій пароходъ кинуть якорь, какъ уже вокругъ него образуется цѣлый пловучій базаръ, а на палубѣ, въ коридорахъ и каютахъ шнырлютъ японцы съ рекомендаціями и товарами въ рукахъ.

— А господинъ!—привѣтствуетъ „знаменитый купецъ,“ Ямамото, узнавшій меня даже чрезъ полтора года.

— Ну, что холера? много умерло?—сыплются вопросы пассажировъ и офицеровъ.

— Прошла, да и болѣлъ одинъ простой народъ,—кричатъ въ отвѣтъ.

— Командиръ вернулся съ берега,—проносится радостное извѣстіе.

Оказалось, что холера дѣйствительно уже прекратилась, и что вообще эпидемію раздули господа корреспонденты. Холерная эпидемія въ Нагасаки—такое-же ежегодное явленіе, какъ тифъ и дифтеритъ въ Петербургѣ. Виною этому, кажется, чрезмѣрная скученность и культура полей, хотя и восхищающая агрономовъ, но основанная на удобреніи совершенно необработанными экскрементами, которые во время лѣтнихъ жаровъ заражаютъ воздухъ. Господа „скоропанденты“ могли-бы привыкнуть къ этому явленію, но страстишка сообщить сенсаціозное извѣстіе и надѣлать шуму беретъ верхъ.

II.

Въ ожиданіи завтрака, я предложилъ своему спутнику, ротмистру Б., прогуляться въ Иносу. Какъ водится, наняли фуне и высадились около бывшей русской больницы, которая, кажется, окончательно закрыта. Въ первое мое путешествіе я хотя и былъ въ Иносѣ, но самой деревушки не осматривалъ, а потому и предложилъ Б. пройтись по улицамъ, которыя оказались довольно грязными и вонючими. Дѣйствительно, живописнымъ и чистенькимъ уголкомъ является гостинница Оя-санъ, гдѣ располагаются русскіе офицеры во время стоянки судовъ. Иноса давно уже излюблена нашими моряками и въ силу этого получила даже названіе „русской деревни въ Японіи", хотя, собственно говоря, русскаго въ ней ничего нѣтъ. Обойдя деревушку, мы отправились на кладбище, а по дорогѣ завернули во дворъ буддійскаго храма, гдѣ помѣщается нѣсколько древнихъ, весьма грубыхъ каменныхъ изваяній и виситъ довольно большой мѣдный колоколъ. Самый храмъ былъ запертъ. Онъ великъ, но построенъ изъ дерева. Чистота во дворѣ храма — положительно голландская, могущая поспорить съ аллеями царскосельскаго парка. Впрочемъ, японцы содержатъ чисто не только дворы храмовъ, но и своихъ жилищъ. Нигдѣ вы у нихъ не найдете ни грудъ кирпичей, ни разлитыхъ помой, ни

остатковъ отъ вчерашняго обѣда. Японскій дворикъ, — это усыпанный пескомъ, миніатюрный садикъ, въ который любо заглянуть. На кладбищѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ покоятся и буддисты, и православные, и католики, и протестанты. Рядомъ съ музыкантомъ французскаго военнаго фрегата, родившимся гдѣ нибудь на берегахъ Сены или въ Нормандіи, лежитъ англійскій лейтенантъ, выросшій на Темзѣ и въ чаду Шеффильда, а въ нѣсколько шагахъ отъ нихъ уроженецъ и житель Иносы. И надъ всѣми одинаково склоняются мирты и высятся красивыя южныя сосны. Начитавшись, вдоволь, именъ, фамилій и эпитафій, мы углубились въ сосѣднюю рощу, а затѣмъ принялись взбираться по каменистой тропинкѣ на гору, на вершинѣ которой оказалась небольшая часовенька или — вѣрнѣе — божничка, украшенная цвѣтами, воткнутыми въ вазочки и бутылочки, тряпочками и миньятурными моделями воротъ. Передъ божничкой стояли ворота въ ростъ человѣка и каменный, не то жертвенникъ, не то сосудъ для воды. Обернулись назадъ и остолбенѣли, глядя на раскинувшуюся у нашихъ ногъ панораму города, бухты съ пароходами и зеленѣющихъ полей и огородовъ. Мнѣ, почему то, припомнилось, что еще первобытные люди ставили свои жертвенники и кумирни на вершинахъ горъ, и я нашелъ, что они далеко не были тѣми дикарями, лишенными всякой поэзіи, какими ихъ рисуетъ „стро-

гая наука“. На языкѣ уже завертѣлись фразы о зарожденіи культуры, искусства, религіи, но замерзли — такъ хорошо было все кругомъ.

— Знаете, что? посидимъ, — предложилъ Б.: — въ Петербургѣ вы ужъ не увидите такой благодати. Здѣсь какъ-то все и вся забываешь.

Я, конечно, не отказался и расположился на жертвенникѣ, закуривъ папироску. Б. такъ разнѣжился, что снялъ китель и повѣсилъ на ворота кумирни.

— А хорошо, расфилософствовался я, — что есть еще на земномъ шарѣ такіе уголки, которыхъ не коснулась современная культура, гдѣ все осталось какъ было, можетъ-быть тысячу лѣтъ тому назадъ.

— Какъ вамъ сказать? да, хорошо. Я самъ люблю старину.

— И знаете, что? сидя вотъ здѣсь, у этого языческаго капища, невольно даже приходитъ въ голову, счастливѣе-ли стали люди, благодаря успѣхамъ прогресса, или нѣтъ. Вѣдь есть же философія, отрицающая цивилизацію. Несомнѣнно одно, что самая благодѣтельная вещь — освобожденіе нашей мысли. Японецъ, повѣсившій обрѣзки своего платья, навѣрное боится и трепещетъ предъ здѣшнимъ богомъ, а я вонъ обкуриваю его кушнаревскимъ табакомъ.

— Что это вы расфилософствовались, да еще въ разрѣзъ вашимъ постояннымъ взглядамъ? усмѣхнулся Б.

— А и въ самомъ дѣлѣ давайте лучше любоваться чудной картиной. Вотъ-бы куда заглянуть нашимъ художникамъ, а то эти вѣчныя: Алупка ночью, Алушта вечеромъ, Ѳеодосія на закатѣ — набили оскомину.

— Ну, вотъ!

— Право, надоѣли, и надоѣли не потому, что въ нихъ нѣтъ поэзіи, а потому, что ихъ прямо на заказъ стали малевать для всякихъ Тарочешниковыхъ и украсили ими не только каждую зажиточную мѣщанскую гостинную, но даже разныя биргалки, въ видѣ олеографій. Налюбовавшись вдоволь панорамой, мы принялись спускаться внизъ и, очутившись вновь на кладбищѣ, рѣшились избрать иной путь для возвращенія. Какъ ни обдавало насъ, подчасъ, разными запахами, но, сравнивая русскія деревни, даже пригородныя, съ Иносою, — выводъ приходилось дѣлать не въ пользу первыхъ. Повсюду на спускахъ сдѣланы каменныя лѣсенки, овраги обсажены живою изгородью, дворы и дорожки подметены, нѣтъ недостатка и въ садикахъ и цвѣтникахъ. Любовь къ садоводству — это національная черта японцевъ, какъ и нашихъ малороссовъ.

III.

Нагасаки для европейцевъ — сплошной музей, не смотря на вполнѣ европейскія зданія почты, телеграфа, таможни, суда и банка, на американскій покрой мун-

діровъ таможенныхъ чиновниковъ и на европейскіе товары многихъ лавокъ, старая, дореформенная Японія не утратила своихъ слѣдовъ. Бритый Бонза въ желтомъ хитонѣ неприкосновенно сохранился въ томъ видѣ, какъ и его предшественники, жившіе тысячу лѣтъ тому назадъ. Еще масса женщинъ чернитъ себѣ зубы, брѣетъ брови и поголовно всѣ щеголяютъ въ національныхъ керимонахъ и сандаліяхъ. Мужчины далеко не такъ консервативны въ одеждѣ: хотя почти всѣ сохранили свои халаты, но сплошь и рядомъ на ногахъ у халатника красуются европейскія ботинки и брюки наваринскаго дыма съ пламенемъ, а на головѣ цилиндръ или модный котелокъ. Европейскій костюмъ вообще плохо усвоивается японцами.

Мнѣ разъ попался номеръ іокагамскаго французскаго каррикатурнаго листка, гдѣ былъ изображенъ японскій франтъ, дѣлающій визиты. На головѣ клякъ съ нерасправившимися складками, фракъ совершенно невозможнаго покроя, двѣ нижнія пуговицы жилета растегнуты, брюки дыбятся къ верху, а носки спустились на башмаки. Говорятъ, что каррикатура эта не болѣе, какъ фотографическое изображеніе дѣйствительности; но въ Нагасаки такихъ франтовъ еще не завелось.

Постройка домовъ въ Нагасаки, равно какъ и убранство тоже дореформенныя, хотя въ обиходъ уже и входятъ керосиновыя лампы, стѣнные часы и разная евро-

пейская утварь. Судя по лавкамъ, у японцевъ уже вошло въ употребленіе много предметовъ европейскаго производства, такъ какъ не можетъ быть, чтобы цѣлыя сотни лавокъ имѣли въ виду лишь однихъ европейцевъ.

Какіе изъ магазиновъ дѣйствительно роскошны—это фарфоровые. Лучшій изъ нихъ это Децима-базаръ. Глаза разбѣгаются, глядя на цѣлыя богатства въ видѣ огромныхъ вазъ, сервизовъ и колоссальныхъ блюдъ. Но самыя лучшія, самыя цѣнныя вещи очень скромны—это фарфоръ „сатцума", на которомъ вы не увидите ни яркихъ красокъ, ни сплошной позолоты. Знатоки ихъ-то и покупаютъ, а большинство бросается на дрянцо, которое имѣетъ единственное достоинство—оригинальность. Хорошихъ лакированныхъ издѣлій въ Нагасаки вы не найдете: ихъ надо покупать въ Іокагамѣ или Токіо. Европейское вліяніе сказалось и въ фарфоровыхъ и лакированныхъ издѣліяхъ: способъ выдѣлки, стиль и характеръ сохранились неприкосновенными, но назначеніе многихъ предметовъ чисто европейское.

Покончивъ съ завтракомъ, я отправился въ городъ, въ качествѣ кавалера одной изъ нашихъ пассажирокъ. Эта роль, можетъ быть, и пріятна въ знакомомъ городѣ, но ужь никакъ не тамъ, гдѣ на каждомъ шагу открывается широкое поле для наблюденія. Моя спутница ѣздила за покупками, а потому надо было торо-

питься, переходить изъ магазина въ магазинъ, тогда какъ хотѣлось-бы остановиться предъ какой-нибудь народной сценой, зайти въ храмъ или полюбоваться обвитой плющемъ, полуразвалившейся мельницею. Говорю это, конечно, не въ видѣ упрека моей милой и любезной спутницѣ, а лишь въ оправданіе того, что многое ускользнуло отъ моей наблюдательности.

Начали мы свое странствованіе уже съ знакомаго читателямъ Ясаки, или, какъ его японцы называютъ по русски, „черепахи-человѣка“. По японски мастеръ черепаховыхъ издѣлій—черепаха-человѣкъ, плотникъ и столяръ — дерево-человѣкъ и т. д. Ясаки, какъ любезный человѣкъ, немедленно принялся угощать насъ зеленымъ чаемъ, засахаренными мандаринами и бисквитами изъ тѣста и желтковъ. Такое гостепріимство не мѣшало ему страшно запрашивать и затѣмъ, послѣ долгихъ дебатовъ, уступать за половину. Ясаки собирался вечеромъ ѣхать въ Токіо на выставку, куда везъ, какъ экспонентъ, двѣ художественныхъ клѣтки. Болѣе искусной рѣзьбы мнѣ не приходилось видѣть: палочки клѣтки обвивались живымъ плющемъ и виноградомъ, и иллюзіи мѣшалъ только черный и желтый цвѣтъ листьевъ. Тутъ уже не было ремесла; я видѣлъ предъ собою работу артиста-художника. Но засиживаться было нельзя, и мы двинулись. Японскія лавки столько разъ описывались, что стали всѣмъ хорошо извѣстны. Японцы не

находятъ нужнымъ измѣнять ихъ устройство, и лишь большіе магазины, какъ Ямакура, Ногуши, перенесли центръ своей торговли во вторые этажи изъ совершенно открытыхъ помѣщеній перваго. Рѣшительно во всѣхъ большихъ магазинахъ понимаютъ и объясняются по русски, — а что главное — принимаютъ наши бумажки. Каждый купецъ, окончивъ торгъ, считаетъ долгомъ сдѣлать покупателю подарокъ, въ видѣ, конечно, какой-нибудь бездѣлки. Мнѣ это напомнило обычай гельсингфорскихъ купцовъ.

По части европейскихъ товаровъ, большой успѣхъ сдѣлала виноторговля: почти на каждомъ шагу попадаются ренсковые погребки съ англійскими вывѣсками. Англичане по части спаиванія большіе мастера, но не знаю, на сколько они успѣли въ этомъ отношеніи одержать побѣду надъ японцами. Лично я въ Нагасаки не видалъ ни одного пьянаго, вѣроятно, потому что на рейдѣ не было европейскихъ судовъ, а съ нашего никого изъ команды и изъ третье-классныхъ пассажировъ на берегъ не спускали, въ виду холеры. Затѣмъ, въ большомъ ходу европейская обувь, женскіе платки и всевозможныя мужскія шляпы. Все это не только вывозится изъ Европы, но и фабрикуется въ самой Японіи и сдѣлалось даже предметомъ снабженія Владивостока. По части переимчивости въ ремеслахъ и фабричныхъ производствахъ, японцы оказываются весьма способными.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Владивостока были выписаны русскіе печники; теперь-же Японія имѣетъ своихъ, которые ничѣмъ не уступаютъ нашимъ. Даже на казенныхъ заводахъ и докахъ японскіе инженеры и техники вытѣснили иностранцевъ и, вѣроятно, чрезъ нѣсколько лѣтъ иностранные инженеры въ Японіи сдѣлаются такою-же рѣдкостью, какою были нѣсколько времени тому назадъ, русскіе техники на нашихъ заводахъ. Лѣтъ десять назадъ, на государственной службѣ насчитывались тысячи разныхъ спеціалистовъ, теперь вы не найдете ихъ и сотни. Тутъ, конечно, сказывается не одна способность и переимчивость японскаго народа, но и патріотизмъ японскаго правительства, старающагося дать ходъ „своимъ“ и не желающаго кормить иностранца. Набѣгавшись по магазинамъ и исколесивъ всѣ главнѣйшіе кварталы города, мы отправились съ моей спутницей на пароходъ. Тамъ шелъ начавшійся еще съ утра торгъ, кончившійся лишь съ закатомъ солнца. Передъ чаемъ, какъ и обыкновенно, раздались свистки на общую молитву. Есть что-то особенное въ этомъ религіозномъ обрядѣ, когда онъ совершается въ открытомъ морѣ, подъ шумъ волнъ, разбивающихся о борты парохода. Мнѣ каждый разъ, когда раздавалось пѣніе хора и звуки молитвы неслись въ безконечную даль, припоминалась извѣстная картина Бронникова: „Гимнъ пифагорейцевъ“. Невольно проникался я ста-

рымъ религіознымъ чувствомъ дѣтства, когда умъ не мучили сомнѣнія, когда не было знакомо даже самое слово „отрицаніе". Не даромъ всѣ пассажиры, безъ различія вѣроисповѣданій, присоединялись обыкновенно къ матросской группѣ, хотя являться на молитву ни для кого не было обязательно.

— Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа!—возгласилъ начало молитвы судовой монахъ.

— Аминь — отвѣчалъ хоръ, и среди буддійскихъ храмовъ раздалась молитва Господня.

Кончилась молитва, загремѣли въ рубкѣ стаканы и ложки. А изъ за горъ стала подниматься яркая южная луна. Съ берега доносились крики разнощиковъ. Береговыя гостинницы, портерныя и кабачки горѣли огнями. Мало по малу, жизнь стихла и на пароходѣ, и вокругъ; только мечтательная пассажирка г-жа Ш. громкими вздохами восторга старалась высказать свою поэтическую натуру. Впрочемъ, и дѣйствительно было хорошо: нагасакская бухта — одна изъ живописнѣйшихъ въ свѣтѣ; правда, въ ней нѣтъ роскошныхъ дворцевъ Золотаго Рога, нѣтъ Везувія, нѣтъ даже амфитеатра каменныхъ домовъ Гонконга, но зато есть ласкающая привѣтливая природа Японіи. И долго я любовался съ кормы гладкою поверхностью воды, отражавшей лунный свѣтъ, и черными силуэтами горъ, деревьевъ и домовъ. Подсѣлъ ко мнѣ и ротмистръ Б. Стали вспо-

минать сѣрую будничную жизнь южно-уссурійскаго края, которая представлялась такимъ контрастомъ съ окружающимъ.

— А знаете, — сказалъ ему я, — какъ ни хорошо здѣсь, а жить въ Японіи я бы не согласился.

— Почему?

— Да потому, что жить можно лишь въ привычной средѣ. Людей здѣсь нѣтъ—тѣхъ людей, съ которыми привыкъ и идти рука объ руку, и бороться, съ которыми въ одно вѣришь и одно ненавидишь. Вѣдь невозможно же жить одной природой, да книгами.

IV.

Не успѣлъ я на другой день одѣться и напиться чаю, какъ уже въ корридорѣ наткнулся на нѣсколькихъ японцевъ. Пароходъ нашъ былъ положительно взятъ на абордажъ торгашами. Около моей каюты, которую я раздѣлялъ съ петербургскимъ чиновникомъ К. и докторомъ Б., нагромоздили цѣлую гору разныхъ ящиковъ. Въ каютѣ нельзя было повернуться отъ покупокъ моихъ сожителей. Ясаки, въ коротенькомъ пиджачкѣ и бѣломъ галстукѣ, уже вертѣлся въ рубкѣ, присѣдалъ, улыбался и что то записывалъ въ свою записную книжку. Я видѣлъ, что о чтеніи или кейфѣ на пароходѣ не можетъ быть и рѣчи, и потому предложилъ ротмистру Б. снова отправиться на берегъ.

Начали опять съ лавокъ и потратили на нихъ большую часть дня. Шатаясь по лавкамъ, наткнулись на японца въ бѣломъ кериемонѣ и съ головою, накрытою корзинкой. Онъ ходилъ отъ дома къ дому и, останавливаясь у порога, игралъ на дудочкѣ, пока ему не подавали милостыню. Дженерикша объяснилъ мнѣ, что онъ сбираетъ на арестантовъ; но, кажется, это былъ просто монахъ.

Окончивъ покупки, мы отправились осматривать храмы. Число послѣднихъ въ Нагасаки крайне велико: есть даже цѣлая улица храмовъ, сзади которыхъ по склонамъ горъ расположено кладбище. Всѣ лавочники этой улицы торгуютъ искусственными и натуральными цвѣтами, что мнѣ напомнило въѣзды въ наши петербургскія кладбища. Для осмотра мы выбрали первый попавшійся храмъ и принялись подниматься въ него по широкой каменной лѣстницѣ, порядкомъ почернѣвшей отъ дождя и, повидимому, видѣвшей на своемъ вѣку дясятки поколѣній. Лѣстница имѣетъ три площадки; на второй изъ нихъ помѣщается нѣсколько могилъ съ памятниками въ видѣ каменныхъ изваяній человѣческихъ фигуръ, на подобіе тѣхъ, какія мы видѣли во дворѣ храма въ Иносѣ. — Японски помирайски, — объяснилъ намъ дженерикша, желая весьма оригинально перевести слово „могила“.

Съ этой же площадки особая лѣстница ведетъ въ

стоящую отдѣльно, довольно большую часовню, гдѣ помѣщается огромное мѣдное изваяніе Будды, выходящаго, повидимому, изъ цвѣтка Лотоса. На лицѣ идола, несмотря на неособенно художественную работу, такъ и написана та созерцательная праздность и аскетическая тупость, которую проповѣдуютъ послѣдователи знаменитаго Шакья-муни. Впрочемъ, другихъ изваяній Будды, кромѣ созерцающихъ, я и не видѣлъ, да, вѣроятно, другихъ и не существуетъ, такъ какъ идеалъ истинно святой жизни для буддиста есть жизнь одинокая, уединенная и созерцательная. Мрачный идеалъ мрачной религіи! Можно сказать навѣрное, что о Шакья-муни никто не напишетъ такихъ строкъ, какъ тѣ, въ которыхъ излагаетъ значеніе другаго учителя французскій мыслитель, говоря, что онъ „никогда не отойдетъ въ вѣчность“, что „его культъ вѣчно будетъ обновляться, а его легенда безъ конца станетъ вызывать слезы изъ самыхъ прекрасныхъ глазъ“. Осмотрѣвъ часовню, мы поднялись въ храмъ. Онъ довольно обширенъ, но добрая его часть занята жильемъ монаховъ. Алтарь выше остальной части и отдѣляется стѣною, въ родѣ нашего иконостаса; передъ жертвенникомъ, на которомъ стоитъ идолъ и разставлены въ канделябрахъ и подсвѣчникахъ свѣчи и курильницы, — большія двери, а предъ послѣдними виситъ нѣчто, въ родѣ бронзоваго балдахина, съ много-

численными привѣсками, придающими ему видъ нашего паникадила. На возвышеніе насъ не пустили. Буддійскіе храмы, повидимому, не всѣ одинаковы. Въ Коломбо святилище — закрытое помѣщеніе; въ немъ нѣтъ ничего похожаго на иконостасъ, и въ него пускаютъ даже иностранцевъ. Видѣнный мною китайскій храмъ въ Сингапурѣ очень напоминалъ католическую церковь, а описываемый, по своему устройству, нѣсколько похожъ на православный. Разсматривая этотъ храмъ отживающей уже въ Японіи религіи, адептовъ которой чуть не ежедневно отвоевываютъ христіанство и наука, я невольно вспомнилъ, столь-же полныя пессимизма, какъ и буддизмъ, слова Гамлета:

«Кто поселялъ въ народахъ страхъ,
«Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли—
«Великій Цезарь—нынѣ прахъ,
«И имъ замазываютъ щели!

Пройдетъ сто лѣтъ, и Будда, котораго тупое выраженіе я разсматривалъ, пойдетъ на кастрюли и дверныя ручки, или—самое большое—займетъ мѣсто въ музеѣ рядомъ съ египетскими муміями и плитами клинообразныхъ письменъ. Нирвана—это искупленіе отъ смерти—хуже самой смерти: это небытіе, отрицающее и безсмертіе христіанства, и безсмертіе культа человѣчности, которое проповѣдывалъ творецъ позитивной философіи. Если бы всѣ были Гамлетами или точ-

ными послѣдователями Шакья-муни, не стоило бы жить на свѣтѣ; но нѣтъ, жить стоитъ—это мнѣ нашептывала вѣчно юная природа чудной южной страны, когда я спускался изъ храма пессимизма и жизнененавистничества, повергшихъ эту страну въ застой и неподвижность, пока не пришла культура инаго міра и не сказала Нирванѣ словами своего учителя: „гряди вонъ".

Не успѣли мы сѣсть въ колясочки нашихъ дженерикшъ, какъ вдали показалась похоронная процессія, не посмотрѣть которую было бы грѣхомъ. Впереди несли двѣ бѣлыхъ хоругви, фонари и какія-то кадильницы. Затѣмъ шли въ бѣлыхъ костюмахъ, попарно, дѣти съ цвѣтами въ рукахъ. За ними — бонзы. Рядомъ съ гробомъ шла, вѣроятно, вдова—молодая и очень миловидная женщина, также вся въ бѣломъ. Бѣлый цвѣтъ преобладалъ и въ одеждѣ провожатыхъ, какъ цвѣтъ японскаго траура. Гробъ некрашенный, испещренный весьма красивой рѣзьбой; онъ имѣлъ форму паланкина, такъ какъ японскіе покойники помѣщаются въ гробахъ сидя. Японцы ужасно любятъ цвѣты. Въ новый годъ они убираютъ ими свои жилища и, если нѣтъ живыхъ цвѣтовъ, замѣняютъ искусственными.

Цвѣты и птицы — излюбленные рисунки на ширмахъ, на матеріяхъ, фарфорѣ и лакированныхъ издѣ-

ліяхъ. Какъ хотите, а это признакъ поэтичности натуры. Китайцы живутъ также среди роскошной природы; природа Цейлона и Индіи несравненно роскошнѣе Японской, но китаецъ дошелъ только до украшенія фонарями и разноцвѣтными бумажками, а Индусъ всюду лѣпитъ слоновъ, т. е. самую неизящную и неуклюжую фигуру. Изящество натуры сказывается и въ выборѣ цвѣтовъ для матерій: японскія аристократки не носятъ другихъ керимоновъ, кромѣ черныхъ; въ костюмахъ средняго и низшаго классовъ преобладаетъ синій цвѣтъ. Большіе мастера японцы по части сочетанія красокъ. Китаецъ, сплошь и рядомъ, соединяетъ желтое съ зеленымъ, красное съ оранжевымъ; японцы сочетаютъ краски такъ, что и европейскій художникъ не найдетъ къ чему придраться.

Пропустивъ мимо себя похоронную процессію, мы отправились домой. Хотѣлось осмотрѣть еще другіе храмы, но часовая стрѣлка была неумолима и показывала, что мы рискуемъ остаться безъ обѣда.

V.

Наши пассажиры только и знали, что рыскали по лавкамъ. Куда не отправишься кататься по городу, всюду встрѣчаешь вереницу дженерикшъ, везущихъ пароходныхъ дамъ и ихъ кавалеровъ, съ пакетами, ящиками и коробками. Мнѣ эта манія такъ надоѣла,

что я рѣшился странствовать одинъ. Дженерикши такъ привыкли, что русскій ѣдетъ непремѣнно въ лавки,— что, бывало, изумлялись, когда я приказывалъ возить себя просто по городу и именно по такимъ кварталамъ гдѣ нечего покупать. Дѣйствительно, мы, русскіе, удивительно нелюбознательный народъ. Я зналъ во Владивостокѣ многихъ, которые проводили въ Нагасаки по полугоду и ни разу не заглянули въ японскій судъ, не осмотрѣли ни одного храма, кромѣ главнаго-Осува, не были ни въ одной школѣ. Заговоришь обыкновенно о Нагасаки, и все сводится къ „чайнымъ домамъ", къ тому, что иносинская красавица Ойя-санъ играетъ въ стуколку и штосъ, да къ гостинницѣ Эврика. А между тѣмъ разсказчики владѣли англійскимъ языкомъ, при помощи котораго въ Японіи можно познакомиться со многимъ, чего нельзя узнать, не владѣя этимъ языкомъ.

Что хорошо въ Нагасаки — это мостовыя. Нѣтъ ни одной захолустной улицы, ни одного переулочка, которымъ-бы, по части мостовыхъ, не позавидовалъ петербуржецъ. Впрочемъ, надо сказать, что японскія мостовыя не требуютъ почти никакого ремонта: Нагасаки совершенно не знаетъ конной ѣзды; во всемъ городѣ, какъ говорятъ, существуютъ лишь двѣ лошади, и перевозка, даже тяжести, совершаются при помощи людей. Надо удивляться, глядя на японскихъ дженерикшъ, способныхъ по нѣскольку часовъ, почти безъ отдыха,

бѣгать рысцой и катить колясочку иногда съ весьма грузнымъ пассажиромъ. Говорятъ, что есть дженерикши, которые дѣлаютъ по тридцати верстъ безъ передышки. Варварскій обычай — ѣздить на людяхъ, но онъ вызванъ необходимостью: отсутствіемъ въ краѣ лошадей. Разсказываютъ, что дженерикши недолговѣчны и рѣдко живутъ болѣе тридцати лѣтъ, но я самъ видѣлъ въ Нагасаки между ними сѣдовласыхъ старцевъ. Сами они, повидимому, совершенно довольны своей участью, вѣчно веселы и болтливы. Зайдешь въ магазинъ; дженерикша рѣдко станетъ отдыхать, онъ вертится около; если нужно, объясняется съ купцомъ въ качествѣ переводчика. Пойдете вы что нибудь осматривать, онъ принимаетъ на себя роль гида, бѣжитъ за вами по лѣстницамъ храма, карабкается по горамъ. Южная подвижная натура беретъ верхъ надъ усталостью и нечеловѣческимъ трудомъ. И все это дѣлается за какой нибудь долларъ, т. е. за два нашихъ рубля въ день и небольшую монетку въ видѣ pour — boire. Такова ужь такса, а всякія предписанія въ Японіи соблюдаются строго.

Кстати о предписаніяхъ. Въ Нагасаки почти не видно полицейскихъ, а между тѣмъ мнѣ ни разу, за два моихъ пребыванія въ этомъ городѣ, не приходилось видѣть уличныхъ дракъ; ни разу не приходилось видѣть, чтобы на мостовую выбрасывалась или вылп-

валась какая нибудь дрянь, какъ это практикуется, зачастую, даже въ Петербургѣ. Вообще я думаю, что японской полиціи приходится рѣдко составлять протоколы. Буйства въ Нагасаки бываютъ лишь, когда на рейдѣ стоятъ иностранныя военныя суда. Положительно приходится удивляться дисциплинѣ этого живаго народа. Это своего рода выработка соціальныхъ привычекъ. Мнѣ пришлось однажды наблюдать во Владивостокѣ весьма характерную сцену. Японецъ пришелъ къ офицеру за долгомъ.

— Денегъ у меня нѣтъ, а ты вотъ что, откупори-ка мнѣ эти бутылки съ пивомъ. Японецъ весьма любезно исполнилъ желаніе должника и смиренно помѣстился у дверей. Въ концѣ концовъ офицеру надоѣло присутствіе кредитора, и онъ велѣлъ его вытолкать вѣстовому. Всякій — другой — русскій, нѣмецъ полѣзъ бы непремѣнно въ драку, надѣлалъ бы крику и скандала. Японецъ безпрекословно повиновался и отправился въ полицію жаловаться.

Не встрѣчалъ я въ Нагасаки и праздныхъ зѣвакъ. Въ Гонконгѣ невозможно иностранцу зайти ни въ одинъ магазинъ, чтобы у дверей не собралась толпа любопытныхъ. Въ Нагасаки не бываетъ ничего подобнаго. Каждый японецъ знаетъ свое дѣло и занятъ имъ; если онъ идетъ по улицѣ, то тоже по дѣлу, а ужъ не станетъ останавливаться, чтобы позѣвать, какъ это въ

ходу у европейцевъ, особенно у жителей столицъ, и у близкихъ сосѣдей Японіи — китайцевъ. Ротмистръ Б. разгуливалъ по Нагасаки въ русской кавалерійской формѣ, и ни разу никто не обратилъ на него вниманія, тогда какъ у насъ образованная публика бѣгала въ Павловскѣ за прусскими офицерами, когда они явились въ формѣ на музыку. Но это происходитъ у японцевъ не вслѣдствіе апатіи и отсутствія любознательности, а просто въ силу житейскаго такта и деликатности, присущей даже простымъ ремесленникамъ.

Брандесъ разсказываетъ, что одинъ изъ членовъ китайскаго посольства въ Берлинѣ, знакомый съ нѣмецкимъ языкомъ, возмутясь тѣмъ, что выходъ его и его земляковъ на улицу постоянно сопровождался толкотней любопытныхъ, напечаталъ статью въ «Wochische Zeitung», въ которой выставилъ на видъ то мирное отношеніе, которое встрѣчаютъ, будто-бы, европейцы на улицахъ Китая, появляясь въ европейскихъ костюмахъ. Китаецъ обманулъ знаменитаго датскаго критика. Онъ, вѣроятно, вспомнилъ Японію и японцевъ. Насколько безопасенъ европеецъ въ Китаѣ, можно судить потому, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Шанхаѣ консулами были расклеены слѣдующія объявленія: „европейцы приглашаются не ходить въ китайскіе кварталы по случаю экзаменовъ у китайскихъ студентовъ, занимающихся разбоями и грабежемъ“.

Вообще надо сказать, что цивилизація и нравы Китая сильно отличаются отъ старыхъ нравовъ Японіи, какъ отличаются и сами китайцы отъ японцевъ, насколько я могъ замѣтить первыхъ въ Гонконгѣ, Сингапурѣ и Южно-Уссурійскомъ краѣ. Японцы гораздо симпатичнѣе китайцевъ, но, надо прибавить, только дома. Во Владивостокѣ ихъ главное занятіе — терпимый, но непокровительствуемый закономъ промыселъ. Въ Кореѣ они прославились политическимъ интриганствомъ, эксплуататорскими наклонностями и комичной претензіей разъигрывать роль европейцевъ. Это, можетъ быть, объясняется самолюбіемъ, свойственнымъ народу, только что вкусившему европейской цивилизаціи и стремящемуся разъигрывать первенствующую роль, подобно безбородому студенту, воображающему себя „мужемъ совѣта и разума“. Но право, это ужъ не такой грѣхъ, что-бы его не простить японцамъ. Да и кто не интриганилъ въ политикѣ? Кто не подставлялъ своимъ сосѣдямъ ножку въ экономическихъ сферахъ? Кто, наконецъ, не мнилъ себя первой націей въ мірѣ? Развѣ нѣмцы, разгромивъ французовъ и подвергнувъ канонадѣ ботаническій садъ, который щадили всѣ — не были смѣшны, разъигрывая въ синихъ прусскихъ мундирахъ роль культуртрегеровъ? И это народъ, изъ среды котораго вышли Кантъ и Гегель, Шиллеръ и Гете. Такъ ужъ юному въ цивилизаціи народу и Богъ проститъ, что

онъ иногда наряжается въ панцырь великана. Я каждый разъ прощалъ японцамъ сеульскую рѣзню восемьдесятъ четвертаго года, когда видѣлъ улыбающуюся, расплывшуюся въ олицетвореніе любезности, физіономію Ясаки или какого нибудь другаго нагасакскаго знакомца. Ужь на политическихъ-то злодѣевъ японцы похожи менѣе всего, хотя французскіе іезуиты и разсказываютъ, что они сбросили съ горы, Папенбергъ, находящейся у входа въ Нагасаки, 30,000 католиковъ. Іезуиты могли смѣшать это событіе съ Варфоломѣевскою ночью, когда католики вырѣзали протестантовъ. Впрочемъ, наружность бываетъ обманчива. Я видѣлъ карточку одной барыни, отравившей своего мужа; на этой карточкѣ была ангельская красота и воплощеніе любви.

Не могу не указать на одну особенность у японцевъ. Я уже сказалъ, что они лучше и скорѣй всего усвоили себѣ практическую и утилитарную сторону европейской цивилизаціи, не особенно гоняясь за усвоеніемъ нравовъ и привычекъ европейцевъ. Японскій судья, произнося приговоръ за столомъ, покрытымъ традиціоннымъ зеленымъ сукномъ, и примѣнивъ статью одного изъ самыхъ передовыхъ въ мірѣ уголовныхъ кодексовъ, — приходитъ домой, снимаетъ европейскій мундиръ и, усѣвшись въ керимонѣ на корточки, ѣстъ палочками рисъ и фруктъ „каки“ и запиваетъ рыбу „сагона“ вмѣсто шабли или сотерна, націо-

нальной рисовой водкой — „саки.“ Знатная японка танцуетъ на придворныхъ балахъ въ европейскихъ туфелькахъ кадриль и вальсъ, но рѣдко промѣняетъ свой, расшитый цвѣтами, керимонъ на стянутое въ таліи платье парижскаго фасона съ турнюрами и прочими мудреными принадлежностями туалета нашихъ барынь. Также мало плѣняются японцы и европейскимъ искусствомъ. До сихъ поръ они не завели современныхъ театровъ и довольствуются своей древней „сибая“, гдѣ пьесы тянутся по нѣсколько дней, актеры на сценѣ спятъ, ѣдятъ и, ради реализма, изображаютъ какъ герой распарываетъ себѣ животъ (въ реализмѣ они перещеголяли даже французовъ), а зрители пьютъ и ѣдятъ, продолжая созерцать трагедію. Въ Нагасаки нѣтъ ни одного японца, играющаго на европейскихъ инструментахъ, а въ Іокагамѣ кафе—шантаны посѣщаются почти исключительно европейцами. Японцы до сихъ поръ украшаютъ свои дома картинами безъ перспективы, и европейское искусство, по части живописи, находитъ пока-лишь потребителей фотографіи. Черта эта положительно непонятна въ народѣ, которому отнюдь не чуждо понятіе красоты и изящнаго.

VI

Мы только что отобѣдали, когда нашъ пароходъ сталъ сниматься съ якоря. Въ числѣ другихъ — вы-

шелъ и я, чтобы бросить послѣдній взглядъ на оригинальный и живописный городъ. Было жаль покидать любопытную страну, не узнавъ ея ближе, не изучивъ лучше ея быта. Надо удивляться, что европейцы слишкомъ мало ее изучаютъ, тратя силы и время на ознакомленіе съ разными дикарями—папуасами. А поучительнаго въ Японіи очень много.

Тихо поварачивался носомъ къ выходу изъ бухты нашъ пароходъ; вотъ дали „больше ходу", городъ сталъ исчезать въ дали и надвигавшихся сумеркахъ. Заблестѣли впереди маячные и створные огни, мрачно поднялся справа изъ воды угрюмый Папенбергъ, за нимъ еще промелькнуло нѣсколько острововъ, и среди ночной тьмы закачался пароходъ въ открытомъ морѣ. Мы усѣлись на кормѣ съ однимъ пассажиромъ пить пиво и закурили сигары. Бесѣда не клеилась—слишкомъ ужь хорошо было море, освѣщенное восходящей луною, а тихій мягкій вѣтерокъ нѣжилъ и ласкалъ, какъ любимая женщина. Мы чокались стаканами, но каждый думалъ о своемъ. Мнѣ невольно приходило въ голову, что среди этой природы человѣкъ долженъ быть и мягче и воспріимчивѣе. Нѣтъ здѣсь ни мороза, сдавливающаго мозгъ, ни палящаго зноя, убивающаго всякую энергію и задерживающаго мысль, — здѣсь вѣчное лѣто, вѣчная зелень, даже море какое-то ласковое. Японцы хорошо поняли значеніе климата и

охотно уступили Сахалинъ, устремивъ свои взоры на Корею. Они не станутъ колонизировать безплодныхъ мѣстностей, гдѣ не растетъ хлѣбъ, не станутъ строить разныхъ Петропавловсковъ, гдѣ прилично жить лишь камчадалу, да развѣ эскимосу.

— Здѣсь и море-то не такое, какъ на Сахалинѣ,— прервалъ мои размышленія одинъ изъ пассажировъ докторъ Ш.

— Да, вѣроятно, докторъ, и порядки тоже не Сахалинскіе?

— А вы думаете, что на Сахалинѣ есть порядки?

— А то какже? Худые-ли, хорошіе, а какіе нибудь да есть. Какже! чиновники есть, двойные прогоны и подъемныя существуютъ, образцовую каторгу пробуютъ, а порядковъ вдругъ нѣтъ? Это только во Владивостокѣ „климата нѣтъ“, такъ это потому, что администрація, самая прыткая, климата создать не можетъ. La fille la plus innocente ne peut donner, que ce du'elle a.

— А вонъ японцы на горахъ рисовыя болота дѣлаютъ.

— Такъ это японцы....

СИНГАПУРЪ.

Скучно на пароходѣ. Русская интеллигенція—наименѣе общительный народъ въ мірѣ, особенно провинціальная: происходитъ-ли это отъ разности образованія, а слѣдовательно и интересовъ, или отъ той бюрократической іерархіи, которая проникла насквозь всю провинціальную жизнь—рѣшить трудно. Въ силу этого свойства не клеится ничего и у насъ на пароходѣ: всякій живетъ особнякомъ или сближается только съ избранными. Скука, какъ непремѣнное условіе такой разобщенности, заставляетъ искать во всемъ развлеченія. Таковымъ является, между прочимъ, Павликъ, трехлѣтній или четырехлѣтній толстый и крѣпкій мальчуганъ, сынъ сапернаго солдата, идущаго въ запасъ на родину. Дѣти простолюдиновъ отличаются какою-то серьезностью. Некрасовъ очень мѣтко схватилъ своего „мужичка съ ноготокъ“. Такимъ именно „мужичкомъ съ ноготокъ“ обѣщаетъ быть года черезъ три и Пав-

ликъ. Онъ уже и теперь серьезенъ и даже бѣгаетъ и рѣзвится какъ-то особенно солидно.

— Павликъ, здраствуй!—обращается къ нему пассажиръ и Павликъ отдаетъ рукою честь, какъ солдатъ офицеру.

— Ну, хлопни ручкой, да хорошенько.

Павликъ хлопаетъ ручонкой, какъ это дѣлаютъ крестьяне при продажѣ.

Павликъ, конечно, никогда не плачетъ въ противоположность пассажирскимъ дѣтямъ, которыя, то и дѣло, задаютъ концерты и подымаютъ если не вой, то нытье изъ-за самыхъ пустяковъ.

Другая пассажирская забава—это домино. Съ восьми часовъ утра уже въ рубкѣ сидятъ игроки и раскладываютъ костяшки. Иной съиграетъ въ день до полсотни партій. Играютъ и на деньги и ради самолюбія.

Рѣдкій день обходится безъ ссоръ. Кто нибудь рѣзко отзовется о дѣтскомъ ревѣ и вотъ чадолюбивые родители подымаютъ съ обидчикомъ цѣлую баталію. Ссорятся и изъ-за мѣстъ за столомъ и изъ-за того, что кому-то не нравится табачный дымъ, и изъ-за того, что одинъ другому недостаточно скоро передалъ за обѣдомъ перецъ или горчицу. Неумѣніе жить въ обществѣ и отсутствіе житейскаго такта сказываются на каждомъ шагу.

Матросы и запасные нижніе чины живутъ и дружнѣе и веселѣе: у нихъ каждый вечеръ пѣсни, пищитъ и заливается скрипка. А то затѣятъ игры: или чехарду, или совершенно особенную. Сядутъ двое верхомъ на толстую палку и начнутъ сбивать другъ друга ударами подушки и по ногамъ, и по бокамъ и по головѣ. Хохотъ и замѣчанія сопровождаютъ каждый ударъ.

— Ай-да Болотовъ: ловко хватилъ! Ну-ка его еще разъ, еще, еще, такъ, такъ, важно! Эге,—свалился! Молодчина Болотовъ!

Даже завидно становится. А у насъ на кормѣ всѣ словно аршинъ проглотили. Если и идетъ бесѣда, то между двумя, много тремя пассажирами. Только инженеръ-механикъ К. трещитъ безъ умолку, сыплетъ анекдотами, поговорками и эпизодами изъ собственной жизни и заливается при этомъ смѣхомъ, не стѣсняясь тѣмъ, что анекдотъ старъ, прибаутка избита, а слушатель остается серьезенъ. Впрочемъ, въ общемъ, онъ очень милъ и любезенъ и, во всякомъ случаѣ, пріятнѣе тѣхъ, кто напускною серьезностью думаетъ придать себѣ особый вѣсъ.

Приамурскій край бранятъ почти всѣ поголовно, защитниками являются только одинъ военный докторъ, да молоденькая барынька, предчувствующая, что ужъ не играть ей въ Петербургѣ той роли, какъ на окраинѣ. Юлій Цезарь все еще имѣетъ много послѣдовате-

лей и особенно послѣдовательницъ. Что и игра первоклассныхъ артистовъ, когда въ театрѣ васъ никто не замѣчаетъ и только случайно кто-нибудь наведетъ бинокль на ваше хорошенькое личико? Можно ли веселиться въ роскошной залѣ дворянскаго собранія, когда вы не можете быть царицею бала? А что на окраинѣ царитъ произволъ, такъ вѣдь это до хорошенькихъ головокъ не относится: ихъ дѣло порхать, восхищать и, плѣнять, онѣ въ силахъ укрощать самыхъ грозныхъ и стоитъ имъ слегка пококетничать, предъ ихъ очаровательной улыбкой разсѣется даже грозный призракъ отставки безъ прошенія.

Но вотъ и старый знакомый, Сингануръ. Можно досмотрѣть недосмотрѣнное и возобновить прежнія впечатлѣнія. „Гдѣ я, о гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ; клюква и морошка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, бритыхъ и бородатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ

шапокъ, другіе носятъ кучу тканей на головѣ; одни вѣчно гомозятся за работой, съ молотомъ, съ ломомъ, съ иглой, съ рѣзцомъ; другіе едва даютъ себѣ трудъ съѣсть горсть рису и перемѣнить мѣсто въ цѣлый день; третьи, „объявивъ вражду всякому порядку и труду, на легкихъ „проа“ отважно рыщутъ по морямъ и насильственно собираютъ дань съ промышленныхъ мореходцевъ“—такъ восклицалъ Гончаровъ въ своемъ дневникѣ на Сингапурскомъ рейдѣ. У меня ничего подобнаго вырваться изъ подъ пера не можетъ, помимо отсутствія таланта, прежде всего потому, что я уже былъ разъ въ Сингапурѣ, а во вторыхъ потому, что теперь уже и не такъ удивительно для русскаго человѣка побывать въ тропикахъ.

Ежегодно десятки чиновниковъ и офицеровъ совершаютъ плаваніе изъ Одессы во Владивостокъ и обратно, вдоволь наѣдаются ананасами и мангу, запасаются фотографіями и индѣйскими тростями, и потомъ говорятъ о Сингапурѣ и Коломбо также просто, какъ прежде говорили о Новгородѣ и Твери. Прошло время и для поэтичныхъ, хотя и грозныхъ „проа“, фигурировавшихъ въ разсказахъ капитана Маріэтта и Майнъ-Рида, такъ какъ для нихъ уже невозможно гоняться за быстроходными пароходами, которые скоро совершенно вытѣснятъ парусниковъ. Всюду цивилизація, а съ нею и проза: рядомъ съ свѣжими ананасами, лежатъ

консервованные въ жестянкахъ, индусъ-извощикъ уже не бѣгаетъ сбоку экипажа, а сидитъ на козлахъ, вооруженный англійскимъ бичемъ, у мужчинъ еще болтаются серьги въ ушахъ, но уже нѣтъ колецъ въ носахъ, большинство, хотя и окутываетъ ноги кусками матеріи, но носитъ европейскіе пиджаки, крахмаленныя сорочки и галстуки, и только китайцы неукоснительно хранятъ національный костюмъ и традиціонныя косы.

Мой спутникъ по Нагассаки, ротмистръ Б., торопитъ меня на берегъ. Я имъ дорожу, такъ какъ онъ свободно объясняется по англійски, а я владѣю лишь французскимъ, да очень плохо нѣмецкимъ языками. Черезъ нѣсколько минутъ я уже готовъ и мы катимъ по знакомой мнѣ дорогѣ въ легонькой четырехмѣстной кареткѣ. Нашъ возница, смуглый красивый индусъ, съ черными усами, въ красной чалмѣ и съ кускомъ пестрой матеріи вокругъ ногъ, вмѣсто шароваръ, весело пощелкиваетъ бичемъ, а сытыя, кругленькія пони бѣгутъ крупной рысцей. Сингапуръ нисколько не измѣнился за полтора года, въ теченіи котораго я въ немъ не былъ.

Первымъ дѣломъ ѣдемъ на почту отправить письма. Долго вожусь я съ чиновникомъ, такъ какъ не обладаю англійскими монетами, перевести иностранныя на англійскій курсъ мы оба не умѣемъ, а объясниться

другъ съ другомъ не можемъ. Покончивъ съ письмами ѣдемъ въ гостинницу, въ ту самую, гдѣ я спросилъ вмѣсто „сколько стоитъ?“, „человѣкъ—спичекъ“. Освѣжившись лимонадомъ съ искусственнымъ льдомъ, отправляемся по лавкамъ. Заходимъ и въ магазинъ готоваго платья.

— Спросите хозяина, по англійски—есть-ли у него бѣлые костюмы?—прошу я Б.

— Зачѣмъ-же по англійски, когда можно спросить и по русски,—отзывается портной на чистомъ русскомъ языкѣ.

— Неужели вы русскій?

— Одесситъ и даже, отчасти, петербуржецъ.

Завязывается бесѣда и взаимные распросы, вскорѣ является и еще одинъ компатріотъ, одесскій еврейчикъ, держащій въ Сингапурѣ табачную и парфюмерную лавочку. Оба бойко торгуютъ, благодаря частому заходу русскихъ судовъ. Табачникъ приглашаетъ насъ въ свою лавочку. Ѣдемъ и туда, а затѣмъ въ китайскіе магазины. Господи! чего тутъ только нѣтъ: индѣйскія шали, японскіе лакированные столики съ перламутровою инкрустаціею, огромные вѣера, рѣзныя изъ слоновой кости и дерева вещицы, огромныя фарфоровыя вазы, японскіе и китайскіе кинжалы и сабли, лампы, замысловатые шкапики, бронзовыя статуетки и куклы. Что-бы перечислить все, что мы видимъ, нуженъ цѣлый

каталогъ, а на покупку по одному экземпляру всѣхъ предметовъ понадобилось-бы огромное состояніе, такъ какъ все это страшно дорого.

Мнѣ надоѣдаетъ разсматривать и, пока мой спутникъ торгуетъ какую-то шаль, я выхожу на улицу, покупаю десятокъ сочныхъ и сладкихъ, не смотря на зеленую кожу, мандариновъ и начинаю лакомиться. Наконецъ и Б. утомляется и мы идемъ въ гостинницу завтракать. Не смотря на страшный жаръ, мы проявляемъ волчій аппетитъ и истребляемъ все, что намъ подаютъ.

— Ну-съ, теперь ѣдемъ въ садъ Вампоа и въ ботаническій,—объявляетъ мнѣ Б. послѣ небольшаго кейфа,—я уже нанялъ возницу.

Катимъ по европейскимъ кварталамъ города, мимо консульствъ, банкирскихъ конторъ и готическаго собора, окруженнаго скверомъ и роскошнымъ цвѣтникомъ. Увидавъ какую-то вывѣску, Б., вмѣстѣ съ сопровождающимъ вѣстовымъ, куда-то изчезаютъ, оставивъ меня вдвоемъ съ возницею.

— Мусью э рюссъ, московъ? — спрашиваетъ меня послѣдній на страшно исковерканномъ французскомъ діалектѣ.

Отвѣчаю утвердительно.

— А вы знаете кто теперь турецкій султанъ?

— Знаю.

— Дрянь турецкій султанъ — онъ не защищаетъ насъ масульманъ, и англичане — дрянь, а вотъ русскіе — хорошіе и французы хорошіе: бонъ, бонъ, — повторяетъ нѣсколько разъ индусъ, — а когда-же русскіе придутъ насъ освобождать?

— Скоро, очень скоро, — стараюсь я утѣшить.

— О мы этого ждемъ!

Разговоръ нашъ прерывается возвращеніемъ моихъ спутниковъ, которые тащутъ съ собою кисть желтыхъ, какъ янтарь, банановъ и апельсины.

Но вотъ и садъ Вампоа, принадлежащій наслѣдникамъ китайскаго богача и бывшаго русскаго консула Вампоа, который еще мальчикомъ былъ привезенъ въ Сингапуръ, усвоилъ довольно хорошо англійскую образованность, но съ косою и національнымъ костюмомъ не раставался до самой смерти. Садъ не особенно великъ и разбитъ на правильные симметричные прямоугольники, дѣлающіе его довольно скучнымъ. Но зато въ его прудахъ такая масса роскошныхъ викторій-регій, какихъ я нигдѣ не видалъ. Для европейца — туриста — всего интереснѣ екарликовыя деревья, которымъ придана даже форма мандариновъ и придѣланы фарфоровыя головы и руки. Сколько терпѣнія и сколько, вмѣстѣ съ тѣмъ, безвкусія, чисто китайскаго, необходимо для культивировки этихъ раритетовъ. Словно во снѣ все это видишь, до такой степени непривычна для рус-

скаго глаза вся эта обстановка. Налюбовавшись зелеными башнями, дженками и тиграми, фарфоровыми дельфинами, изъ пасти которыхъ льются цѣлые потоки вьющихся растеній, и пальмовыми аллеями, двигаемся дальше.

Извощикъ нашъ оказывается на столько-же плутомъ, какъ и русскимъ патріотомъ, и безъ прибавки ни за что не хочетъ везти въ загородный ботаническій садъ, увѣряя, что онъ уже подвозилъ насъ къ ботаническому саду, а за городомъ вовсе не ботаническій, а англійскій садъ. Приходится прибавить лишній долларъ. То мы, то насъ обгоняютъ кабріолеты и коляски съ англійскими джентльменами и перетянутыми въ рюмочку леди, между которыми очень много хорошенькихъ, совершенно не похожихъ на тѣхъ барышень съ лошадиными зубами, которыя помѣшали моему чтенію въ Константинополѣ.

Ботаническій садъ по обширности представляетъ собою цѣлый паркъ. Каждое дерево снабжено дощечкой съ латинскимъ и англійскимъ названіемъ. Имѣется и птичникъ съ павлинами, голубями, райскими птицами и индѣйскими попугаями. По тѣнистому, пруду плаваютъ бѣлые и австралійскіе лебеди. Но въ общемъ онъ далеко не такъ хорошъ, какъ сады Гонъ-Конга, гдѣ я упивался ароматомъ цѣлаго моря геліотроповъ. Цвѣты роскошны, куртины причудливы и изящны, но большинство цвѣтовъ не пахнетъ.

Самымъ пахучимъ на тропическомъ востокѣ является всетаки бѣлый, скромный цвѣточекъ въ изобиліи украшающій алтари Будійскихъ и браминскихъ храмовъ. Новаллисъ ошибочно заставилъ тосковать своего героя о лазуревомъ цвѣткѣ: герой навѣрное тосковалъ объ этомъ бѣленькомъ цвѣточкѣ. Запахъ его — цѣлая поэма, гдѣ дѣйствуетъ черноокая красавица, можетъ быть какая-нибудь баядерка, принцесса и воплотившійся Брама. Что-то въ высшей степени женственное, ласкающее, нѣжное есть въ его запахѣ. Каждый разъ когда я его вдыхаю, мнѣ припоминаются чудныя страницы Магабараты и описанія лунной ночи въ романѣ Эберса „Уарда". Я думаю, что нѣмецкій археологъ именно съ того момента и сдѣлался поэтомъ, когда впервые понюхалъ этотъ цвѣточекъ. Я глубоко протестую противъ того положенія Макса Нордау будто всѣ запахи сами по себѣ имѣютъ одинаковую цѣну и между ними нѣтъ ни пріятныхъ, ни непріятныхъ и, будто запахъ разлагающагося тѣла и благоуханіе розы такъ-же мало отличаются другъ отъ друга, какъ синій цвѣтъ отъ зеленаго, или звукъ трубы отъ звука флейты. Только черствый прозаикъ могъ написать подобныя строки.

Нѣтъ, въ поэтѣ запахъ цвѣтка вызываетъ цѣлые образы и картины, ему разсказываетъ онъ, какъ была на свѣтѣ дѣвушка, превратившаяся въ лилію и застав-

ляетъ эту лилію разсказывать печальную исторію, какъ взялъ дѣвушку баринъ, полюбилъ и бросилъ, какъ пришли его крѣпостные и убить не убили дѣвушку, а надъ нею надругались. И плачетъ въ ароматѣ цвѣтка дѣвушка:

«Я умерла
«Зимою пидъ тыномъ,
«А весною процвила я
«Цвитомъ пры долини,
«Цвитомъ билымъ, якъ снигъ билымъ,
«Ажъ гай взвеселыла.

Въ ботаническомъ саду мы встрѣчаемъ цѣлую компанію нашихъ пароходныхъ пассажировъ и пассажирокъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ встрѣча съ этой компаніей. Я уже было совсѣмъ разфантазировался, сидя на скамейкѣ на берегу озера и любуясь граціозными движеніями лебедей; а тутъ заказные, неискренніе восторги, которыми стараются выразить любовь къ природѣ и пониманіе ея красотъ, дорожные ридикюльчики, такъ и напоминающіе русскіе вокзалы, какую-нибудь „Лоскутную гостинницу“, петербургскій гостинный дворъ во время лѣтняго наплыва провинціаловъ. Поспорить съ путешествующими россіянами могутъ, по части наведенія тоски, только англичане со своими пледами, складными стульями и гидами въ шагреневыхъ переплетахъ. Обмѣнявшись взаимными привѣтствіями и подтвердивъ, что природа дѣйствительно прекрасна и, что дѣйствительно

удивительно, что въ тропикахъ ростутъ саговыя и кококосовыя пальмы, китайскія розы и латаніи, мы съ Б. стараемся незамѣтно отстать отъ надоѣвшихъ и на пароходѣ спутниковъ: пускай-ужъ они восторгаются одни.

Солнце садится все ниже и ниже. Пора на пароходъ. Нашъ возница преспокойно заснулъ и намъ приходится его расталкивать.

— Надо прибавить, — раздается изъ его устъ первая фраза: мои бѣдные пони совершенно устали, да и я измучился.

— Не отъ сна-ли? — замѣчаю я.

Б. напоминаетъ корыстолюбивому индусу о существованіи полиціи и тотъ лезетъ на козлы. Кабріолетовъ и колясокъ попадается уже мало... Скучно возвращаться на пароходъ, гдѣ просидѣлъ цѣлыхъ три недѣли, словно въ тюрьмѣ. Опять будешь наблюдать, какъ старшій помощникъ командира, угрюмый и нелюдимый нѣмецъ, мрачно шагаетъ по палубѣ, слышать по сто разъ повторяемую однимъ изъ пассажировъ фразу о „горизонтальномъ положеніи“, которую онъ считаетъ верхомъ остроумія и играть въ домино, а ночью ощущать, какъ по тѣлу пробѣгаетъ дерзкая крыса.

На пароходѣ мы застаемъ веселье. Лейтенантъ П. угощаетъ консульскихъ клерковъ, молодыхъ французовъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на фортепьянахъ гимнъ

„Боже царя храни“. Но усталость беретъ свое, и я, тотчасъ послѣ чая, ухожу въ каюту и засыпаю подъ тихій шумъ прибоя волнъ.

Съ ранняго утра на пристани цѣлый базаръ. Запасные нижніе чины и матросы толкаются среди китайскихъ и малайскихъ торговцевъ и объясняются съ ними на всемірномъ языкѣ жестовъ.

— Сэръ, купите доллара, — обращается ко мнѣ какой-то малаецъ, предлагая два нашихъ пятака натертыхъ ртутью. Оказывается, что ихъ спустилъ ему за серебро какой-то предпріимчивый матросикъ.

Но вотъ развели пары, подняли якорь, винтъ зашумѣлъ, пристань сперва тихо, а потомъ все скорѣе и скорѣе начинаетъ удаляться, вотъ уже и городъ, словно въ туманѣ и мы выходимъ въ море.

ПОѢЗДКА НА ЦЕЙЛОНЪ.

I.

Скучно плавать, особенно когда стремишься на родину, гдѣ не былъ болѣе года, и когда заходишь уже въ знакомые порты. Всякая прелесть морскаго путешествія теряется окончательно: чудныя голубыя волны уже не приковываютъ къ себѣ взора: въ городахъ не бѣгаешь съ лихорадочною поспѣшностью, проистекающею изъ желанія все видѣть и высмотрѣть; а уйти въ лѣсъ, углубиться въ горы и тамъ забыть сутолоку судовой жизни съ ея нервной командой, надоѣвшими пассажирами и душной каютой — нѣтъ времени. Дни тянутся несторпимо долго: не сокращаетъ ихъ ни игра въ карты, шахматы и домино, ни словоохотливый собесѣдникъ, ни музыка, преподносимая барышней — меломанкой, въ видѣ „тигренка“ и венгерской рапсодіи Листа, переложенной для начинающихъ, ни перечи-

тываніе давно прочтенныхъ книгъ. Послѣ всего сказаннаго, станетъ понятно, какъ я возликовалъ, узнавъ, что въ Коломбо мы будемъ грузиться, простоимъ нѣсколько дней и, слѣдовательно, я буду имѣть возможность съѣздить вовнутрь Цейлона, этого дѣйствительно невыдуманнаго земнаго рая, хотя слишкомъ жаркаго для сѣверянина, привыкшаго къ холоду и морозу. Быть въ Кенди, ѣхать по пальмовымъ лѣсамъ, забраться на горы, на которыхъ не былъ почти ни одинъ русскій — это являлось мечтою, въ осуществленіе которой даже плохо вѣрилось. Но какой-то философъ давно уже сказалъ что „невозможное—возможно", и я подтвердилъ этотъ пародоксальный афоризмъ. Не успѣли мы стать на якорь, какъ я уже готовъ былъ къ поѣздкѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ и съ биноклемъ чрезъ плечо, — терять изъ золотаго времени не хотѣлось ни одной минуты. Къ счастью мой спутникъ, инженеръ — механикъ К, былъ не изъ послѣдователей Фабія — Кунктатора, и лишь только послѣдовало разрѣшеніе съѣхать на берегъ, мы уже сидѣли въ лодкѣ и наводили справки у услужливаго гида о времени отхода желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Оказалось, что до ближайшаго поѣзда остается цѣлыхъ пять часовъ. Нужно было какъ нибудь убить этотъ длинный періодъ, мы рѣшились употребить его на прогулку по магазинамъ. Таковые въ Коломбо раздѣляются на англійскіе

и туземные. Англійскіе торгуютъ безъ запросу и дерутъ страшно, туземные усиленно запрашиваютъ и продаютъ дешево. Англичане не держатъ никакихъ товаровъ, кромѣ европейскихъ, туземцы ведутъ торговлю исключительно произведеніями мѣстными. Слоны изъ чернаго дерева и изъ кости, шкатулки и коробочки изъ иголъ дикоабраза, всевозможныя трости и вѣеры, вазы и чашки изъ эмальированной мѣди, шелковыя ткани и платки — вотъ главный контингентъ товаровъ индѣйскихъ лавокъ. Все это въ первый разъ бьетъ въ глаза, соблазняетъ своей дешевизной и оригинальностью. Я знавалъ русскихъ, которые тратили сотни рублей на эту дребедень и потомъ не знали, куда дѣть всѣхъ накупленныхъ ими слоновъ и всякія плетеныя коробочки. Но стоитъ побывать въ Коломбо второй разъ — и манія покупокъ исчезаетъ: видишь, что деревянные слоны очень грубы, что европейскій шелкъ прочнѣе и изящнѣе. Вотъ почему я съ моимъ спутникомъ не столько покупали, сколько разсматривали, торговались и вообще изображали тѣхъ петербургскихъ барынь, которыя портятъ столько крови гостинодворскимъ прикащикамъ, переворачивая весь магазинъ и, въ концѣ концовъ, покупая на сорокъ копѣекъ какихъ нибудь тесемочекъ.

Зашли къ фотографу, еще молодому англійскому джентльмену, встрѣтившему насъ съ величіемъ, по крайней мѣрѣ, начальника отдѣленія. Сыны Альбіона

по этой части большіе мастера: почти въ каждомъ изъ нихъ сидитъ мистеръ Домби. Надо видѣть съ какимъ достоинствомъ, съ какой напыщенностью отпускаетъ вамъ англичанинъ кофе или вонючія американскія папиросы, — тогда поймешь, почему лондонской лордъ-мэръ способенъ разыгрывать съ самымъ серьезнымъ видомъ средневѣковую комедію въѣзда въ Сити. Но, во всякомъ случаѣ, эта напыщенность лучше наглаго зазывательства россійскихъ лавочниковъ. Съ видомъ начальника отдѣленія, фотографъ подалъ намъ свои коллекціи, завернулъ отобранные экземпляры и получилъ деньги. Французъ навѣрное бы въ это время отпустилъ нѣсколько комплиментовъ, нѣмецъ завелъ бы разговоръ о Бисмаркѣ, а англичанинъ не счелъ даже долгомъ отвѣтить на вопросы моего спутника лишь въ силу того, что онъ говорилъ не со сжатыми зубами и допуская синтаксическія ошибки.

Удивительное существо человѣкъ, смотритъ онъ въ Петербургѣ на растущія въ кадкахъ пальмы, и ему кажется, что такъ и должно быть, что пальмы всюду ростутъ въ кадкахъ, и иначе рости не могутъ; попадаетъ онъ въ Сингапуръ или на Цейлонъ и совершенно равнодушно взираетъ на то, что тѣ-же пальмы ростутъ тамъ на вольномъ воздухѣ, словно онѣ даже и не пальмы, а наша береза и рябина. Катаясь по улицамъ Коломбо, среди тропичес-

кой растительности и пестрой толпы сингалезцевъ, индусовъ и парсовъ, я чувствовалъ себя и совершенно также, какъ когда ѣздилъ по Невскому или Большой Морской, или расхаживалъ по немощеннымъ улицамъ Владивостока. То удивленіе, которое возбуждала непривычная обстановка въ первое путешествіе, какъ рукой сняло, и я принужденъ былъ уже выискивать предметы, достойные вниманія.

Вотъ, среди лачужекъ и матросскихъ пивныхъ, возвышается церковь католическихъ миссіонеровъ. Архитектура ея ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ костеловъ, которые вы можете встрѣтить въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ нибудь въ Минскѣ, Бѣлостокѣ или Шавляхъ; но надъ входными дверями, гдѣ обыкновенно пишется: Deo optimo, maximo, гордо красуется папскій гербъ, словно храмъ посвященъ не Богу, а именно намѣстнику св. Петра. Мнѣ невольно припомнилась поэма „Великій инквизиторъ“, вложенная Достоевскимъ въ уста Ивана Карамазова. Я плохо знакомъ съ послѣдователями Лойолы, но этотъ гербъ, эта папская тіара такъ и кричитъ, что не кроткое, полное любви ученіе Христа играетъ роль въ этомъ іезуитскомъ храмѣ, а нѣчто другое, что ведетъ не въ царство небесное, а въ знаменитую Каноссу, гдѣ стоялъ на колѣняхъ Генрихъ IV, и куда украдкой завернулъ на своемъ политическомъ пути даже самъ „желѣзный канцлеръ“, хотя нѣмцы

упорно отрицают эту диверсію. Любители красивых женских лиц, въ родѣ г. Скальковскаго, не нашли-бы въ Коломбо достойныхъ предметовъ для своего наблюденія, но за то сколько въ окружавшей насъ толпѣ было „красиваго тѣла“. Любая молодая туземка могла-бы послужить моделью для скульптора, которою не побрезговали-бы даже Канова и Торвальдсенъ. Но кто красивъ безусловно—это мужчины въ своихъ яркихъ костюмахъ и чалмахъ на головѣ, съ гордою поступью сыновъ юга, гдѣ не нужно изнурять себя тяжкимъ трудомъ;—они производятъ громадное впечатлѣніе на сѣверянина, выросшаго среди корявыхъ олонецкихъ мужиченковъ и коренастыхъ, крѣпко сшитыхъ, но неладно скроенныхъ фигуръ. Наше вниманіе привлекла впрочемъ и одна дѣвушка; бронзовый цвѣтъ не мѣшалъ миловидности молодаго лица, а бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, сверкающіе черные глаза, роскошный бюстъ подъ яркой красной тканью, не скрывающей стройной таліи, словно выточенныя ноги, и руки въ серебряныхъ браслетахъ дѣлали ее положительно красавицей. Цейлонская красавица навела моего спутника на игривыя тэмы, и его болтовня, которой онъ безъ умолка предавался съ минуты схода на берегъ, приняла характеръ тѣхъ пищеварительныхъ бесѣдъ которыя обыкновенно ведутся въ офицерскихъ курилкахъ или кабинетахъ „безшабашныхъ совѣтниковъ“, послѣ вкуснаго обѣда съ

приличными возліяніями. Согласитесь, среди пальмъ и банановъ, подъ синимъ тропическимъ небомъ, ощутить нѣчто знакомое, родное — было если и не пріятно, то оригинально, и мнѣ начинало казаться, что я ѣду не въ Кенди, а въ Малый Ярославецъ, чтобы тамъ подогрѣть и продолжать веселую пирушку. Но, слава Богу, и Малый Ярославецъ съ его закопченными табакомъ кабинетами, и „безшабашные совѣтники“ были далеко, и только мой спутникъ напоминалъ мнѣ о нихъ и о томъ, что мой удѣлъ — жить среди нихъ, а не среди того, что меня окружало въ эту минуту. Слушая игривыя темы и любуясь пестрой толпой въ бѣлыхъ, пунцовыхъ и оранжевыхъ костюмахъ, я незамѣтно доѣхалъ до вокзала, который сильно напоминаетъ своей постройкой Царскосельскій въ Петербургѣ. Окошко кассира было закрыто, но насъ любезно попросили войти въ кассу, изъ чего я сдѣлалъ заключеніе, что англичане во всемъ практичны: удобнѣе пустить двухъ человѣкъ въ кассу, нежели бѣжать и отпирать для нихъ окошко. Русскій кассиръ навѣрное открылъ-бы послѣднее и съ такимъ гнѣвомъ сунулъ-бы билеты, словно ему наступили на самый больной или, какъ говорятъ, любимый мозоль. Знакомый гнѣвъ, царящій въ разныхъ россійскихъ частныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ, невольно припомнился мнѣ, когда К. расчитывался за проѣздные билеты въ Кенди и обратно съ вѣжливымъ

джентльменомъ въ синемъ пиджачкѣ. И обратные билеты у англичанъ удобнѣе, чѣмъ у насъ: они дѣйствительны въ теченіи десяти сутокъ. Еще комфортабельное учрежденіе — это безплатныя уборныя, гдѣ въ распоряженіи пассажировъ находятся мыло, полотенцы, щетки и гребенки. Мы, конечно, не преминули воспользоваться этимъ удобствомъ, такъ какъ во время странствованій по городу порядкомъ таки запылились. Не дождавшись перваго звонка, какъ только подали поѣздъ, мы сѣли въ вагонъ (это у англичанъ дозволяется); вслѣдъ за нами взошла молодая дама съ мальчикомъ и старикъ бонза въ желтой шелковой тогѣ. Леди была некрасива, но элегантна, изящна и необыкновенно стройна, что дѣлало ее очень привлекательной, особенно послѣ нашихъ пароходныхъ дамъ, не признававшихъ стѣсненія въ костюмахъ. Бонза своимъ лицомъ напоминалъ стараго чиновника или учителя латинскаго языка, и только костюмъ и ротъ, словно окровавленный отъ жеванія бетеля, мѣшалъ окончательному сходству. Подъ крышей дебаркадера раздался рожокъ, и къ поѣзду подкатилъ почтовый ящикъ, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ развозятъ у насъ товары изъ разныхъ промышленныхъ заведеній и газеты на почту. Почтальонъ, онъ-же и кучеръ, отворилъ дверцы, вынулъ тюки, и въ двѣ три минуты сдача почты была окончена. Раздался звонокъ первый, прошло нѣсколько запозда-

лыхъ пассажировъ, потомъ послѣдовали быстро второй и третій звонокъ, и поѣздъ двинулся. Чрезъ полверсты или версту, но все еще въ городѣ, мы приняли съ платформы новыхъ пассажировъ и понеслись дальше, мимо хижинъ туземцевъ, болотъ поросшихъ лотосомъ, и кокосовыхъ рощъ. Любоваться въ окошко пришлось не долго: не успѣли на небѣ догорѣть послѣдніе розовые отблески вечерней зари, какъ уже, словно при театральныхъ представленіяхъ, наступилъ мракъ.

Parlez-vous français? обратился къ намъ бонза и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освѣдомился, откуда мы ѣдемъ и куда.

— Ѣдемъ изъ Владивостока, теперь въ Кенди, а затѣмъ въ Одессу и въ Петербургъ.

Повидимому, эти географическіе термины были совершенно незнакомы жрецу буддизма, и онъ ограничился вопросомъ, тепло-ли тамъ, откуда мы ѣдемъ. Узнавъ, что холодно, онъ съ видимымъ сожалѣніемъ покачалъ головой и затѣмъ почему-то объявилъ, что онъ — буддійскій священникъ. Я замѣтилъ, что это видно по его костюму.

— Въ Кенди знаменитый буддійскій храмъ, туда ѣздитъ много народу на поклоненіе,—счелъ онъ долгомъ замѣтить намъ, и на этомъ разговоръ прервался, такъ какъ бонза владѣлъ французскимъ языкомъ довольно плохо. Чрезъ нѣсколько станцій, мы остались

съ К. одни въ вагонѣ. Мимо оконъ, какъ фосфорическія искры, летали свѣтящіеся жучки, на станціяхъ разнощики выкрикивали гортаннымъ голосомъ: „курумба“ и совали намъ кокосы. Кое гдѣ въ просѣкахъ попадались шалаши туземцевъ, возсѣдавшихъ около горящихъ очаговъ въ костюмахъ нашихъ прародителей. Буфетовъ нигдѣ не полагается, и я, для удовлетворенія аппетита, вынужденъ былъ купить, на одной изъ станцій, кисть желтыхъ, какъ янтарь, и душистыхъ банановъ и принялся ихъ уплетать подъ все еще не прекращавшуюся болтовню моего спутника, который тароторилъ о своихъ путешествіяхъ, о судовой жизни, декламировалъ фривольные стишки и сталъ уже порядкомъ надоѣдать. Теплый, нѣжащій, вечерній воздухъ, вѣтерокъ, пропитанный ароматомъ тропическаго лѣса и чудная ночь настраивали на мечтательность. Я чувствовалъ, что перестаю быть завзятымъ прозаикомъ, хотѣлось сдѣлаться хоть на нѣсколько минутъ поэтомъ, а тутъ—Барковъ, приключенія разныхъ мичмановъ и лейтенантовъ, табачная атмосфера офицерскихъ курилокъ! Чтобы отдѣлаться отъ болтовни, я притворился спящимъ и предался грезамъ. Грезилась мнѣ процессія идоловъ, брамины, умирающіе отъ голода на порогахъ своихъ должниковъ, сладострастные танцы баядерокъ, дервиши съ проросшими сквозь ладони ногтями,—все то, о чемъ я читалъ и чего не нашелъ ни въ Син-

гапурѣ, ни въ Коломбо, гдѣ англійская цивилизація уже значительно отняла у мѣстнаго быта и оригинальную прелесть, и мрачную кровожадность нравовъ. Грезилась и недавно видѣнная бронзовая красавица съ ея упругимъ, словно налитымъ дѣвственнымъ бюстомъ и гибкой таліей; мнѣ казалось, что здѣсь, подъ палящимъ зноемъ почти перпендикулярныхъ лучей солнца, и не должно быть другой красоты, кромѣ красоты бронзоваго тѣла, красоты чувственной, трепещущей страстью, разжигающей даже жидкую, бѣдную фосфоромъ и желѣзомъ, сѣверную кровь. Дамаянти не могла быть мечтательной воздушной Гретхенъ, она должна была внушать не нашу платоническую, выдуманную любовь, а здоровое чувство брачнаго инстинкта, въ то же время далекаго, какъ небо отъ земли,—отъ европейскаго разврата оперетки, отъ тѣхъ сладострастныхъ мыслей, возбуждать которыя призваны наши дамскія моды, съ ихъ „modesties", турнюрами и другими ухищреніями. Мой спутникъ, видя, что я его не слушаю, отъ скуки началъ распѣвать, и вагонъ, вѣроятно, впервые огласили звуки „Аскольдовой могилы". Мы неслись на краю какой-то пропасти, глубину которой однако я не могъ опредѣлить вслѣдствіе темноты.

— Кенди!—объявилъ кондукторъ.

Не успѣлъ еще контролеръ оторвать половинки нашихъ билетовъ, какъ уже насъ окружила цѣлая тол-

па бронзовыхъ извощиковъ въ чалмахъ и куда-то повлекла. Я началъ соображать лишь тогда, когда очутился въ легкомъ и изящномъ англійскомъ экипажѣ, который катили крупной рысью двѣ маленькія, но выхоленныя и сытныя лошадки. Городъ уже спалъ. На Цейлонѣ жизнь и начинается и кончается очень рано. И англичане и туземцы не любятъ портить зрѣнія вечернимъ освѣщеніемъ, и предпочитаютъ жить днемъ, при яркомъ солнцѣ, а не при лампахъ и свѣчахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ черномазый возница доставилъ насъ въ единственную въ городѣ гостинницу „Queen Hotel", содержимую мистеромъ Чемпбелемъ и настолько комфортабельную, что вы не найдете такой ни въ одномъ русскомъ городкѣ съ семнадцатью тысячами жителей, т. е. въ равномъ по населенію съ Кенди. Комфортъ у англичанина—главное. Онъ спокойно обходится безъ оперы и драмы, безъ удовлетворенія всякихъ другихъ эстетическихъ потребностей, но безъ комфорта немыслимъ, кажется, и на необитаемомъ островѣ. Гостинницы повсюду идутъ въ разрѣзъ съ общею жизнью, и потому, хотя городъ и погруженъ въ глубокій сонъ, въ „Queen Hotel" можно достать ужинъ, равный нашему обѣду. Заказавъ ужинъ, мы привели въ ужасъ лакеевъ-сингалезцевъ, выпивъ по рюмкѣ коньяку безъ воды, и, насытившись, отправились въ номеръ, гдѣ насъ ожидали двѣ кровати, изъ

которыхъ каждая могла бы смѣло служить троимъ. Обстановка номера до нельзя проста, но не забыто ни одно удобство. Кровати завѣшены легкими и прозрачными пологами, свободно пропускающими воздухъ, но вполнѣ защищающими отъ комаровъ. При каждой кровати умывальникъ съ двумя полотенцами, столикъ, графинъ и стаканъ. Ни лубочныхъ олеографій, ни масляныхъ картинъ малярной работы не полагается, но за то обиліе воздуха и безусловная чистота.

Мой спутникъ не унимался въ своей болтовнѣ. Онъ усѣлся на кровать и началъ повѣствованіе о томъ, какъ во Владивостокѣ его хотѣли сдѣлать съумашедшимъ, — одну изъ тѣхъ исторій, которую вы часто услышите отъ „амурцевъ“: возьмутъ, объявятъ невмѣняемымъ, а потомъ и доказывай свою правоспособность. Способъ, довольно легкій, отдѣлаться отъ непріятнаго человѣка, практиковавшійся, впрочемъ, недавно и въ европейской Россіи. Душевная болѣзнь — это такое растяжимое понятіе, что можно каждаго пригнать подъ мѣрку психопата. На Амурѣ, впрочемъ, и безъ психопатства обходятся: тамошніе эскулапы просто-напросто изобрѣли „ненормальныхъ людей“. Ну-ка, подите, докажите, что вы нормальный? Что норма — брать взятки или не брать? совмѣщать медицинскую практику съ извозомъ или нѣтъ? Гнуть спину или держаться прямо? Мѣстные прожектеры считаются людьми вполнѣ нор-

мальными, а почитайте-ка ихъ проекты и вы усумнитесь, все-ли въ порядкѣ въ ихъ нормальныхъ головахъ.

II.

— Экъ вы заспались, вставайте пить чай, уже семь часовъ, — разбудилъ меня утромъ К. На столѣ красовался чайникъ съ кипяченнымъ на плитѣ и крѣпкимъ, какъ пиво, чаемъ, горячіе сухарики, жирныя сливки и прелестное масло. Соскочить съ кровати на мягкій коверъ, освѣжиться холодной водой и одѣться въ тропическій костюмъ — было дѣломъ одной минуты. Выпивъ чашку противной микстуры, которую англичане называетъ чаемъ, и совершивъ, при помощи мѣстнаго парикмахера, избавленіе головы отъ излишней растительности, я былъ совершенно готовъ къ осмотру достопримѣчательностей города.

Кенди гораздо оригинальнѣе Коломбо: во всѣхъ домахъ двери открыты и замаскированы отъ любопытныхъ взглядовъ лишь огромными экранами. На многихъ домахъ прибиты, въ видѣ украшенія, оленьи рога: символъ ли это горькой участи мужей, или охотничьихъ наклонностей обывателей рѣшить не берусь. Повсюду на улицахъ масса ребятишекъ всевозможныхъ оттѣнковъ кожи: отъ бронзоваго до прозрачно-бѣлаго, свойственнаго сынамъ германскаго племени. Мостовыхъ, какъ и въ Коломбо, нѣтъ, но всѣ улицы прекрасно шоссиро-

ваны, что гораздо удобнѣе и для лошадей и для экипажей, и избавляетъ жителей отъ удовольствія слушать надоѣдливое дребежжаніе колесъ, такъ мучащее въ европейскихъ городахъ. Кенди утопаетъ въ зелени и цвѣтахъ: куда ни посмотришь, цвѣтутъ махровыя китайскія розы и камеліи, гнутся подъ тяжестью увѣсистыхъ плодовъ кокосовыя пальмы... Мы, то и дѣло, обгоняли старыхъ и молодыхъ бонзъ съ бритыми головами, малайцевъ въ яркихъ, пестрыхъ платьяхъ европейскаго покроя, парсовъ въ расшитыхъ золотомъ колпакахъ, сингалезцевъ съ дамскими гребенками, въ роскошной натуральной шевелюрѣ, и только христіанскіе церкви, газовые фонари, да полисмены въ синихъ курткахъ напоминали намъ объ европейской цивилизаціи. Но своеобразная, похожая на какой-то фантастическій балетъ, индѣйская жизнь преобладала; мы несомнѣнно были въ Индіи, въ самой настоящей Индіи, а не той, которую приходится видѣть въ портовыхъ городахъ, гдѣ она уже побраталась съ Европой и стала мѣнять свою оригинальную прелесть на нашу цивилизованную европейскую прозаическую монотонность, строющую и Харьковъ и Берлинъ, и Шангай по одному шаблону, и превращающую японскаго даиміоса въ денди съ англійскимъ проборомъ, а апраксинскаго прикащика Сиволапова — въ парижскаго бульвардье съ подстриженными „бачками“, какіе носятъ англійскіе офицеры.

Во время моихъ странствованій по азіатскимъ колоніямъ Англіи, мнѣ всегда бросалось въ глаза, что Альбіонъ совершенно не заботится объ англизированіи. Англичане, повидимому, вовсе не питаютъ того страха къ инородческимъ элементамъ, какой, напримѣръ, замѣчается у насъ на окраинахъ. На Амурѣ трактуютъ о томъ, чтобы отодвинуть отъ границъ поселившихся въ Южно-Уссурійскомъ краѣ корейцевъ, изъ которыхъ многіе приняли православіе и срѣзали свои традиціонныя, завернутыя въ шишки, косы, а Сингапуръ гостепріимно открываетъ свои двери китайцамъ. Въ Шангаѣ и Гонконгѣ гордые сыны Британіи, не отвѣчающіе людямъ, плохо говорящимъ по англійски, преспокойно объясняются на особомъ англо-китайскомъ жаргонѣ, вербуютъ въ свою полицію китайцевъ, и словомъ не заикаются по поводу обогащенія разныхъ Квангъ-Воо, Вамъ-Поа и Чунъ-Синовъ. Правда они не допускаютъ равноправности для Индусовъ, сингалезцевъ и китайцевъ, но слѣдуетъ помнить, что они не сразу предоставили эту равноправность и католикамъ и евреямъ, и до сихъ поръ не пускаютъ въ парламентъ свободныхъ мыслителей. Это не политическій девизъ divide et impera, а скорѣе общественный предразсудокъ, въ силу котораго англичане считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ, а всѣхъ остальныхъ считаютъ и грубыми и неряшливыми. Въ Приамурской

области существуютъ цѣлые вопросы — „манзовскій“, „корейскій“, нѣмецкій; галдятъ о мирномъ завоеваніи края Китаемъ, о конкуренціи иностранцевъ. Ничего подобнаго вы не встрѣтите въ англійскихъ колоніальныхъ газетахъ. Англичане увѣрены, что тамъ, гдѣ они сидятъ, они сидятъ крѣпко и съумѣютъ подавить всякіе политическіе замыслы, если таковые дѣйствительно явятся среди туземцевъ. Говорятъ, что англичане смотрятъ на индусовъ и китайцевъ, какъ на дойный скотъ, что они ихъ эксплуатируютъ и безпощадно давятъ налогами. Но они же даютъ имъ и школы, прекрасныя гавани и дороги, газовое освѣщеніе, маяки и доки, а если культурныя удобства имѣютъ въ виду прежде всего самихъ англичанъ, то все-же они не могутъ не отражаться и на интересахъ туземцевъ.

— Желаете посмотрѣть кофейную и шеколадную плантацію? — спросилъ насъ гидъ, когда мы поравнялись съ какимъ то садомъ, по которому разгуливалъ джентльменъ съ ружьемъ. Джентльменъ этотъ оказался очень любезнымъ и весьма обстоятельно объяснилъ вздѣлываніе кофейныхъ деревьевъ и какао, а въ заключеніе приподнесъ намъ плоды послѣдняго. Впрочемъ мнѣ, какъ не понимающему по англійски, пришлось ограничиться нѣмымъ созерцаніемъ, аккуратно выполотой земли и правильно разсаженныхъ кустарниковъ съ зелеными ягодками, похожими на вишни. Раскланявшись

съ джентельменомъ, мы отправились въ знаменитый ботаническій садъ.

Привратникъ, прежде всего, попросилъ насъ записать въ книгу наши фамиліи и не безъ удивленіе смотрѣлъ, какъ я прописывалъ латинскими буквами свое длинное и трудно выговариваемое прозвище. Я назвалъ ботаническій садъ въ Кенди знаменитымъ. Въ Россіи онъ, вѣроятно, незнакомъ даже и ботаникамъ, но, по богатству коллекцій, по своему устройству и пространству, онъ дѣйствительно долженъ быть названъ знаменитымъ. Флора жаркаго пояса Азіи, Африки, Америки и Австраліи имѣетъ въ немъ всѣхъ своихъ представителей. Ботаникъ въ этомъ саду найдетъ богатое поле для научныхъ наблюденій, а простой туристъ можетъ вдоволь налюбоваться красивой группировкой деревъ, роскошным баобабами и аллеями стройныхъ саговыхъ пальмъ, изъ которыхъ каждая можетъ поспорить ростомъ съ нынѣ уже срубленной Atalea princeps, воспѣтой Гаршиннымъ. Не безъ удивленія разсматривали мы перцовыя и ванильныя деревья, чайные кусты и всякія африканскія napoleona imperialis и Цейлонскія phoenix silvestris и fricinatia radicalis. Но особенно привлекали наше вниманіе баобабы, которые такъ часто изображаются на картинкахъ. Подъ тѣнью каждаго могло бы укрыться если не цѣлое войско, то, по крайней мѣрѣ, рота солдатъ. Въ саду кипѣла работа; бронзо-

вые рабочіе, подъ наблюденіемъ англійскихъ садовниковъ, обчищали деревья и убирали пожелтѣвшіе листья. Глядя на эти листья, какъ признакъ вѣчной осени, и на почки молодыхъ, какъ зародышъ вѣчной весны, я невольно припомнилъ стихи Главка:

«Такъ, какъ древесные листья, проходятъ людей поколѣнья:
Листья древесные вѣтеръ разноситъ, и снова другіе
Съ каждой новой весной въ цвѣтущемъ лѣсу зеленѣютъ;
Такъ и людей поколѣнья: тѣ падаютъ, эти родятся;

Но эта осень, рядомъ съ лѣтомъ и весною, не производитъ того грустнаго впечатлѣнія, какъ наша сѣверная: эти желтые и красные опавшіе листья среди полнаго разсвѣта новыхъ — то-же, что покойники, которыхъ провозятъ по кипящимъ жизнью улицамъ большихъ городовъ, мимо роскошныхъ магазиновъ, афишъ, приглашающихъ въ маскарады, которыхъ обгоняютъ пышущія здоровьемъ молодыя лица, женихи, скачущіе къ невѣстамъ, люди, далекіе отъ мысли о смерти и полные надеждъ. Пусть падаютъ листья и людей поколѣнья, но природа, но новые листья и новыя поколѣнья людей будутъ жить тысячилѣтія, а въ послѣднихъ будемъ жить и мы, какъ бы ни мала была наша житейская роль. Къ тому же я скоро былъ отвлеченъ. Мои размышленія были внезапно прерваны. Предъ нами вдругъ выросла цѣлая группа туристовъ, тѣхъ турис-

товъ, которые каждою мелочью своего костюма хотятъ сказать, что они путешествуютъ; что они не заняты дѣломъ, не изучаютъ, а просто фланируютъ, имѣя средства превращать весь свѣтъ въ Итальянскій бульваръ, Невскій проспектъ, Елисейскія поля. Всѣ были въ одинаковыхъ сѣрыхъ костюмахъ, пуховыхъ шляпахъ причудливой формы и штиблетахъ. Сознавая свое фланерское достоинство, они небрежно осматривали рѣдкости сада, съ тѣмъ полускучающимъ, полуравнодушнымъ видомъ, съ какимъ фланеры ходятъ и по улицамъ надоѣвшаго имъ города и по сокровищницамъ искусства, гдѣ знатокъ цѣпенѣетъ и восторгается. Получивъ отъ проводника по вѣеру изъ коры какой то пальмы и уплативъ дань въ видѣ двухъ рупій, мы сѣли въ нашъ кэбъ и опять покатили среди пестрой толпы.

III.

Нашъ кэбъ катился по идущей винтомъ дорогѣ на какую то ужасно высокую гору. Слѣва открывались виды одинъ лучше другаго: то обнаруживалась пропасть, то взоръ ласкала широкая долина, въ которой люди представлялись муравьями, то воздвигалась цѣлая стѣна деревьевъ, спутанныхъ вьющимися растеніями, Описать всѣ эти красоты, всю эту панораму горной природы тропиковъ, могъ бы развѣ только великій художникъ. Скажу лишь, что я ощущаю что-то особен-

ное, — чувство, которое обхватываетъ лишь на лонѣ природы, да и то не всякой. Мнѣ казалось, что я вижу какой то волшебный сонъ; мое воображеніе никогда не способно было даже создать намекъ на что-нибудь подобное. Когда я глядѣлъ на выставкѣ картины Верещагина, я не вѣрилъ, чтобы природа Индіи могла быть такъ прекрасна. Но эти картины были лишь слабымъ намекомъ на то, что я видѣлъ въ описываемое время. У Верещагина небо напоминаетъ синюю бумагу, а я видѣлъ прозрачный лазурный куполъ, видѣлъ движеніе воздуха, чистаго до такой степени, что даже не было туманной дали.

Единственнымъ отравителемъ красотъ являлся К. Онъ рѣшительно ихъ не понималъ, куда-то торопилъ и жаловался на голодъ. Напрасно старался я ему указывать на сочетаніе красокъ и тѣней, которыхъ не придумалъ бы ни одинъ художникъ, — онъ бредилъ „дринкомъ“ и бифштексомъ. Понуканія о возвратѣ въ гостинницу ослабѣли лишь тогда, когда мы стали спускаться внизъ. Онъ даже не хотѣлъ осматривать знаменитаго буддійскаго храма Далада-Малагава, расположеннаго на берегу живописнѣйшаго озера и представляющаго собою главную достопримѣчательность Цейлона. Но я настоялъ на осмотрѣ. Уже ступени лѣстницы, ведущей къ храму, стоили вниманія. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ замѣнено новыми и хра-

нится, вѣроятно. гдѣ нибудь въ музеяхъ. Судя по сохранившимся, храмъ долженъ быть очень древнимъ: ихъ барельефы по своему характеру совершенно схожи съ ассирійскими. Я говорю, конечно, о работѣ, а не о стилѣ. На верхней площадкѣ лѣстницы былъ поставленъ огромный барельефъ Будды съ двумя слонами по бокамъ.

Храмъ окруженъ крытой галлереей, украшенной фресками, изображающими адъ и сильно напоминающими такія-же изображенія въ нашихъ церквахъ. Черти совершенно такіе, какъ на лубочныхъ картинахъ, съ надписями въ родѣ: „се діяволъ, искій кого поглотити“. Они терзаютъ грѣшниковъ совершенно тѣми-же способами, какъ и на упомянутыхъ изображеніяхъ, т. е. „припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ“ и отличаются лишь тѣмъ, что всѣ зеленые и голубые. Того-же цвѣта и демоны, имѣющіе видъ собакъ и птицъ, похожихъ на попугаевъ. Узенькій коридоръ, покрытый также фресками и барельефами, ведетъ въ обширную залу, служащую помѣщеніемъ для молящихся и украшенную стеклянными разноцвѣтными фонарями, небольшими флагами и бумажными цвѣтами. Въ одномъ изъ угловъ залы находится нѣсколько разной величины и формы барабановъ, употребляемыхъ для богослуженія. Изъ залы ведетъ нѣсколько ступеней во внутренній дворъ, гдѣ собственно и находится святилище храма, имѣю-

щее видъ часовни съ дверями съ четырехъ сторонъ. Стѣны покрыты фресками, изъ которыхъ боковыя — изображаютъ луну и солнце, а заднія — райскія блаженства. Передъ часовней стоятъ два фонаря, въ родѣ огромныхъ стеклянныхъ шкафовъ, заключающихъ въ себѣ столько-же солидные свѣтильники. Двери храма украшены золотомъ и слоновою костью.

Какіе то попрошайки все время приставали къ намъ: они усиленно совали мнѣ цвѣты и просили мелкихъ монетъ. Покончивъ съ осмотромъ храма, мы отправились взглянуть на помѣщающуюся вблизи него залу суда. Это — обширное помѣщеніе, вполнѣ приспособленное къ климату: со входной стороны оно скорѣе является просто крытой галлереей. Въ глубинѣ залы помѣщается возвышеніе, вродѣ огромной кафедры, на которой стоитъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. По бокамъ кафедры двѣ деревянныхъ перегородки, на которыхъ красуются списки всѣхъ бывшихъ кендійскихъ судей, а передъ кафедрою помѣщается также столъ, крытый зеленымъ сукномъ. Въ залѣ сидѣло нѣсколько индусовъ въ роскошныхъ, золотомъ расшитыхъ, костюмахъ и скромно одѣтыхъ англичанъ. Мы застали пріемъ прошеній, и джентльменъ, занимавшійся имъ, любезно пригласилъ насъ осмотрѣть все помѣщеніе. Архивъ и канцелярія суда помѣщаются въ отдѣльномъ зданіи, нѣсколько темноватомъ, не изобилующемъ

свѣтомъ, но зато весьма прохладномъ, что очень важно для служителей правосудія, которые должны быть постоянно хладнокровны. Гидъ приглашалъ насъ осмотрѣть дворецъ губернатора и другой буддійскій храмъ, но мой спутникъ объявилъ, что ему надоѣло осматривать, что онъ усталъ и хочетъ ѣсть. Пришлось покориться горькой участи и ѣхать въ гостинницу. Не удалось заглянуть и въ англійскій соборъ, построенный невдалекѣ отъ буддійскихъ святынь.

Въ отмщеніе К., я сталъ его торопить завтракать и отправляться на вокзалъ. Это дѣйствительно оказалось местью, такъ какъ К. большой гурманъ и любитъ ѣсть съ толкомъ и разстановкой, а вынужденъ былъ давиться кусками.

Огорченіе его усилилось, когда мы, пріѣхавъ на вокзалъ, узнали, что до отхода поѣзда остается около двухъ часовъ. Станціонная прислуга занималась уборкой комнатъ, пассажировъ никого не было, и даже швейцаръ разгуливалъ безъ сюртука. Если бы не черное лицо, то его можно было бы принять за одного изъ нашихъ николаевскихъ унтеровъ, которые еще сохранились въ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденіяхъ. Отъ нечего дѣлать, иду прогуляться около вокзала. Неподалеку расположена тюрьма, представляющая собою цѣлый городокъ. Немного дальше помѣщается рынокъ — каменная постройка, довольно чисто содержи-

мая. Близъ рынка я наткнулся на зрѣлище, котораго, вѣроятно, нигдѣ, къ позору Англіи въ цивилизованныхъ странахъ не увижу. Вели партію арестантовъ, конечно, туземцевъ, и среди нихъ въ кандалахъ шла женщина. Есть, значитъ, пятна и на солнцѣ. Впрочемъ, на англійскомъ солнцѣ ихъ много, довольно много наберется, если вѣрить Тэну, Жакольо и собственнымъ сатирикамъ Англіи. На вокзалѣ я купилъ брошюрку изданія христіанскаго общества просвѣщенія „The Geography of Ceylon“ и принялся ее разсматривать, въ ожиданіи поѣзда и пробужденія моего спутника, который на деревянной скамейкѣ задавалъ молодецкій храпъ. Изъ этой брошюрки и изъ того, что имѣлъ подъ рукою, я узналъ, что Кенди—главный городъ центральной провинціи и находится на высотѣ 1680 футовъ надъ уровнемъ моря. Основанъ онъ нѣкіимъ Пандитой-Премрама-Баху III-мъ около 1200 года до Р. X. и долго былъ столицею древней цейлонской монархіи. Въ немъ же укрывались послѣдніе туземные цари, сперва отъ нападенія малабарцевъ, а потомъ португальцевъ. Въ 1803 году, Кенди былъ взятъ и сожженъ англичанами, и отъ произведеннаго ими пожара уцѣлѣлъ лишь видѣнный мною храмъ, да тѣ разныя колонны, которыя стоятъ теперь въ залѣ суда, а прежде служили украшеніемъ царскаго дворца. Напоминаніемъ о древней царской власти остаются еще ея

символы въ видѣ изображеній, попеременно солнца и луны, окруженныхъ львами, на боковыхъ стѣнахъ святилища храма, въ которомъ хранится подъ золотымъ колпакомъ зубъ Будды. По буддійскому преданію, этотъ зубъ былъ принесенъ на Цейлонъ въ IV вѣкѣ до Р. Х.; но тѣ, кто его видѣлъ, утверждаютъ, что это просто зубъ какого-то животнаго.

Пока я перелистывалъ брошюрку, на вокзалѣ началось движеніе. „Николаевскій" швейцаръ облекся въ синюю куртку съ нашивками и красную шапочку, къ платформѣ стали подъѣзжать разной формы экипажи съ леди и джентльменами, или просто нагруженные разными чемоданами, баулами, желѣзными сундучками и картонками. Все это подхватывалось носильщиками, необыкновенно скоро вѣшалось и куда-то увозилось на тачкахъ. Англійскія барыни, всѣ перетянутыя въ корсеты, не исключая даже старухъ, своимъ поведеніемъ напоминали нѣсколько россіянокъ: онѣ много суетились, кричали что-то извощикамъ и носильщикамъ, въ самую нужную минуту не находили въ карманахъ портмоне и торопили мужчинъ. За то послѣдніе сохраняли олимпійское спокойствіе и вели себя такъ, какъ будто никуда и не ѣхали. Гейне въ одномъ мѣстѣ называетъ англичанъ „цивилизованными варварами". Это нѣсколько преувеличено, но очень характеристично. Есть что-то напыщенное, холодное,

сухое и безсердечное въ достаточномъ англичанинѣ. Глядя на эти вытянутыя, вѣчно чопорныя фигуры, такъ и кажется, что онѣ своею излишнею сдержанною надутостью хотятъ замаскировать грубость своей натуры. Я преклоняюсь предъ ихъ энергіей и желѣзной волей, предъ ихъ умѣніемъ устроиться въ колоніяхъ и замѣчательными сооруженіями; но всегда, когда я смотрю на эти сооруженія, мнѣ рисуется и оборотная сторона медали. Сидя въ роскошныхъ залахъ гостинницъ и любуясь изящными леди, въ бѣлыхъ платьяхъ съ кокетливо приколотыми цвѣтами въ волосахъ, и выбритыми, причесанными и выхоленными джентльменами, я представлялъ себѣ тѣхъ лондонскихъ бѣдняковъ, которыхъ съ такимъ трагизмомъ изображалъ Густавъ Дорэ, и припоминалъ сцены изъ „Холоднаго дома!“ Минутами мнѣ даже казалось, что я вижу на дамскихъ ручкахъ и бѣлыхъ галстукахъ джентльменовъ капли той крови, цѣною которой куплена вся эта роскошь и фешенебельность!

Раздался звонокъ, откуда-то изъ воротъ къ платформѣ подошелъ поѣздъ, и все бросилось въ вагоны. Прошло нѣсколько минутъ, паровозъ свистнулъ, и я могъ только бросить привѣтъ живописному городку, гдѣ провелъ нѣсколько дѣйствительно пріятныхъ минутъ и котораго, конечно, ужъ не увижу въ своихъ скитаніяхъ по свѣту.

IV.

Трудно описать дорогу, по которой мы ѣхали: поѣздъ извивался то среди тропическаго лѣса, съ его кокосами, хлѣбными деревьями и бананами, то среди сѣрыхъ и темно-коричневыхъ скалъ, съ пробивающимися родниками, то нырялъ въ туннели, которыхъ я насчиталъ цѣлыхъ десять, то шелъ по краю обрыва въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, и иногда предъ нашими глазами проходила та чудная картина, которую можно видѣть только въ гористыхъ странахъ.

Вторая станція отъ Кенди, Кудуганнова, стоитъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Неподалеку отъ вокзала, на пригоркѣ возвышается обелискъ;— это памятникъ губернатору острова, сэру Эдварду Бернею, при которомъ было построено инженеромъ, капитаномъ Девсономъ, Кендійское шоссе. Не знаю, живутъ ли теперь, но лѣтъ тридцать тому назадъ, тутъ обитали родіи или цейлонскіе паріи, ведшіе свой родъ отъ принцессы Наваратна-Валли, имѣвшей неосторожность увлечься мужчиною низшей касты и родившей отъ него сына. Такое „преступленіе“ влекло за собою смертную казнь, но легкомысленная и увлекающаяся принцесса какъ-то избѣжала смерти и даже соединила вокругъ себя различныхъ провинившихся аристократовъ. Легенда — схожая съ основаніемъ Рима, которая, впро-

чемъ, не принесла родіямъ никакой радости, и дальнѣйшая ихъ исторія есть совершенная противоположность исторіи потомства бѣглецовъ, собравшихся вокругъ сыновей весталки Реи Сильвіи. Римляне покорили весь тогдашній міръ, вели обширную торговлю и пополняли толпы своихъ рабовъ людьми всевозможныхъ націй. Родіи не имѣли права владѣть ни однимъ клочкомъ земли, не имѣли права торговать и принуждены были жить особнякомъ. Имъ запрещалось даже черпать воду изъ колодцевъ и рѣкъ вблизи городовъ, и ихъ пищу составляла падаль,—городскіе отброски, предметы ихъ ловли и охоты. Не имѣя никакихъ правъ, родіи тѣмъ не менѣе, несли обязанности: они должны были очищать дороги отъ палаго скота и доставлять дань царямъ, въ видѣ ремней, которыми держитъ на привязи дикихъ, только что пойманныхъ слоновъ. Нести повинности и не имѣть правъ, впрочемъ, не есть привилегія исключительно родіевъ, можно сказать, что и во многихъ цивилизованныхъ странахъ есть своего рода родіи, именуемые только другимъ образомъ. Англійское завоеваніе, принизивъ высшіе касты, конечно, вернуло человѣческія права несчастнымъ паріямъ, и такимъ образомъ лишній разъ подтвердило пословицу, что „нѣтъ худа безъ добра“.

Какъ гласитъ одна англійская брошюрка, начиная отъ Кадуганнова, мѣстность понижается къ уровню

моря. Тѣмъ не менѣе, еще долго виды, одинъ другаго живописнѣе, проходили предъ нашими глазами, словно движущаяся декорація. Не смотря на гранитныя скалы и глинистую почву, горы покрыты рощами и лѣсами; тамъ и сямъ виднѣются кофейныя плантаціи и рисовыя поля, спускающіяся уступами, напоминающими, — когда на нихъ глядишь сверху, — плохо выстриженные рекрутскіе затылки.

Первыя кофейныя плантаціи были насажены голландцами, слишкомъ два вѣка назадъ, но вслѣдствіе своей торговой политики, стремившейся поддерживать повсюду монополію, голландцы не развивали кофейнаго дѣла на Цейлонѣ, опасаясь повредить успѣхамъ того-же дѣла на островѣ Ява. Первые опыты правильнаго разведенія кофейныхъ плантацій были сдѣланы лишь въ 1825 году, уже англичанами. Съ тѣхъ поръ цѣнность цейлонскаго кофе, благодаря улучшеніяхъ его культуры, значительно возрасла, хотя его качества и уступаютъ качествамъ кофе, ростущаго на индѣйскомъ материкѣ, въ силу уже чисто климатическихъ условій. Урокъ весьма поучительный для многихъ финансистовъ и самозванныхъ политико-экономовъ. Но время обратиться къ пейзажу. Горные ручейки пробиваются изъ трещинъ скалъ, падаютъ съ обрывовъ водопадами и затѣмъ опять мирно журчатъ по камнямъ. Мѣстами между зеленью бѣлѣютъ мазанки, которыя навѣрно бы дали поводъ украин-

скому патріоту г. Мордовцеву отыскать среди сингалезцевъ и тамиловъ — пирятинскихъ казаковъ. Но я, при всемъ моемъ уваженіи ко всякаго рода патріотизму, при всей любви къ Малороссіи и поэзіи Гоголя и Шевченки, не нашелъ на Цейлонѣ даже и нѣжинскихъ грековъ, хотя между туземцами попадаются обладатели такихъ носовъ, которымъ позавидывалъ бы любой одесскій или таганрогскій негоціантъ изъ Фанара или Кефалоніи. Вотъ обрывы стали рѣже и не такъ глубоки, горъ уже не укутывали, словно чадрой, облака, все чаще и чаще попадались плоскогорія, и мы незамѣтно спустились въ въ однообразную низменность, которая уже не очаровывала взора, не приковывала къ окну. Мнѣ оставалось любоваться лишь миловидной сосѣдкой: къ ея свѣтлорусымъ волосамъ и блѣдному личику такъ шло бѣлое платьице, обрисовывавшее стройную и гибкую талію, какими обладаютъ лишь англичанки, конечно, хорошенькія. Это таліи совсѣмъ особыя,—не кокетливыя и наводящія на грѣховныя мысли таліи парижанокъ и варшавянокъ, которыя такъ и хочется обнять, а цѣломудренныя и строго изящныя, какъ сами англійскія красавицы. Поѣздъ летитъ, мелькаютъ деревья, рисовыя поля и болота, и вотъ мы снова въ Коломбо. Прощай, чудная природа! прощайте, горы и долины Цейлона!

Послѣ живописныхъ видовъ, послѣ чисто туземнаго

колорита Цейлона, меня уже не занимали знакомыя улицы Коломбо, пока насъ везли на пристань, гдѣ мы пересѣли на маленькій пароходикъ компаніи восточнаго пароходства, совершающій рейсы между судами, стоящими на рейдѣ.

V.

А нашъ пароходъ сегодня чуть не пустилъ ко дну англійскій! — встрѣтилъ меня новостью одинъ изъ моихъ спутниковъ, докторъ Ш., когда я сѣлъ за обѣденный столъ.

— Нарочно или нѣтъ?

А Богъ его знаетъ. Во всякомъ случаѣ, по этому поводу слѣдуетъ выпить рюмку очищенной. Нельзя было не одобрить такого предложенія въ виду хорошей закуски, состоявшей изъ свѣжей сочной колбасы, молодой редиски и креветокъ.

— А вы много потеряли, не побывавъ въ Кенди— говорю я доктору, чокнувшись съ нимъ рюмкой.

— А что?

— Да то, что всѣ эти Коломбо, Сингапуры—дрянь по сравненію съ тѣмъ, что видѣлъ я вчера и сегодня.

— И „дринкъ“ славный мы вчера сдѣлали не удержался высказать свое основное впечатлѣніе К.

На палубѣ вплоть до сумерекъ идетъ настоящій базаръ: тутъ и цейлонскія издѣлія, и сочные ананасы,

и толстокожіе, довольно безвкусные апельсины. Пассажиры снуютъ изъ угла въ уголъ съ брилліантовыми кольцами, рубинами, жемчугомъ, кошачьими глазами и лунными камнями. До глубокой ночи я только и слышалъ, что разговоры о покупкахъ, словно въ Коломбо и нѣтъ ничего другаго, кромѣ товаровъ, да фальшивыхъ и натуральныхъ драгоцѣнныхъ камней. Пускай природа будетъ хороша, какъ земной рай, пускай въ городѣ высятся древніе храмы, а музеи славятся своими коллекціями, — большинство русскихъ путешественниковъ остается къ нимъ равнодушно. У насъ на пароходѣ были и такіе путешественники, которые говорили: а очень мнѣ нужно осматривать всякій вздоръ! Чего я тамъ не видалъ? Да и въ самомъ дѣлѣ какой интересъ человѣку осматривать то, что не говоритъ ничего ни его уму, ни сердцу. Еще потомъ нужно рыться въ книгахъ и припоминать, кто такой Брама и кто былъ Будда, отчего въ храмѣ стоитъ такъ много Буддъ и пр. Я помню, что однажды въ разговорѣ о буддійскихъ храмахъ, я сталъ нѣсколько подробно распространяться о трехъ родахъ яктасовъ (демоны-убійцы); о прета, живущихъ въ пространствѣ, о мара, живущихъ въ тѣлѣ и о страстяхъ, живущихъ въ душѣ. Говорилъ о самомъ страшномъ изъ яктасовъ — Пивасатвѣ, котораго индусы изображаютъ съ гривой, разинутымъ ртомъ, торчащими клыками и свернутымъ въ

трубку языкомъ, съ красными бѣлками и голубыми глазами. Слушательницей моей была дама. Она снисходительно внимала моимъ разсказамъ; но только я дошелъ до того, что у Пивасатвы всегда въ рукахъ петля и дубина, какъ барыня меня перебила:

— Скажите, гдѣ вы купили такія хорошенькія запонки? спросила она меня.

— Въ Петербургѣ. Такъ видите ли у Пивасатвы есть жена Иззамунти и восьмеро дѣтей.

— Ахъ, да бросьте вы вашу индѣйшину. Вы точно индѣйскій пѣтухъ. Правда, что съ вами говорить нельзя. Нашли разговоръ про какихъ то тамъ буддійскихъ демоновъ! Вы разскажите-ка что нибудь о петербургскомъ бомондѣ.

Возвращаюсь однако къ Коломбо. Солнце сѣло, торговцы убрались. На пароходѣ водворилась обыденная жизнь. Пассажиры, какъ лютые враги, подѣлились на кружки. Неподалеку отъ насъ стоялъ пароходъ общества „Messagerie maritime“. Тамъ кипѣла работа, шумѣла лебедка, горѣлъ электрическій свѣтъ. Въ городѣ, среди массы огоньковъ, ярко лилъ потоки лучей электрическій фонарь маяка. Я припоминалъ свое первое посѣщеніе Коломбо, веселый обѣдъ въ „Hotel Oriental“. Увы! одинъ изъ моихъ тогдашнихъ спутниковъ успѣлъ уже поплатиться за честное отношеніе къ дѣлу и на Сахалинѣ сошелъ съ ума. Мысль объ этомъ борцѣ

за правду перенесла меня и въ покинутый Южно-Уссурійскій край, напомнила оборванныхъ истощенныхъ переселенцевъ, которыхъ съ женами и грудными дѣтьми высаживали на пустынный берегъ, предоставляя имъ устраиваться, какъ знаютъ. Опять, какъ живой, предсталъ фразеръ администраторъ, проповѣдывавшій либеральную идею о невмѣшательствѣ въ экономическую жизнь переселенцевъ и въ то-же время регулировавшій даже браки послѣднихъ. Припомнился длинный рядъ всякаго произвола и самодурства, возможнаго лишь тамъ, гдѣ „до Царя далеко и да Бога высоко“. А съ неба свѣтилъ серебряный серпъ мѣсяца, въ воздухѣ было что то живительное, ласкающее. Тихо плескали волны о каменный молъ. Печальныя и мрачныя мысли смѣнялись другими, припоминались чудныя ночи Новороссіи, гдѣ я провелъ свою юность, какъ любовался я когда то ими, сидя у окна и мечтая о своихъ будущихъ подвигахъ, о томъ, какъ сдѣлаю много-много добра. То была славная пора, пора вѣры и иллюзій, въ которыхъ слишкомъ рано пришлось разочароваться но которыя часто поддерживали меня въ трудныя минуты жизни и не давали погрязнуть въ житейскомъ омутѣ.

— А мы были у Араби-паши, — прервала мои мечты одна изъ пассажирокъ.

— Что-же видѣли знаменитаго египетскаго патріота и бывшую грозу англичанъ.

— Къ сожалѣнію нѣтъ, онъ извинился, что не можетъ насъ принять, велѣлъ подать намъ кофей и роскошные букеты.

Я нашелъ, что это очень любезно, хотя и слишкомъ ужъ по королевски. Впрочемъ и то сказать, какой интересъ представляли для египетскаго борца за независимость владивостокскія и сахалинскія барыни, даже самыя милыя и хорошенькія.

Утромъ я путсился въ новыя странствованія по берегу, не желая подвергать себя пароходной скукѣ, которой оставалось еще почти мѣсяцъ, и пользуясь тѣмъ, что къ намъ пришелъ пароходикъ „Восточной компаніи". Не успѣлъ я вступить на землю, какъ уже откуда-то выросъ гидъ.

— Желаете, господинъ, купить индѣйскія матеріи, осмотрѣть музей, кафедральный соборъ, не хотите ли отправиться на почту?—тараторилъ онъ на ломанномъ французскомъ языкѣ.

Я шелъ молча. Но Гидъ не отставалъ.

— Не сюда, не сюда, пойдемте на право: я вамъ покажу, гдѣ можно купить индѣйскія трости, — не унимался онъ.

Къ моему счастью, я встрѣтилъ одного нашего пассажира, который, при помощи полисмена, и освободилъ меня отъ навязчиваго сингалезца. Очутившись на свободѣ, я рѣшился ничего не осматривать, а просто гулять. Это лучшій способъ присмотрѣться къ самому

интересному — къ уличной жизни. Большинство путешественниковъ именно ее — то и не описываютъ, за исключеніемъ развѣ такихъ, какъ Гончаровъ. Описанію музеевъ, монументовъ, церквей посвящаются цѣлыя страницы, изъ сочиненій по этнографіи выхватываются цѣлые листы для описанія типовъ, а какъ живутъ — люди — объ этомъ говорятъ лишь вскользъ или распространяются о томъ, что уже сто разъ было описано: что въ Коломбо 120 тысячъ жителей, что въ немъ имѣются коллегіи св. Ѳомы, что барыни по утрамъ ходятъ въ кисейныхъ капотахъ, что Коломбо основанъ въ 495 г. до Р. Х. и т. д.

Мимо меня прошелъ мальчуганъ съ книгами подъ мышкой, заложивъ руки въ карманы и заломивъ шляпу на затылокъ. Вся его не дѣтски самостоятельная фигура такъ и говорила о томъ, что это — будущій коммерсантъ, имя котораго, быть можетъ, уже красуется на заголовкѣ фирмы. За нимъ прослѣдовала цѣлая толпа школьниковъ. Они другъ друга толкали, задѣвали прохожихъ, размахивали сумками и перевязанными ремнемъ книгами, и, вообще, вели себя, какъ всѣ школьники въ мірѣ: въ дѣтскомъ возрастѣ рѣдко встрѣтишь расовыя особенности вкусовъ и привычекъ. Дѣти почти вездѣ одинаковы, даже игры у нихъ однѣ и тѣже. Извощики въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ дремали на козлахъ. Парсы шли съ озабоченнымъ ви-

домъ и зонтиками подъ мышкой; сингалезцы, наоборотъ, обнаруживали болѣе подвижности. Англичане въ колоніяхъ, повидимому, презираютъ ходьбу, и я встрѣчалъ—не въ экипажахъ—только солдатъ, которые разгуливаютъ безъ всякаго оружія съ тросточками въ рукахъ. Европейскій кварталъ Мутвелль, — а я гулялъ по немъ, — вообще не отличается оживленіемъ: тутъ жизнь кипитъ внутри домовъ: въ конторахъ, банкахъ и административныхъ учрежденіяхъ, или въ гостинницѣ, гдѣ цѣлый день сидятъ за столиками, или лежатъ въ лонгшезахъ. Если кто и совершаетъ это передвиженіе, такъ это туземцы. Въ колоніяхъ нѣтъ ни фланеровъ ни визитеровъ: каждый занятъ дѣломъ, да и у кого явится охота фланировать при сорокаградусной жарѣ? Туристовъ тоже почти нѣтъ. Вообще Мутвелль кварталъ исключительно дѣловой, а потому и скучный, хотя, — какъ гласитъ моя брошюрка, — и самый красивый въ городѣ. Лишь разнощики оживляютъ его монотонность своими криками, да извощики — хлопаньемъ длинныхъ бичей. Кипучая жизнь Востока идетъ въ туземныхъ кварталахъ: тамъ — безпрерывная ярморка и, какъ во всѣхъ чисто — азіатскихъ городахъ, только самые интимные акты совершаются не на глазахъ публики. Жители юга не прячутся во внутрь домовъ, а живутъ на глазахъ публики, на улицахъ. На улицѣ варится обѣдъ, тутъ же мать кор-

митъ своего ребенка, моетъ и чешетъ старшихъ дѣтей. Только люди, болѣе усвоившіе цивилизацію, начинаютъ прятаться отъ глазъ наблюдателя. Въ находящемся среди города озерѣ, по которому снуютъ лодки, мужчины, женщины и дѣти, не смотря на проѣзжающіе экипажи и снующую толпу, купаются совершенно открыто и, повидимому, имъ даже въ голову не приходитъ, что это можетъ шокировать кого нибудь. Впрочемъ понятіе о приличіяхъ — такая относительная вещь. Англичане ни за что не станутъ курить при дамахъ, но я самъ видѣлъ, какъ тѣ же англичане въ Сингапурѣ, играя на городской площади въ крикетъ, снимали сюртуки. Наши помѣщики, во время оно, принимали гостей въ халатахъ, американцы заплевываютъ стѣны и ковры своихъ гостинницъ, а придворныя дамы Елизаветы англійской ругались, какъ извозщики. Побродивъ по улицамъ, я вспомнилъ, что въ «Oriental Hotel» проживаютъ нѣкоторые изъ пассажировъ нашего парохода и зашелъ о нихъ справиться. Они оказались дома. Номера отеля менѣе комфортабельны, чѣмъ таковые той гостинницы, въ которой мы останавливались въ Кенди и нѣсколько походятъ на наши уѣздные россійскіе, но и въ нихъ господствуетъ англійская чистота. Пассажиры пригласили меня завтракать въ общую залу. Отъ завтрака я отказался, но пошелъ съ ними посидѣть и по наблюдать „гордыхъ бритовъ“

Хозяинъ отеля сновалъ отъ стола къ столу и любезно вступалъ въ разговоры съ гостями. Съ нимъ охотно бесѣдовали, но ни одинъ изъ посѣтителей не протянулъ ему руки, какъ это дѣлается у насъ. А вѣдь, вѣроятно, онъ не бѣднѣе нашихъ Балашовыхъ и Понсе.

VI.

Заканчивая свои воспоминанія о Цейлонѣ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ индѣйскихъ фокусникахъ и заклинателяхъ змѣй и о великолѣпномъ молѣ въ Коломбо. О фокусникахъ и заклинателяхъ столько писали и еще больше разсказываютъ, что я ожидалъ отъ нихъ положительно чудесъ. Одинъ Жакальо посвятилъ имъ чуть не цѣлую главу и способенъ увѣрить каждаго, что чудеса еще не перевелись на земномъ шарѣ. Къ намъ на пароходъ, пріѣзжало два фокусника, но не одинъ изъ нихъ не исторгъ у зрителя того удивленія, которое производятъ разсказы французскаго путешественника. Всѣ ихъ фокусы давно уже продѣлываются фокусниками европейскими и основаны исключительно на ловкости рукъ. Выращиваніе въ нѣсколько минутъ растенія въ Европѣ дѣлается гораздо искуснѣе. Одинъ изъ пароходныхъ пассажировъ, смѣясь, даже показалъ индусу, что листья только что выросшаго изъ сѣмени деревца уже попорчены гусеницами. Опыты гипнотизированія раковъ и куръ, которые я видѣлъ

въ Европѣ, гораздо интереснѣе укрощенія, порядкомъ измученныхъ, очковыхъ змѣй. Заклинатель открываетъ крышку плетенки, въ которой лежитъ змѣя, и начинаетъ играть на дудочкѣ, не спуская со змѣи глазъ. Змѣя остается все время неподвижной, затѣмъ фокусникъ ее дразнитъ и моментально захлопываетъ крышку. Мои спутники — доктора разсматривали змѣй и говорили, что лишь у одной изъ нихъ не вырваны ядовитые зубы, — именно у той, которую и не гипнотизировали.

Самою интересною частью программы было жонглированіе, но и опыты послѣдняго не хуже продѣлываются китайскими эквилибристами, пріѣзжающими во Владивостокъ и дающими свои представленія на базарѣ европейскимъ жонглерамъ, однако далеко до тѣхъ и другихъ. Китайскій и индѣйскій жонглеръ, напримѣръ, ставитъ пять, шесть палокъ одна на другую, на верхнюю помѣщаетъ мѣдную тарелку и начинаетъ ее вертѣть, балансируя палками. Индусъ, показывавшій фокусы на пароходѣ, помѣщалъ огромный мѣдный тазъ на тоненькую тростниковую тросточку, которая то совершенно сгибалась, то выпрямлялась, и выдѣлывалъ съ нимъ положительныя чудеса.

Молъ въ Коломбо — чудо которое бросается въ глаза лишь спеціалистамъ. Построенъ онъ на глубинѣ, доступной для самыхъ глубоко-сидящихъ фрегатовъ, и тянется, по крайней

на версту. Соорудили его чуть ли не всего въ два года, и соорудили при помощи арестантскаго труда, который у насъ на Сахалинѣ оказывается никуда негоднымъ, благодаря неспособности кабинетныхъ тюрьмовѣдовъ. Не говоря уже о прочности постройки, которая разсчитана на океанійскія волны, молъ очень красивъ. Помѣщающаяся на его концѣ каменная башенка для створныхъ огней—положительная игрушечка. И все это сдѣлано не спеціалистами-каменьщиками, а людьми, никогда даже не видавшими, какъ подобныя работы совершаются. Мы все ищемъ удобныя гавани, засоряя и тѣ, которыя у насъ есть, какъ напримѣръ, таганрогскую, а англичане превращаютъ въ гавани чуть не открытое море. И ничего-то для нихъ нѣтъ невозможнаго. Какъ хотите, имъ можно не симпатизировать, изъ патріотизма даже ненавидѣть ихъ; но невозможно не относиться съ уваженіемъ и не стараться имъ подражать. Англичане горды, но вѣдь и нѣмцы горды, и мы кричимъ, что „всѣхъ шапками закидаемъ". Вся разница въ томъ, что англичанамъ есть чѣмъ гордиться, что они, если и проливаютъ чужую кровь, то несутъ вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ и цивилизацію, а не торжество грубой силы, какъ нѣмцы, объединенные подъ прусской каской. Сиръ Берней, стоящій на площади въ Коломбо, если бы его бронзовая статуя заговорила, могъ бы сказать: „я сжегъ

Кенди, но посмотрите, что я соорудилъ; мои соотечественники круто обходятся съ покоренными, но они достаточно имъ даютъ!“ А многіе ли изъ побѣдителей имѣютъ право сказать то-же? Мы двадцать лѣтъ хозяйничаемъ во Владивостокѣ, а что онъ предъ Гонконгомъ который немного его старѣе? жалкая деревушка, не имѣющая даже каменной церкви, гдѣ если и есть что хорошее, такъ оно сдѣлано нѣмцами или финляндцами. Я — патріотъ, но именно въ силу этого патріотизма, въ силу горячей любви ко благу своего народа, я и думаю, что мы должны преклонить головы передъ „цивилизованными варварами“, а не кичиться какими то мистическими преимуществами. Лишь откинувъ квасной патріотизмъ, переставъ кичиться передъ гнилымъ западомъ и позаимствовавъ у него еще много хорошаго, мы снова сдѣлаемся истинными патріотами, Такому патріотизму училъ насъ князь В. О. Одоевскій, одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей и писателей XIX вѣка, умѣвшій и любить свой народъ и отрѣшаться отъ китайскаго самообольщенія, при оцѣнкѣ государственныхъ и общественныхъ нуждъ.

